

ПИОНЕР

МАЙ

5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1967 г.

ЗАКОНЫ ПИОНЕРОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пионер предан Родине, партии, коммунизму.
Пионер готовится стать комсомольцем.
Пионер держит равнение на героев борьбы
и труда.

Пионер чтит память павших борцов
и готовится стать защитником Родины.

Пионер настойчив в учении, труде и спорте.

Пионер—честный и верный товарищ,
всегда смело стоит за правду.

Пионер—товарищ и вожак октябрат.

Пионер—друг пионерам и детям
трудящихся всех стран.

П И О Н Е Р

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

МАЙ

5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1967 г.

В тайге, на побережье морей, в степях, в горах и в тундре — повсюду: в поселках, в деревнях, в городах живут ребята, девчонки и мальчишки — пионеры.

Живут, учатся, играют, ссорятся, мирятся, думают и растут.

Каждый из них, придет срок, станет взрослым.

Взрослым, но каким?

Человек начинается тогда, когда он задумывается о себе самом.

Задумывается человек и сам создает, строит себя, и товарищам своим помогает расти так же, как товарищи помогают расти ему.

Перед тобой твои пионерские законы. Ты принял их, их приняли твои товарищи, весь ваш отряд и все отряды нашей страны.

Пионерские законы — то главное и то общее, что поможет вам всем вместе вырасти людьми, нужными нашему времени и нашей стране.

ПЕРВАЯ КРОВЬ

РАССКАЗ

М. СЛУЦКИС

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Действие этого рассказа происходит в конце тридцатых годов в Литве, тогда еще буржуазной.

Мы не знали, как его зовут. Когда он появлялся у нас во дворе, долговязый, тощий, с длинными прямыми волосами, мы начинали вопить в один голос: «Граф! Граф пришел!» Почему мы прозвали его Графом, не знаю. Может быть, потому, что он слегка волочил левую ногу, и хромота придавала его походке некоторую забавную торжественность.

Ни на кого не глядя, он проходил в ворота, а мы толпились во дворе, готовые к драке или, наоборот, к великой дружбе. Однако наши помыслы занимали его не больше, чем столбы, на которых держались ворота. Равнодушно проходил он мимо водокачки — предмета нашей необыкновенной гордости. Ведь ни в одном дворе поблизости водокачки не было. Наш заводила Степукас садился на нее верхом и раз двадцать подряд выкрики-

вал: «Граф! Граф! Граф!...» Незнакомец вздрагивал, как от удара, и напрямик направлялся к кузнице.

Кузница чернела в глубине двора. Ветер подхватывал крупинки саж и осыпал ими развешанное белье. Женщины проклинали кузницу, а заодно и кузнеца — молчаливого и хмурого человека. Нам же кузница казалась волшебной пещерой, где запрятаны таинственные сокровища. Никому из ребят кузнец и близко не разрешал подходить к кузнице, а Граф туда проникал беспрепятственно. Когда он входил, на минуту замолкал большой, тяжелый молот и вторивший ему молот поменьше.

Ух, и завидовали мы хромому! А он не обращал на нас никакого внимания. Степукас издавал пронзительный свист. Только он умел так свистеть. Но Граф как будто и не слышал этого свиста. И Степукас слезал с водокачки.

Мы считали, что Граф нас презирает. Мы даже были уверены, что он над нами смеется. Впрочем, никто из нас никогда не разго-

варивал с Графом. Его удлиненное, бледное лицо было прозрачно, как промасленная бумага. Глаза смотрели печально, но мы все равно читали в них презрение и насмешку.

Все ребята нашего двора очень его не любили, просто терпеть не могли. Но почему-то мы никак не решались затеять с ним драку. И вовсе не оттого, что он был старше, мы бы его одолели. Сам не знаю, почему, но стоило ему взглянуть на кого-нибудь из нас, как озорник мгновенно осекался.

Долго мы ничего не знали об этом тощем, до смешного серьезном пареньке, чье появление заставляло умолкнуть кузницу. Возможно, он был куда лучше, умнее и даже смелее любого из нас. Но нам-то какое до этого было дело? Мы признавали только крепкие кулаки, умение сплевывать сквозь зубы и всякие дерзкие выходки.

Кузнец с чумазым, блестящим от пота лицом явно уважал нашего неприятеля. Он пускал его в кузницу, куда нам была заказана дорога. Кузнец кидал ему инструменты, и в руках у Графа так и летали всякие ножовки, пилки! От его медлительности и хрупкости не оставалось и следа. Ловкие, длинные пальцы что-то распрямляли, сгибали. Иногда кузнец просил Графа помочь ему.

Мы смотрели издали на хлопчущего у наковальни Графа и кричали ему что-нибудь обидное. Но кузнец сердито грозил нам кулаком, и мы унимались.

— Подумаешь, большое дело — мехи раздувать! — кривлялся Степукас. — Я и за деньги не стал бы.

И мы уходили со двора, от дымной кузницы и чумазого кузнеца, от высокомерного Графа и бежали к казармам, где было куда интереснее.

На залитом солнцем плацу то маршировали, то стреляли по мишеням солдаты в красивых мундирах. Мы любили смотреть, как рослые, неуклюжие солдаты прыгают через деревянного козла и взбираются по шведской стенке. Но больше всего нам нравилось наблюдать, как властно командовал солдатами высокий черноглазый офицер. Его сапоги, ремень, желтая кобура так и сияли. Вроде бы совсем не громким голосом он отдавал команду, и сотни солдат начинали чеканить шаг — залюбуешься!

Мы обожали этого красавца с пружинящей походкой. Когда учитель на уроке истории рассказывал нам о древних героях и их подвигах, мы представляли себе нашего лейтенанта с учебного плаца. Только виделся он нам в латах и с мечом. За ним мы готовы были кинуться в огонь и в воду!

Иногда к нам домой приходили приятели отца. Но никто их гостями не считал, да и вели они себя вовсе не как гости. Они набивались в комнату и усаживались где попало: на стулья, на кровать, на тумбочку. Они без конца дымили папиросами «Кир».

Это были рабочие. От них пахло щелоком, мукой, дубильной кислотой, и по запаху я определял, кто из них работает на мыловаренном заводе, кто на мукомольне, а кто вроде моего отца — в вонючей кожевенной мастерской. Приходил одноногий Юзик. У него почти не было зубов, и он шипел, как гусь. Наша довольно просторная комната под крышей двухэтажного дома сразу становилась маленькой, когда вваливался бритоголовый великан Пятрас. Захаживал и веснушчатый, самый молодой из гостей Стасис. Со мной он здоровался не иначе, как дернув за ухо.

Говорили они много, горячились и ругали фабрикантов.

Я внимательно следил, как пустеют пачки «Кира», но слушать их разговоры было неинтересно. Многие слова были просто непонятны. Иногда гости принимались так горячо спорить, что мне становилось не по себе. Знал я, чем все это кончается!

— Что, ребята, скинемся или как? — почесав в затылке, шамкал беззубым ртом калека Юзик.

Некоторое время все молчали, нерешительно

переглядываясь и побряхтывая. Первым откликнулся мой отец:

— Э-э, провались они в болото...

Пробормотав свое любимое присловье, он принимался рыться в карманах.

На столе как бы сам собой появлялся шкалик. И все подсаживались поближе.

Однажды в субботу великан Пятрас привел с собой — кого бы вы подумали — Графа!

— Познакомься. — И он больно ткнул меня в бок. — Мой парень.

Не пацаном, парнем назвал, и я понял, что Пятрас им гордится. Таким-то задавай да еще хромым вдобавок!

Я растерялся. Во дворе я дразнил его так же усердно, как и все остальные. И сейчас мне стало стыдно, когда он протянул мне руку, словно видел меня впервые. В его грустных глазах не было насмешки.

— Ионас, — сказал он и крепко потряс мне руку.

Я стоял как дурак и не знал, о чем с ним говорить. Он был сильный. Даже плечо у меня побаливало, так он потряхнул мою руку. Хорошо, хоть мать послала меня в лавочку за керосином. Я бежал по улице и все не мог привыкнуть, что у Графа такое простое имя — Ионас.

Когда я вернулся, комната уже утопала в дыму. На этот раз среди гостей было много незнакомых. По их лицам и одежде я сразу сообразил, что это не рабочие. Они курили мало, разговаривали негромко.

Мой новый знакомый Ионас сидел в стороне и, подперев рукой подбородок, внимательно слушал. Он смотрел на говоривших так, словно все понимал. А я не понимал ничего. «Ионас, вот он какой. Ионас...» — дивился я и в глубине души завидовал ему. Теперь он выглядел еще старше и сильнее.

— Приходи ко мне, — сказал Ионас на прощание. — Я тебе кое-что интересное покажу.

А потом, словно вспомнив наши издевки, добродушно пояснил:

— Я всякие клетки в кузнице мастерю. Мы их продаем и покупаем масло. Легкие у меня дырявые, вот и штопаю их маслом...

И, точно желая показать мне, какие у него

легкие, Ионас закашлялся. Он долго кашлял, харкал и задыхался. На лбу у него выступил пот, в глазах стояли слезы, но он вроде бы доволен был, что так удивил меня.

— Ну что, придешь? — усмехнулся он.

Но зайти к нему мне не довелось, несмотря на то, что мне очень хотелось взглянуть на птичьих клетки. И кашля этого странного я больше не услышал.

Воскресенье выдалось солнечное. Ясное майское небо сияло, как никогда. Рабочие с нашего двора стали куда-то собираться. Мало кто из них ходил в костел. Куда же это они сегодня? Побежали за ними и мы, дети.

Главную улицу в это утро было не узнать. Скверик, где мы осенью сшибали каштаны, почему-то был окружен полицейскими. А народу возле сквера становилось все больше. Что же это затевается?

Вдруг я увидел возвышающегося над толпой нашего Пятраса. Его мощный бас перекрывал остальные голоса. Он поднял над головой кулак.

— Товарищи!

Толпа всколыхнулась, и множество голосов радостно откликнулось на это простое, близкое всем слово.

Мы со Степукасом решили пробраться поближе к Пятрасу. Мы ведь его знали, а я даже с его «парнем» был знаком. Да и сзывает он своих товарищей, а значит, и нас. Но люди стояли тесно, точно рожь в поле, и пробраться к Пятрасу оказалось нелегко. Втянув голову в плечи, я протискивался вперед. Степукас — за мной. Взобравшись на высокую цветочную клумбу, я снова увидел Пятраса. Вокруг него сгрудились рабочие. Я узнал среди них тех, которые курили у нас дома «Кир» и распивали шкалик. Я никогда раньше не видел их в этом скверике, где обычно сидели нарядные няни с богатыми белыми колясками.

Майский ветерок доносил до меня слова Пятраса:

— Наш праздник... Всех трудящихся... Будет с нас... Спину гнуть...

И внезапно над толпой возникла еще одна фигура — тонкая и хрупкая. Да это же наш Граф — Ионас!

Пятрас продолжал говорить, указывая пальцем на сына, но я уже не мог ничего разобрать — так загудела толпа. Каждый выкрикивал что хотел, и всем это очень нравилось.

— Эксплуататоры!.. Кровопийцы... Буржуи!..

— Чем наши дети провинились?!

Шум усиливался.

Солнце слепило глаза. Оно стояло прямо над головой — оранжевый сгусток огня. Кто-то крикнул:

— Товарищи! К тюрьме... Вызволим наших!

Рабочие принялись хватать детей и вышвыривать их из толпы, словно котят.

Но мы со Степукасом побежали вслед за колонной. Бежали переулками и проходными дворами, иногда даже забегая вперед.

Рабочие шли уже молча. Не слышно было ни песен, ни смеха. Только мерный топот ног и тяжелое дыхание. Яростно захлопывались окна пышных особняков.

В первом ряду ковылял Юзик, рядом с ним шел Пятрас с красным флагом. Увидел я и тех, незнакомых, которые приходили к нам в последний раз. А еще я увидел Графа! Он вышагивал прямой, развернув плечи, и вряд ли кто-нибудь сказал бы сейчас, что это чужоточный.

— Сто-о-о-й!!!

Посреди улицы выросла зеленая цепь солдат. Блеснули стволы винтовок. До солдат оставалось метров сто, не больше.

Стройный, красивый офицер пружинищей походкой прохаживался перед шеренгой. Его глянцевые сапоги сверкали. Сверкали ремни и перчатки. Это был тот самый лейтенант, который на плацу приковывал к себе наши взгляды. Как всегда, он скомандовал что-то вполголоса, и солдаты наставили на толпу винтовки.

— Расходись! — закричал полицейский.

Люди запели глухими, срывающимися голосами.

Сухо щелкнули затворы винтовок.

Мне захотелось кричать. Кричать что есть мочи. Я понял: они будут стрелять! В отца, в Питраса, в Графа!

Колонна с красным флагом продолжала двигаться вперед. И тут зеленая цепь загремела, окуталась дымом. Я увидел, как красный флаг покачнулся.

— Товарищи!..

У меня все поплыло перед глазами — люди, солдаты, небо.

— Това-а-ри-щи!

Когда я опомнился, я снова увидел флаг. Сорвав полотнище с древка, Граф своими длинными руками засовывал его себе за пазуху. Край флага еще выглядывал наружу, и мне почудилось, что праздничная сорочка Графа в крови.

Толпа редела. Люди разбегались, падали, опять поднимались. И только тесная кучка, где был и Граф, медленно приближалась к стрелявшим. Придерживая полы длинных шинелей, навстречу рабочим бежали синие полицейские и зеленые солдаты.

И тут я вновь увидел красивого офицера. Он отстегнул желтую кобуру, которой мы все так любовались, достал револьвер и прицелился в Графа. Офицер был спокоен, как на плацу.

И тут я закричал, как не кричал никогда в жизни:

— У-бий-цы-ы-ы-ы!

Графа уже не было видно.

Это была первая кровь, пролитая у меня на глазах. Весь наш двор навсегда запомнил Ионаса, и мы не могли себе простить, что называли его Графом.

Перевели с литовского
Л. Миль и Д. Эпштейнайте.

ДО ПРОМЕТЕЯ

Вадим ШЕФНЕР

Костер, похрустывая ветками,
Мне память тайную встревожил, —
Он был зажжен в пещерах предками
У горнокаменных подножий.
Как трудно было им, единственным,
На человеческом рассвете,
На неуютной и таинственной,
На неостроенной планете.

Быть может, там был каждый гением
(Бездарность выжила бедва ли!) —
С таким бессмертным удивлением
Они нам Землю открывали.
На них презрительными мордами,
Как на случайное уродство,
Посматривали звери, гордые
Своим косматым первородством.
Мы стали опытными, взрослыми,
А предки шли призывниками,
Как смертники, в разведку посланные
Предшествующими веками.

...Еще не поклонились идолам,
Еще анналов не писали...
А Прометей был после выдуман, —
Огонь они добыли сами.

Мальчик из До Линг

Моника ВАРНЕНСКАЯ

Моника Варненская — польская детская писательница — в прошлом году побывала в Южном Вьетнаме и написала книжку рассказов о его юных бойцах. Один рассказ — «Боевые пчелы джунглей» — вы уже читали в нашем журнале. Сегодня мы печатаем другой рассказ.

Вьетнамские школьники — дети партизан собрались на встречу с польской писательницей.

— Скажи мне, Танг, что это за песню пели сегодня ночью партизаны? — спросила я переводчика.

— Про какую песню ты говоришь?

— Про ту, в которой повторяется слово «До Линг». Что оно означает?

— До Линг? Это название деревушки, в которой жил мальчик-герой... Давно это было, лет десять назад. Только что кончилась

война с французами. И тут же появился новый враг — американцы. По их приказу стали выславивать тех, кто еще недавно проливал кровь за свободу. Снова пошли аресты, пытки, расстрелы... Мы уже не могли спокойно спать по ночам, а днем спокойно работать. Страх охватил людей.

Враг не только преследовал борцов за свободу. В то время когда одних угоняли в тюрьму, других уговаривали стать шпионами и доносчиками. Щедрые награды обещали тем, кто укажет бывших участников Сопротивления.

Однажды утром каратели ворвались в деревушку До Линг. Вооруженных до зубов солдат сопровождал щегольски одетый офицер. Он выстроил солдат и прокричал в переносный мегафон, чтобы все жители вышли из хижин и собрались на площади.

— Что они опять замышляют? — взглядами спрашивали друг у друга перепуганные люди. Соседи и родственники у многих уже томились в городской тюрьме. Ни один пока не вернулся. Что же случится сейчас?.. Толпа застыла в тревоге. Женщины прижали к себе детей.

Офицер подал знак стоящему рядом солдату. Тот вытащил из мешка грязный, изодранный лоскут и протянул начальнику. Офицер развернул лоскут, расправил и показал присутствующим. Вдох вырвался из груди людей. Этот грязный кусок материи был когда-то знаменем! Знаменем с золотой звездой свободы!

— Пусть кто-нибудь выйдет и разорвет этот флаг! — крикнул офицер.

Людям показалось, что над их головами пронесся черный ураган. Уничтожить знамя! Разорвать

золотую звезду, растоптать надежду, память о боях за свободу?!

Повторный призыв. И ни слова в ответ. Напротив офицера плотная, безмолвная человеческая стена.

— Тот, кто первый подчинится, получит награду! — заявил офицер. — Получит продукты, одежду, деньги... Ну, выходите же!

Люди не могли верить собственным глазам: тринадцатилетний мальчик, сын бедных родителей, выступил из шеренги. Он смело смотрел в глаза офицеру. А тот, обрадовавшись, что наконец кто-то подчинился приказу, торопливо подал знамя.

— Я вижу, ты умный мальчик! — похвалил офицер. — Ну, смелее! Разорви эту тряпку!

Мальчик бережно двумя руками взял знамя. Потом расправил его у себя на груди. Его тонкий голос зазвенел над притихшей площадью:

— Это знамя дало землю моему отцу. Когда оно развевалось над нами, мои младшие братья и сестры не мучились от голода, а я ходил в школу. Пусть только кто-нибудь попробует разорвать наше знамя!

Выстрел офицера прервал его на полуслове. Мальчик пошатнулся и упал. Люди двинулись вперед, окружили тело героя.

Танг закончил свой рассказ. Мы долго сидели в молчании. Только цикады заливались тонким вибрирующим звоном. В нем слышался мне припев партизанской песни: «До Линг, До Линг...» Казалось, сама непокорная вьетнамская земля поет о юном герое, погибшем смертью солдата.

Перевел с польского
Ю. Сицко.

Мальчик прижимает к себе братишку, раненного осколком американской бомбы. Самолеты еще в небе. На лицах ребят — боль и ненависть к убийцам.

про мечты ребят

К. МАШТАКОВА,

научный сотрудник Квартиры-музея В. И. Ленина в Кремле.

В таких землянках жили первые строители Магнитки (фото вверху). С лопатами и тачками начинали они строить металлургический гигант (фото внизу).

Всегда интересно читать, как люди, жившие задолго до нас, мечтали о будущем. Как они представляли себе нашу жизнь.

Несколько недель назад в руках моих оказалось больше сотни таких сочинений. Правда, они не очень давние, их авторы до сих пор не успели состариться. Сочинения коротенькие — на одной-двух тетрадных страничках, — но любопытные. Лежали они в шкафчике в комнате Надежды Константиновны Крупской. Это одна из комнат квартиры Владимира Ильича в Кремле. Теперь там музей, где я работаю. Сочинения лежали среди других писем ребят — а их Надежда Константиновна получала множество — и сразу не привлекали особого внимания. Но вот листочки один за другим вынуты из шкафа, разложены на столе. Сверху на каждой странице крупными буквами написано: «Как будут жить дети при социализме». Дата — 1933 год. Адрес — город Магнитогорск, школа, 4-й класс.

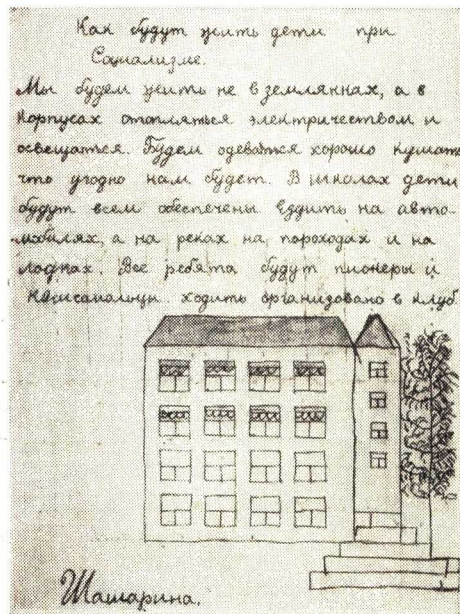
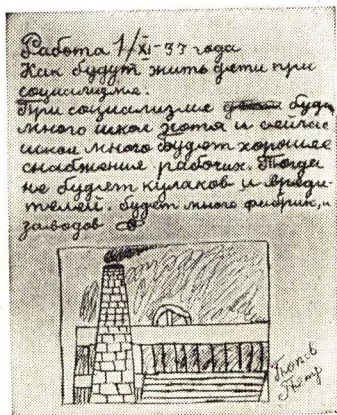
Магнитогорск был в ту пору совсем юным городом. По плану первой пятилетки там, на Урале, у горы Магнитной, рос громадный металлургический завод. Вместе с заводом рос и город. Теперь мы строим тысячи заводов, среди них и металлургические гиганты. Но то был самый первый. Вся страна строила славную Магнитку, следила за каждым успехом землекопов и бетонщиков. Тысячи комсомольцев и коммунистов съехались к горе Магнитной на передовую линию битвы за социализм. В память об их подвигах крупнейшие новостройки черной металлургии мы стали называть потом Магнитками: Липецкая Магнитка, Казахская, Тульская, Череповецкая...

Дружба с магнитогорскими ребятами у Надежды Константиновны возникла сразу, как только на стройке начали работать школы. «Я

И ЖИЗНЬ ХОРОШУЮ

получила от ребят Магнитогорска письма и модель экскаватора, сделанную 10-летним мальчиком,— пишет Крупская магнитогорским учителям.—Письма ребят у меня «зачитали», они показывают, какое глубокое впечатление производит на ребят вся стройка, и не меньше—героизм рабочих, работающих на стройке. С такими ребятами можно дел наделать!»

Давайте и мы раскроем письма этих ребят. Узнаем, о чем они мечтали. Как представляли себе нашу жизнь. И посмотрим, как осуществились их мечты.

ПО КОММУНАЛУ
ОКТАБРЬ
50 ЛЕТ

И вот как выглядит теперь город Магнитогорск и знаменитый комбинат.

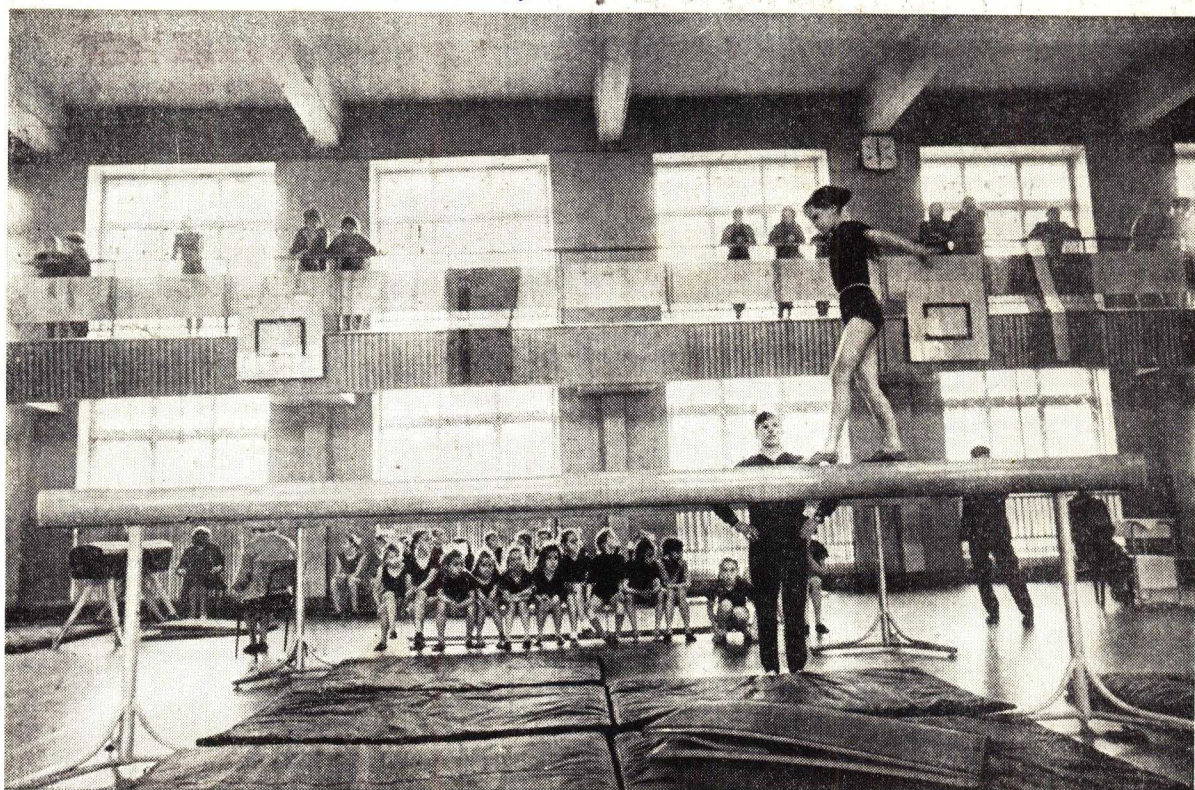
про мечты ребят и жизнь хорошую

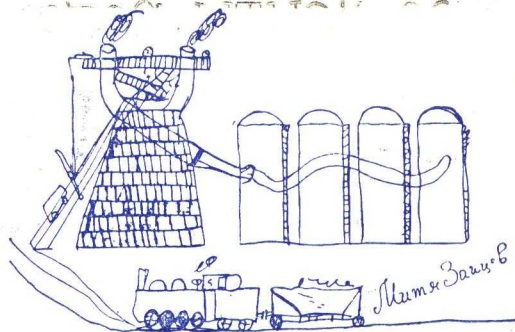
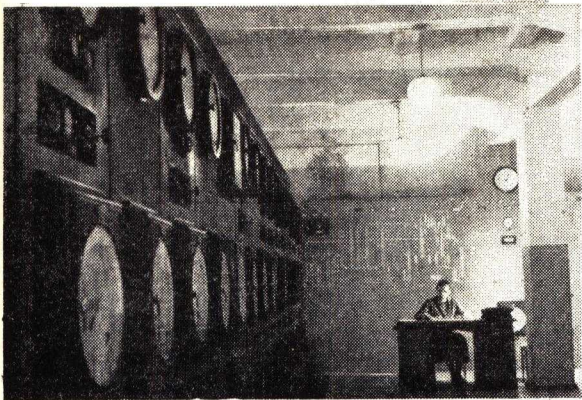
Мы будем ходить в кино, на спектакли. Потрачат же
дети пионерские деньги.
Никитина Петрова

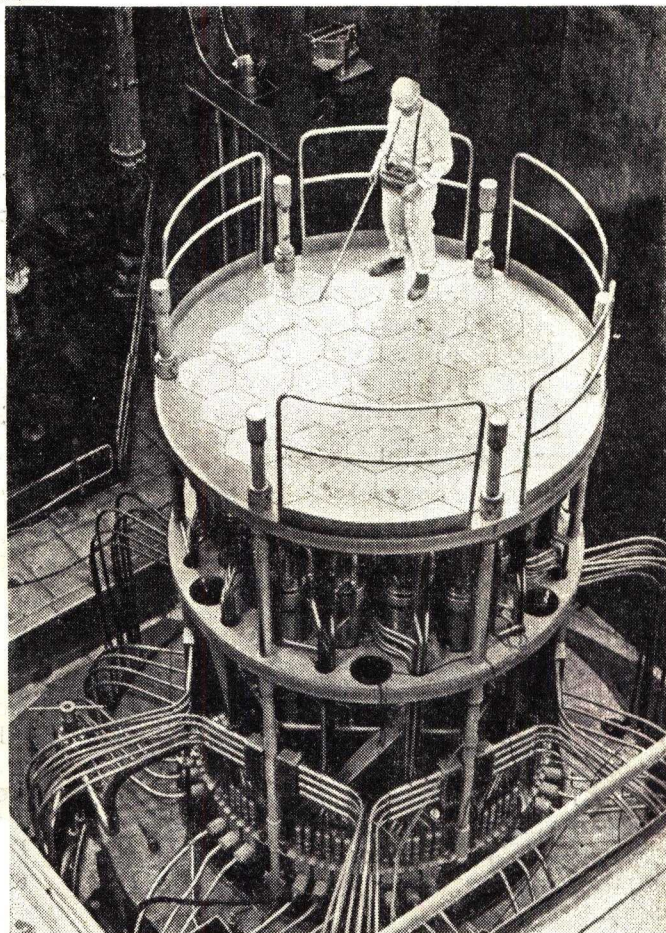
Все дети будут кататься на автомобилях.
Витя Воронин.

Школы будут теплые.
Митя Гриняев.

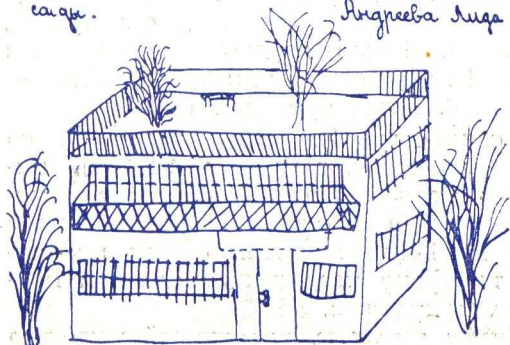

Бегут автомобили по дорогам страны — мальчишки едут на экскурсию. Распахивают двери дворцы спорта — добро вам пожаловать! У пульта управления диспетчер — он один распоряжается громадным цехом. На плотине новой могучей ГЭС сияет огнями шлюз. В недрах атомного реактора бушует невидимое пламя. Вот как удивительно сбылись мечты маленьких магнитогорцев!

Будет дача
у которых на крыше будут парки и
сады.
Андрева Лидя

Должно быть электричество.
Меня Шмикина

Будет у нас достаточно техни-
ков, инженеров. А если будут все
грамотные, то тогда у нас жизнь
будет лучше.
Лидя Андрева

ПОВЕСТЬ

Владислав КРАПИВИН

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Продолжение

Глава третья

Телеграмму принесла сердитая тет-ка. Она долго ругалась, что на калитке нет заметного номера, и цепко разглядывала Генку: можно ли доверить? Потом велела расписаться и ушла, тяжело топая. Генка взглянул на первую строчку. Из Москвы. В Москве ни родных, ни знакомых. Значит, служебная, отцу.

Распечатывать Генка не стал: отец не любил, когда трогали его почту. Ну, а если в телеграмме что-то срочное? Генка заколебался. Отец придет поздно.

Может быть, телеграмма из того московского института, куда отец отправил свой проект?

Генка понял, что придется плестись к отцу на участок. По жаре, через весь город. Автобуса, конечно, не дождешься... Чтоб она сгорела дымным факелом, эта чертова бумажка!

За калиткой Генка еще раз посмотрел на открытые строчки. Внимательней.

«Москвы 9007...». Еще какие-то цифры... Город, улица, дом. Звягину... Что?.. Звягину Геннадию. Что за фокус?

Он рванул бумажную ленточку. «Третьего поезда шестнадцать вагон семь Владик».

Владька... Ура!

Он, кажется, крикнул вслух. Две студентки, проходившие мимо, оглянулись, хмыкнули. Генка дерзко засмеялся им вслед. И вдруг испугался: третье число — сегодня. А когда приходит поезд?

Со скоростью Ильки бросился он на угол к автомату, вывернул карман, вытряхнул медяки. Автомат слопал две монеты подряд и не откликнулся ни единым гудочком. Генка шепотом сказал проклятому телефону подходящие слова и подкрепил их кулаком.

В будку заглянул худощавый мужчина в соломенной шляпе.

— Молодой человек, пожалейте технику.

— Техника! Только деньги жрет!

— Позвольте, я помогу.

Генка позволил. Дядька был, кажется, ничего.

— Вам какой номер?

— Справочное вокзала. Только я не знаю номера. Надо сначала справочное города.

— А что на вокзале?

— Шестнадцатый скорый.

— В четырнадцать двадцать три.

— Это точно? — с подозрением спросил Генка.

— Честное слово. Я им вчера из Москвы вернулся.

Повезло!

Четырнадцать — это два часа по московскому. Четыре по местному. Да еще двадцать три минуты. А сколько сейчас?

Ближайшие часы были у почтового отделения, недалеко. Когда Генка примчался, они показывали половину второго. Можно было не спешить. Можно было позвать ребят. Но кого?

Илька сидел в открытом окне с книгой на коленях и с унылым лицом. Книжка была старая — «Побежденный Карабас». Генка знал, что Илька давно прочитал ее.

— Хорошо, что ты дома. Я думал, скачешь где-нибудь, — приветствовал он печального Ильку.

— Вчера наскочался...

— Мать заперла, да?

— Никто не запирает.

— Велела дома сидеть?

— Ну...

— А чего нашкодил?

— Я, что ли, виноват?! — вскинулся Илька. — Тимкины дурацкие часы! Мы все бегаем, а у него все «шестой час» да «шестой час». Потом поглядели, а у них одна стрелка вообще отвалилась. Домой пришел, когда уже восемь часов. А мама велела в шесть.

— Ты бы объяснил.

— Объяснил я... А она говорит: на полчаса еще можно из-за этого опоздать, а два часа — это голо... головопят... Нет, как это?

— Головопяство, — сухо сказал Генка.

Он знал, что если мать запретила, Илька не выйдет из дому, хоть распахни сто широких ворот. В глубине души Генка считал это основательной глупостью, но Ильку не перевоспитывал. У каждого свой характер.

— Долго тебе сидеть?

— Пока мама не придет.

— Вот балда! — возмутился Генка. — А если что-нибудь нужно? Ну, вдруг дом горит?

— Он ведь не горит, — с некоторым сожалением сказал Илька.

— А если другое важное дело? — Генка вытащил телеграмму. — Вот!

Илька читал медленно и внимательно. С самого начала. И вдруг взвился на подоконнике, издав непонятный восторженный крик:

— У-ых!

— А ты говорил, «через месяц», — усмехнулся Генка. — Не через месяц, а через сорок минут. Ясно?

— Ясно, — огорченно откликнулся Илька. — Только мне нельзя.

Генке не хотелось идти на вокзал одному. Было почему-то неловко и страшно.

— Думаешь, мать не отпустила бы, если бы знала?

— Ну, Ген... Она же не знает.

— Записку напиши.

— Записку?

— Илька, козел ты! — серьезно сказал Генка. — Владька же приезжает, а ты...

— Я напишу. Ладно. Если надо, я могу ведь завтра целый день просидеть... Ген, а почему из Москвы, а не из Одессы?

— Ясно, почему. В Москве пересадка.

По западной части неба, гроыхая, проходила темная гроза. Но здесь, над привокзальной частью города, сияло солнце. Вымытый ливнем поезд выскочил из-под грозы и помчался к перрону. Сверкающий, зеленый.

Генке стало страшно. Илька вертелся и прыгал рядом, а Генка стоял и не знал, что сейчас будет.

Он ждал этого дня, как праздника, а почему? Ну, в самом деле, почему? Они были знакомы с Владькой две недели. А потом? Несколько писем за девять месяцев. Коротеньких писем. Кому охота писать длинные?

Вот выйдет Владик, посмотрит на Генку вежливым и скучным взглядом, и оба они не будут знать, что говорить.

«Посмотрит!» — вдруг разозлился Генка. В самом деле, надо еще знать, на кого смотреть! Владька же его и не видел ни разу. Как он узнает, кто здесь Генка?

Поезд уже шипел тормозами, как сто рассерженных кошек. Генка с Илькой

рассчитали точно: седьмой вагон остановился прямо перед ними.

Сначала полезла из вагона какая-то тетушка, нагруженная узлами и корзинами. За тетушкой прыгали на перрон веселые солдаты в расстегнутых гимнастерках. В тот же миг радостно завопил Илья, и Генка увидел, как он взлетает в крепких руках Ивана Сергеевича. Генка шагнул к ним, отчаянно шаря глазами в толпе. Владька-то должен быть рядом!

— Гена!..

Конечно, Генка сразу понял, что перед ним Владик. Но это был не такой Владик, какой вспоминался. Совсем не такой. Не было строгой напряженности в лице, от которой постоянно вздрагивали чуть сведенные брови. Генка хорошо помнил, как они дрожали. Сейчас у Владика весело блестели глаза. Лицо было темным от загара, и белки глаз выделялись особенно ярко. В уголках их прыгали точки солнца. Генка вдруг понял, почему говорят: глаза смеются.

Правый глаз у Владика чуть косил. Раньше этого, кажется, не было. «Каким же глазом он видит, а каким нет?» — подумал Генка. И смущенно отвел взгляд.

— Я тебя сразу узнал, — просто и весело сказал Владик.

— А я тебя нет, — брякнул Генка.

— Почему? Я вырос, да? — быстро спросил Владик.

— М-м... — Генка замотал головой. — Наоборот. Раньше ты мне был — вот... — Он ребром ладони стукнул по переносице. — А сейчас — во... — Он чиркнул пальцем по подбородку.

Владик серьезно смерил Генку взглядом. Подумал, покусывая нижнюю губу. Без улыбки сказал:

— Нет. Наоборот не бывает. Просто ты рос быстрее. За уши тебя тянули, наверно.

— Тогда бы уши выросли, а не я, — хмыкнул Генка, чувствуя, как исчезает неловкость. Все-таки это был Владька.

Иван Сергеевич отпустил Ильку, и тот сунулся между Генкой и Владиком.

— Владик, а ты получил письмо про фламинго? — начал он без всяких предисловий. — Я целый лист написал.

— Ничего я не получил, — сказал Владик, серьезно разглядывая Ильку. — А ты почему такой длинный? Папа, ты говорил, Илья маленький, а он, смотри, мне до уха. Ну-ка, встань рядом.

— А вы похожи, — сказал Генка. — Правда, похожи. Будто братья.

— Ни капельки мы не похожи! — вдруг взъелся Илья и отскочил от Владика.

— Может быть, домой двинем, а пираты? — спросил Владькин отец. («Здрасте, Иван Сергеевич!» — спохватился Генка.)

— Пап, а Гена меня не узнал, — важно сказал Владик.

— Это сначала, — объяснил Генка. Теперь ему казалось, что Владик не так уж изменился. Только стал будто помладше. И веселее. Не было в нем прежней сдержанности и готовности вскинуть, как щит, свое гневное «Я сам!». Что ж, это понятно.

Однако Генке показалось, что Ивана Сергеевича огорчили Владькины слова.

— Тут, наверно, одежда виновата, — сказал Генка. — Я Владьку в черном помню.

Сейчас на Владике были короткие синие штаны и удивительно пестрая рубашка навыпуск. Яркие пятна и клетки перемешивались так, что в глазах мелькало.

— У меня еще мексиканская шляпа была, — весело похвастался Владик. — Ветер унес ее из вагона. Из окна.

— Эх!.. — горестно произнес Илья.

А Владик опять посерьезнел. Они обогнали Ивана Сергеевича с Илькой, и тогда Владик сказал вполголоса:

— Я черный цвет ненавижу. Тогда мне было все равно, а сейчас на черное смотреть не могу... Черное — как слепота.

— Я понимаю, — откликнулся Генка. Он в самом деле понимал. Он вспомнил чердак, похожий на корабль, и косые нити дождя в окне. И еще Владькины слова, как он маленький гонялся за разбойником-ветром.

А Владик вдруг улыбнулся чуть виновато, обогнал Генку на полшага, заглянул в лицо.

— Я сейчас уже почти привык, — тихонько сказал он. — А сначала я как сумасшедший был. Все смотрю, смотрю, просто понять не мог, откуда на земле столько... ну, вещей разных. И красок. Уставаю на какой-нибудь камень и пятнышки целый час разглядываю.

И, конечно, было вовсе не смешно. Скорее наоборот. Но Генке стало весело. Потому что опять, как раньше, Владька открывал ему свои секреты. Чуть застенчивый, но доверчивый Владька. «Смешно, да?» Но не было уже горечи в этих секретах.

Они вышли на улицу, по которой полосой прошелся ливень. Асфальт был темно-

фиолетовый, и в нем, опрокинувшись, стояли размытые отражения кленов.

Струи дождя смыли с тротуаров пыль и мусор, но не смогли смыть начерченные мелом клетки «классов». Владик разбежался и запрыгал на одной ноге из квадрата в квадрат.

Генка засмеялся. Сам он, пожалуй, не стал бы так легкомысленно скакать на виду у прохожих.

— Эй, народ! — окликнул Иван Сергеевич. — Вы веселитесь, а Илька вдруг загрустил. Почему, не знаете?

— Ой, знаю! — спохватился Генка. — Он из дому без спросу рванул, чтобы вас встретить, и теперь боится нахлобучки.

— Стойте, люди, — забеспокоился Иван Сергеевич. — Так же нельзя. Мы должны немедленно идти и принять на себя все громы и молнии. А то они падут на эту невинную голову.

Илька радостно завертел невинной головой.

Илькина мать встретила гостей весело. Видно было, что по-настоящему обрадовалась. Но на Ильку взглянула холодно.

— Ну, ма... — протянул Илька.

— Ты мне хочешь что-то сказать?

— Ты сердись, да?

— А ты как думаешь?

— Ну я же оставил записку...

— И что из этого?

— Я же написал: «Не сердись».

— Ты написал «нисирдись». Все вместе и везде «и». После этого я не должна сердиться? Грамотей!

— Ну, мам, — тихо сказал Илька и потерся щекой о мамин локоть.

— Тамара Васильевна, мы просим о помиловании этого грешника, — вмешался Иван Сергеевич. — Мы специально зашли.

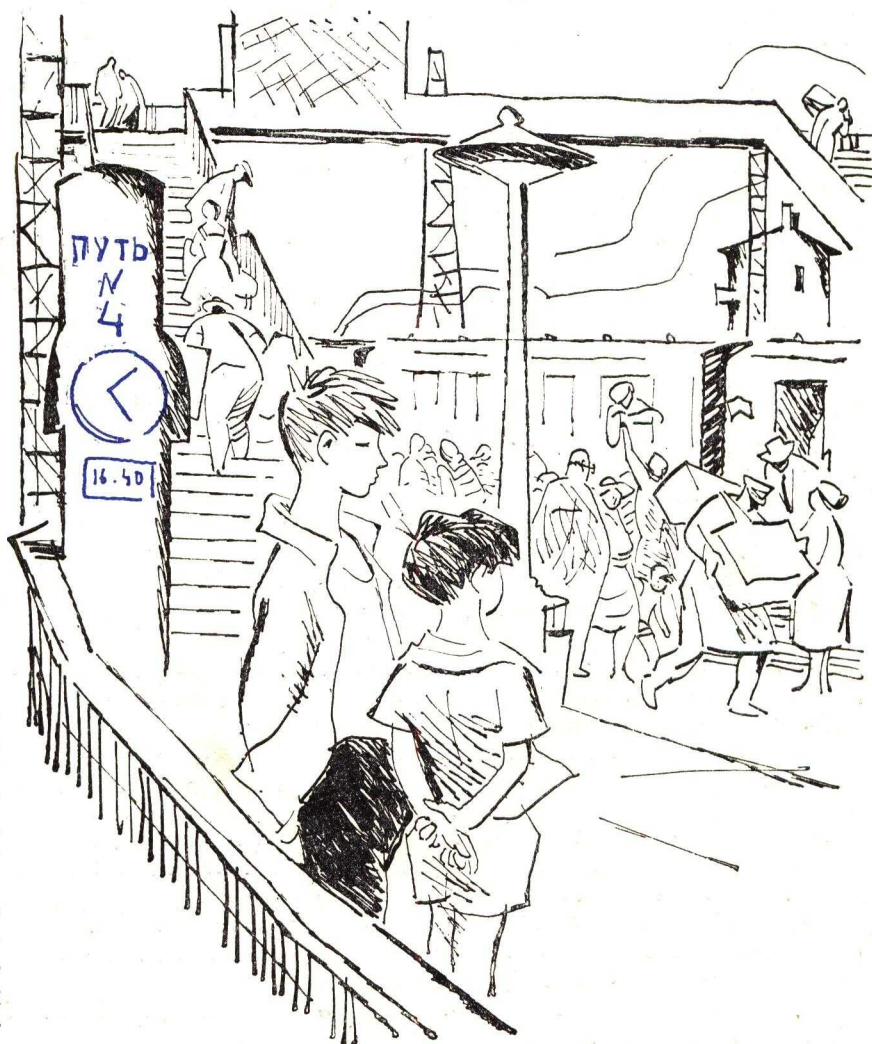
— И напрасно, — откликнулась она. — То есть просить решили напрасно. Этот подлиза и сам все выпросит... Иди, поставь чайник, горюшко.

Счастливым Илька умчался на кухню, и там сразу что-то загремело.

— Чудовище, а не ребенок, — жалобно сказала Тамара Васильевна. — Господи, когда он вырастет? Был бы такой, как Генка, — совсем другое дело.

Генка пожал плечами. Он не видел особой разницы. К тому же, по словам бабушки, маленький он был «не ребенок, а радость», а теперь «бес проклятуший».

Владик держался спокойно и свободно, будто много раз бывал у Ильки. И Тамара Васильевна говорила с ним, как с знакомым, не расспрашивала, не разглядывала. А она ведь первый раз в жизни видела Владика.

А Генка чувствовал себя не очень хорошо. Ну, Ивана Сергеевича он не стеснялся, а Илькиной матери побаивался.

Генка скользнул в кухню. На газовой плите булькал и плевался чайник. Илька, взгромоздившись на стул, навис над чайником, будто коршун над кроликом.

— Я домой пойду, — сказал Генка. — Вы с Владьей потом заходите...

— А чай пить? — забеспокоился Илька.

— Да ну тебя с чаем!

— Мама! — предательски завыл Илька. — Генка хочет уйти, а чаю не хочет!

— Не ори, — процедил Генка.

Тамара Васильевна заглянула в кухню.

— Гена, а в чем дело?

Генка насупился.

— Домой мне надо...

— Вот уж напрасно. Я как раз купила торт с орехами.

Генка представил, как ему дадут кусок торта на тарелочке, и неизвестно будет, что с ним делать: руками брать, ложкой, вилок или еще как-нибудь? Скользкий крем начнет липнуть к пальцам и шлепаться на скатерть... Генка понял, что первый же кусочек торта плотным комком засядет у него в горле.

— Мне правда домой надо.

— Жаль. Я думала, ты мне немного можешь. Надо за сахаром сходить... Мне самой некогда, Владик дорогу не знает, а Ильку я боюсь посылать. Деньги крупные, а этот растяпа уже два раза сдачу терял.

Деваться было некуда.

— Ну, я схожу. Это же недолго.

Владик просунул в дверь голову.

— Гена, я с тобой.

С листьев еще скатывались капли и шлепались на головы прохожим, но асфальт уже просыхал. Темные пятна влаги выцветали на глазах.

— Жара, как в Одессе, — сказал Владик.

— Еще не так бывает, — заметил Генка. — А бывает, что снег в июне.

— Снег я только на картинках видел, — сказал Владик и поддал ногой пробку от пивной бутылки. — Да еще в учебнике видел снежинки. В «Природоведении». Вот такие большие, как пробка. Красивые...

— Ты в нашей школе будешь учиться? — Конечно.

Генка осторожно спросил:

— А как теперь. В каком классе?

— В пятом. Если за четвертый сдам... Я сдам, там легко. Только пишу с ошибками.

— Не привык еще писать, да?

— Я бы привык, но много нельзя пока. И читать тоже...

— Мне вот можно, а я все равно за диктанты двойки иногда хватаю, — признался Генка.

Владик деликатно промолчал.

Они купили пачку сахара, и сдачу Генка опустил Владiku в карман.

— Отнеси им. Я пока домой пойду. Я потом приду к тебе.

— Ой, ну зачем ты так? — огорчился Владик. — Обязательно, что ли, уходить?

— Да ну... чай там этот.

— Ну и пусть. Разве плохо?

— Чего хорошего...

— А я люблю, — сказал Владик. — Люблю рисунки на чашках разглядывать. Цветы, узоры всякие.

Генка не понял, смеется он или всерьез.

— Правда, не уходи, — попросил Владик.

— Ладно.

От досады, что попал в такую переделку, Генка даже расхрабрился и за столом сказал Ильке:

— Не болтай ногами, козел.

Это очень понравилось Тамаре Васильевне.

Торт они ели руками. Чашки были зеленые с желтыми попугаями на пузатых боках. Владик вертел одну до тех пор, пока она не выскользнула на пол.

— Докрутился, — сказал Иван Сергеевич.

Илькина мать сделала вид, что ничуть не огорчилась. Сказала, что это к счастью.

— Пустяки какие. Сейчас я замету осколки.

— Я сам, — поспешно сказал Владик.

Глава четвертая

Втроем они вышли на улицу.

— Куда? — спросил Генка.

Владiku было все равно. Везде интересно.

— На берег, — попросил Илька.

От мазанки, в которой жил неизвестно кто, сбегала к воде тропинка. Петлями и зигзагами, с уступа на уступ. Илька обогнал друзей и, не оглядываясь, заскакал вниз. Струйки сухой мелкой глины зашуршали ему вслед. Закачались верхушки конопли и полыни. С последнего уступа Илька спускаться не стал, а птицей махнул на песчаную полосу, к самой воде. Упал на

колени, вскочил и крикнул так, что зазвела вся река:

— Эй, не бойтесь!

— Вот труба...— сказал Генка.

— Надо проверить, может, у него правда рога пробиваются,— серьезно посоветовал Владик.

— Чего?

Владик улыбнулся.

— Он в самом деле как горный козленок.

— А...— сказал Генка.

— Козлята всегда бесятся и прыгают, когда у них рога прорезаются,— объяснил Владик.

— Айда,— сказал Генка. Он стал спускаться первым.

Илька ждал их внизу, танцуя от нетерпения.

— К мысу пойдем, да, Гена?

— Пошли. Тут и приткнуться негде.

Вода, отступая, освободила под обрывом узкую полосу песка. Но песок был завален мелкими бревнами, корягами, кусками коры. Плавник хрустел под ногами, как сухие рыбы кости.

— Купаться я не буду,— предупредил Илька.— Вода еще мутная. И холодная.

— Скажи лучше: мама не разрешает,— поддел Генка.

— А я и не спрашивал.

— Я тоже не буду,— сказал Владик.

— Кто же у мыса купается,— усмехнулся Генка.

Монахов мыс не казался снизу таким высоким и грозным, как с обрыва. Освещенный солнцем, светло-серый, с травой и кустиками в трещинах камней, он похож был на грузного добродушного старика. Но река не верила в его доброту. Желтая вода сердито крутила у подножия острые воронки.

Песчаная полоса недалеко от утеса разбивалась и терялась в нагромождении рухнувших пластов глины и камней. Там, на широком уступе, был ровный травянистый пятачок. Очень удобное место, чтобы сидеть, смотреть на катера, загорать и бездельничать. Илька знал его с прошлого года. Он утешил Владика далеко вперед. А через минуту Генка услышал, как они кричат отчаянными голосами:

— Скорее!

Он рванулся, прыгая через камни.

— Во чего мы нашли!— радостно сообщил Илька.

— Я думал, скала на вас упала,— хмуро сказал Генка.

На твердой площадке у самой воды лежала вверх днищем лодка. Темная и грузная. Похожая на припавшего к земле угрюмого зверя. Один борт был проломлен, а в носовой части днища чернела неровная дыра. Такая большая, что голову можно просунуть.

— Ее наводнением вынесло,— сказал Илька.

— В самом деле?— отозвался Генка.— А я думал, что ее пираты забыли.

Илька не обиделся.

— Ее починить можно...

— Можно, Гена?— спросил Владик.

— Чем вы такую дыру забьете?

— Фанеркой,— предложил Илька.

Генка вздохнул.

— И бок проломан,— сказал Владик.

— Бок-то — чепуха,— заметил Генка. Нагнулся и отковырнул щепку.— Тут вообще одна гниль. Эта посуда и до половодья была утилем.

Владик тоже колупнул днище.

— Жалко, верно? А то бы сделали себе кораблик. Парус бы поставили. Покатались бы.

Генка промолчал. Зачем говорить зря? А покатаются они, пожалуй, смогут. У самого берега приткнулись пять связанных бревен — часть большого плота.

— Вот корабль!— Генка прыгнул к плоту.— Не потонет, не перевернется.— Он шагнул на бревна. Они вразнобой заходили под ногами.— Ничего, выдержат. Можно на них к нашей тропинке по реке спуститься. Хоть через ручей снова не полезем. Идет?

Владик не ответил. Осторожно сошел к плоту. Потом сказал:

— Не хочется, Гена.

— Я тоже не поеду. Мне мама не разрешает,— с вызовом заявил Илька.

— Не разрешает — не надо,— миролюбиво откликнулся Генка. Соскочил на берег, поднатужился и оттолкнул плот.— Пусть без нас плавает. Будет кому-нибудь находка. Дров на целый месяц.

Они забрались на травянистую площадку.

— Гена...— тихонько сказал Владик. Он сидел с опущенным лицом и сцарапывал с ноги светлую корочку подсохшей глины.— Знаешь что... Ты, может быть, думаешь, что я трус. Из-за плота... Ну я правда боюсь. Я просто видеть не могу мокрые бревна. Скользкие... Знаешь, сразу кажется, что опять затылком грохнусь...

— Да брось ты, ничего я не думаю,— поспешно сказал Генка.

Но говорил он почти машинально. Ему стало не по себе, как при близкой опасности. Словно перехлестнулся в него Владыкин страх. Ведь в самом деле: поскользнешься, ударишься — вдруг снова беда?

Он сказал сбивчиво и хмуро:

— А ты... не скажи зря-то... Ты на Ильку не гляди. Пусть он прыгает, если голова дырявая.

Илька презрительно промолчал.

Генка вдруг встревожился: опять что-то получилось не так.

Илька неожиданно спросил, будто о пустяке:

— Владик, а больно, когда операция?

«Вот балда!» — подумал Генка. Он увидел, как шевельнулось и напряженно застыло Владыкино плечо.

— Что, Илька? — сказал Владик.

— Наверно, больнее, чем нога, когда ее дергают, — сердито вмешался Генка.

Владик поспешно спросил:

— Какая нога?

— Да зимой этот козел ногу подвернул. Сел и ревет. Хорошо, что твой отец мимо проходил. А то мы с Яшкой хотели «Скороую помощь» звать.

Так было сказано о Яшке. Впервые за весь день. Мимоходом, но сразу они замолчали и, повернувшись, посмотрели на верхнюю кромку мыса. Илька и Генка. И Владик, который знал о Яшкиной гибели из Илькиного письма.

— Его где похоронили? — вполголоса спросил Владик.

— Похоронили? — удивился Илька.

— Его даже не нашли, — сказал Генка. — Его, наверно, сразу затянуло под лед. А потом такой разлив... Знаешь, какая вода? Другого берега не видно. Как на море.

«Как на море», — сказал он, и тогда Илька понял, что пора спросить Владика о главном. Он не хотел говорить об этом раньше, на ходу, среди суеты и шума. А сейчас, когда сидят они серьезные и немного печальные, Владик, наверно, расскажет...

— Владик, расскажи про море, — попросил Илька. И строго взглянул на Генку: не вздумай опять ехидничать.

— Я ведь почти не видел моря, — огорченно сказал Владик. — Так глупо все получилось. Меня раньше времени выписали. Из больницы до последнего дня не выпускали. А у папы всего один день свободный был.

— Целый же день, — обиженно возразил Илька.

— Целый... А с утра холод и туман. Такой туман... Как молоко. Говорят, такие туманы осенью бывают, а тут вдруг летом. И моря совсем не видать. Ну, как стена из ваты. Только слышно, как пароходы в порту трубят. Будто мамонты заблудились.

Илька горько вздохнул:

— Кораблей, значит, тоже не видел?

— Мы потом к причалу спустились, там «Адмирал Нахимов» стоял. Такая белая громадина. Вплотную, конечно, видно было. И воду видно. Темно-зеленая вода. Небо серое, а вода все равно темно-зеленая... Плещется так звонко, будто в железной бочке. И солеными огурцами пахнет. Смешно, верно?.. А «Нахимов» такой высоченный в тумане... А потом чайка пролетела...

Илька благодарно молчал. Все-таки зеленая вода и белый громадный корабль — это кусок настоящего моря. И чайка...

— На следующий день снова тепло было. И ясно, — сказал Владик. — Только нам уже на вокзал надо было. Я море только из автобуса увидел, издалека. Такое синее, в сто раз синее неба... Просто зареветь хотелось... Ну, мы, наверно, с папой в августе еще раз съездим. У него за прошлый год отпуск не использован.

— В августе? — переспросил Генка и бросил щепку.

— Да. А то обидно так...

До августа, конечно, далеко. И все-таки Генка огорчился. Август — время устойчивых ветров. Генкин любимый месяц. Не хотелось, чтобы, как в прошлом году, был он месяцем тревог и расставаний.

Да, но какие тревоги? И надолго ли расставание? Все равно. Генка не хотел никакого.

Но что он мог сказать? Не говорить же: не ездил. Это Илька брякает все, что у него на уме.

Генка покосился на Ильку. Вернее, на то место, где Илька недавно сидел.

Его там не было.

Опустив голову, Илька медленно и как-то упрямо шагнул к серым камням обрыва.

— Ты куда? — окликнул Генка.

Илька не ответил. Только придержал шаги и глянул вверх.

Посмотрел и Генка. Высота — метров десять. Кустики на камнях, жесткие, колючие стебли. Трещины, уступы, карнизы. Кое-где камень отслоился, и серые пла-

стины торчат, как акулы плавники. Желтое тихоходное облако уползает за мыс...

Илька встал на камень у обрыва и напружинил ноги.

— Не смей! — сдавленно крикнул Генка.

Илька прыгнул вперед и вверх, словно решил телом пробить каменную броню Монахова мыса. Не пробил, но остался на отвесной гранитной стенке. Словно приклеенный. Потом нащупал ногой трещину, дотянулся до выступа и вдруг, извиваясь по-кошачьи, взял без остановки первый трехметровый отвес.

Он постоял на карнизе несколько секунд. Зачем-то погладил камень, словно зеркало перед собой протирал. И полез дальше.

Генка стоял под обрывом, не отрывая глаз от сумасшедшего Ильки. Он словно подталкивал его взглядом. Ругаться и кричать было бессмысленно: спуск сейчас оказался бы опаснее подъема.

Рядом молчал Владик. Лишь один раз сказал он шепотом:

— Бешеный дурак!..

А когда вдруг Илька покачнулся на маленьком уступе, Владик со свистом втянул сквозь зубы воздух...

А Илька не испугался. Покачнулся и снова прижался к обрыву. Камень был теплый, шероховатый. Кожу царапали жесткие, как птичьи коготки, травинки. В щелях и выбоинах застоялся запах недавнего дождя и мокрой полыни.

Илька зацепился за новый карниз и поднялся еще на полметра. Он знал, что не упадет. Он не боялся обрыва и не винил этот мыс в Яшкиной смерти. А вверх его толкала одна только мысль. И при каждом рывке Илька повторял злым шепотом:

— Пусть уезжает! Ну, пусть, пусть, пусть!..

Не было зависти в его обиде. Только слезы все равно стояли у горла. Илька знал, почему. Но сказать про это словами он бы не сумел. И не стал бы.

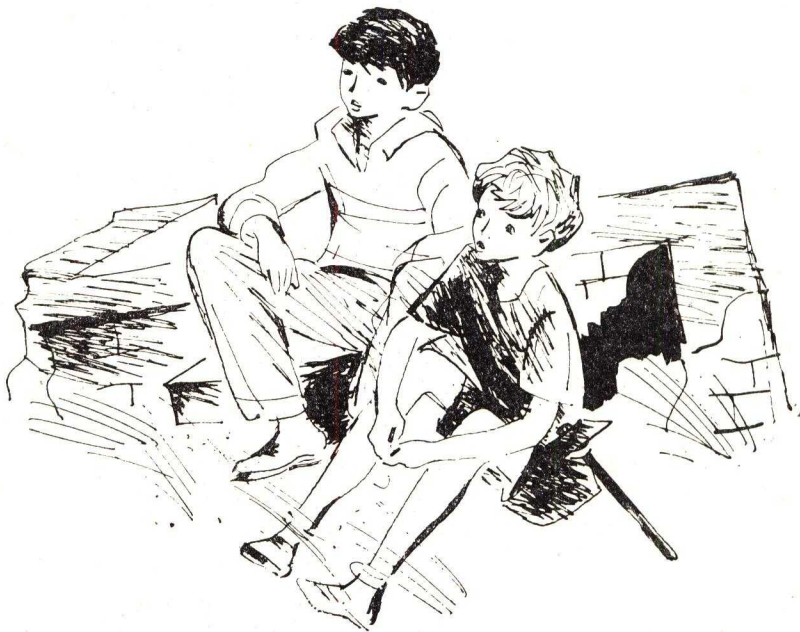
И злость эта помогала ему брать метр за метром. Он не трус, пусть боятся другие...

— Трусов родила наша планета, все же ей выпала честь...

Есть слова, от которых щиплет в глазах и хочется вскочить на коня, чтобы мчаться в атаку. Есть такие песни. А как назывался тот фильм? Да, «Двадцать лет спустя». Непонятное название. А все остальное понятно.

— Есть мушкетеры.

Он лег животом на край обрыва. Подтянулся, ухватился за траву. Поднялся на колени. Встал.

Мельком взглянул вниз. Генка покачивал над головой здоровым кулаком. Илька неумело засвистел и отвернулся.

Недалеко на склоне двое мальчишек сидели у остатков церковного фундамента. Видно, до сих пор они были заняты своим каким-то делом, а теперь с изумлением разглядывали Ильку: откуда ты появился?

Илька принял бодрый и независимый вид. Прошелся вдоль кирпичной кладки и взглянул на ребят. Дело в том, что они сразу заинтересовали Ильку. Один — из-за пустяка: худенький, курчавый, он одет был в точности, как Илька. Даже ремешок такой же. Но за ремешком лихо, как пи-

сто лет, торчал молоток с длинной ручкой. Это было очень красиво. А второй... Ильяка не сразу догадался. А потом понял: этот мальчик похож на Владика. Правда, похож. Не то что Ильяка...

Оба мальчишки были помладше Ильки, и он чувствовал себя вполне уверенно.

— А вот бы ты загремел...— задумчиво произнес кудрявый.— Сразу бы в лепешку.

— Я?— небрежно спросил Ильяка.

— Ага...

— Тю!..— сказал Ильяка.

— А ничего не «тю»,— серьезно возразил похожий на Владика мальчик.— Мы весной чуть-чуть не свалились. Вот тут же были, а потом как поехали по льду...

Ильяка снисходительно глянул на мальчишек. Все-таки они еще малявки. Тот, с молотком за поясом, наверно, еще в школу не ходил.

— По льду...— сказал Ильяка со взрослой усмешкой.— Я же по камням взбирался, а они шершавые. А по льду— конечно... У нас один мальчишка сорвался отсюда весной. Его не нашли даже... И вас бы тоже не нашли. Ясно?

Им, видимо, было ясно. И тогда было ясно и теперь.

— А мы не упали. Нам какой-то мальчик выбраться помог,— сказал кудрявый.— Он нас сумкой вытащил.

— Как это сумкой?— спросил Ильяка. Просто так спросил. Думал-то он не про сумку, а про молоток. Очень уж здорово он торчал за ремешком у мальчишки.

— Очень просто,— охотно объяснил мальчик.— Сумку нам бросил и потянул за ремень.

— А-а...— сказал Ильяка. И шагнул к обрыву посмотреть, что делают Владик и Генка. Он не посмотрел. Именно в эту секунду толкнулась в нем догадка.

— Эй, послушайте,— тревожно сказал Ильяка.— А какой это был мальчик?

Ребята переглянулись.

— Большой?..

— Нет, не очень большой. Но больше тебя.

— Мы его не знаем...

— Эх, вы!— бросил Ильяка.— Он вас от смерти спас, а вы даже не знаете.

— Он нас прогнал, чтобы сушились. А сам остался.

«А друг в самом деле?»— подумал Ильяка.

— У него на ремешке у сумки фамилия написана, только я не прочитал,— объяснил кудрявый.

Они говорили с Илькой как-то слишком охотно и чуть виновато. Может быть, почувствовали что-то серьезное?

Ильяка сурово спросил:

— Ни одной буквы не помнишь?

— Это не фамилия,— сказал другой мальчик.— Я прочитал. Таких фамилий не бывает...

Глава пятая

— Не было никакого слова там написано,— сказал Генка.— Все это дичь и ерунда.

— Ну, Гена. Зачем они станут врать?— вмешался Владик.

— Я про вранье не говорю. Значит, это не Яшка был. Яшкину сумку я, как свою, знаю. Мы ею сто раз в футбол играли.

— Когда в футбол играют, на ремень не смотрят,— сказал Ильяка.— Ремень тогда в сумку записывают.

— Да ну тебя!..— отмахнулся Генка.

— Ты же говорил, что сумка осталась,— сказал Владик.

— Осталась, только ее милиция забрала для следствия.

— Может, потом отдали...— нерешительно заметил Ильяка. Подождал и тихо добавил:— Все равно идти надо.

Они шли от реки, и в спину им светило низкое солнце. И встречные люди думали, что трое мальчишек просто так, от безделья, бредут по улице и разглядывают на асфальте свои смешные, размазанные в длину тени.

Ильяка медленно сказал:

— И пальто у Яшки было серое. Я помню.

— Я знаю,— отозвался Генка.

Конечно, идти необходимо. К Яшкиной матери. В тот дом, где Яшка Воробей жил, мастерил неуклюжие змеи, придумывал свои хитрости, смеялся и получал коло-тушки.

Ой, но как не хотелось идти! Честно говоря, было просто страшно. Генке казалось, что в доме, куда они придут, темно, как на старом кладбище, и каждое слово говорит шепотом. К тому же сердитая Воробеиха не очень жаловала Яшкиных друзей. Как она их встретит теперь?

— Шурику надо сказать,— вспомнил Ильяка.

Это была мысль! Во-первых, Шурка— голова, он что-нибудь придумает. Во-вто-

рых, он в школе пострадал из-за Яшки. В-третьих, вчетвером просто веселее.

Шурка сидел дома и был мрачен. С Владиком поздоровался без долгих вежливых разговоров. Сообщил свою печальную новость: учительница истории, с которой он поспорил из-за Воробья, в будущем году станет их классным руководителем.

— Съест,— сказал он в заключение.

— Не съест,— сказал Генка.— Ты слушай...

И рассказал про двух малышей.

— Ого! — произнес Шурик.— А они не врут? То есть я хотел сказать, что они могли ошибиться.

— Они вроде бы толковые ребята,— возразил Генка.— Они все рассказали, как было...

— Даже день вспомнили, когда это было,— добавил Владик.— Только жаль, что он заплакал...

— Кто?

— Тот, которого Юриком зовут. Маленький такой, кудрявый.

— Почему заплакал? — озабоченно спросил Шурик.— Вы, наверно, их перепугали. Наверно, надели на них со своими допросами?

Генка нахмурился.

— Никто не наседал... Ну, сначала надели немного, а потом все спокойно было. Он уже после заплакал, ни с того, ни с сего.

— Значит, испугался. Наверно, решил, что попадет теперь.

И тогда обиделся Илька. За Юрика обиделся, за этого незнакомого мальчишку с молотком за поясом.

— Думаешь, он трус? Думаешь, только от страха плачут?

Илька чувствовал, что на месте Юрки он и сам мог бы заплакать. От жгучей досады, что поверили Яшке и ушли с берега.

— Я так не думаю,— сказал Шурик.— Я только боюсь, что они обиделись на вас. С маленькими надо разговаривать осторожно... А вдруг еще придется что-нибудь у них узнавать!

Владик покачал головой.

— Они не обиделись. Они обещали еще рассказать, если что-нибудь вспомнят... Они там все время на берегу.

— Что они там делают?

— Клад ищут,— усмехнулся Генка.— Там же церковь когда-то была, вот они и долбят кирпичи. Думают, что тайник найдут.

Яшкин дом стоял в глубине двора. С улицы виден был только гребешок железной крыши, с которой Яшка в прошлом году запускал своего «Шмеля».

Калитка была приоткрыта.

Ребята остановились. Посторонний мог бы подумать, что их смутила облупленная табличка «Во дворе злая собака». Но ребята знали, что злой собаки во дворе никогда не было, а добродушный Тобик потерялся два года назад.

— Пошли, что ли? — спросил Генка и переступил на месте.

Тогда вперед сунулся Илька и первым нырнул в калитку. И был перед ними все тот же знакомый двор. Желтые звезды одуванчиков в траве, березовая поленница у сарая, веревка с мокрыми простынями и наволочками.

На крыльце стоял толстый карапуз с толым животом и серьезно рассматривал гостей.

— Ой, это Санька! — удивился Илька.— Ходит уже.

Санька не обратил на Ильку внимания. Смотрел он теперь только на Генку. Пристально и строго. Потом сказал:

— Дядя...

— Сам ты дядя,— обиделся Генка. Санька опасливо попятился, повернулся, полез через порог и шумно шлепнулся. Подумал и нерешительно захныкал.

В доме захлопали двери, и на пороге появилась Яшкина мать.

Видимо, она удивилась, заметив ребят. Может быть, даже не узнала в первый момент. Не отрывая взгляда от мальчишек, машинально подняла Саньку, машинально хлопнула пониже спины, вместо того чтобы отряхнуть и успокоить. Санька, видно, привык к таким вещам. Реветь не стал, а снова взглянул на Генку и повторил:

— Дядя...

Яшкина мать вдруг заулыбалась.

— Дядя,— ласково сказала она.— Дядя Гена. И дядя Илька. И еще дяди... Яшкины дружочки пришли к Яшкиной маме. Проходите в дом, ребятки. Я и не узнала поначалу-то... Видишь, Саня, какие хорошие мальчишки?

Санька был, однако, иного мнения. Он для верности опустил на четвереньки и, сопя, полез через порог, подальше от подозрительных мальчиков и дядей.

— Здравствуйте,— запоздало сказал Шурик...

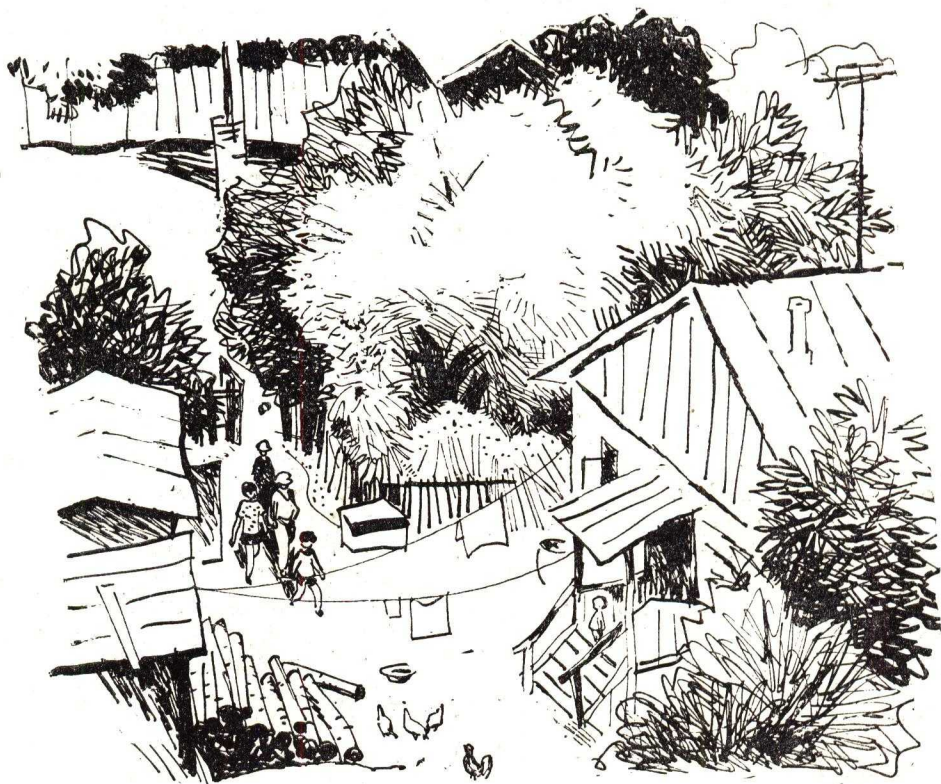
Подталкивая и пропуская вперед друг

друга, они прошли в дом, куда раньше входили не часто и не очень охотно.

Не было в комнатах ни траурной темноты, ни заброшенности. Рыжие пятна вечернего солнца лежали на половиках. Тонкий оранжевый луч насквозь пробивал аквариум и рассыпался на полированной спинке кровати. На заляпанном кляксами столике, где Яшка всегда готовил уроки, спал серый котенок. Над ним отчетливо стучали часы.

сказал Владик. Видимо, неловко ему было говорить о своей радости, когда здесь такое горе.

— Яшенька-то все письмо писать собирался. Какие-то марки чтобы ты купил в Одессе. А я говорю: не смей. Мальчик в больнице, у него беда такая, а ты со своими марками суешься. Он и не стал... Он уж над этими марками прямо с ума сошел. Даже спать с альбомом ложился. Я теперь берегу альбом-то. Вроде и ни

Вошла Яшкина мать, начала торопливо двигать стулья.

— Садитесь, ребятки. Жалко, отца-то нет. Он уж сколько раз говорил: хоть бы дружки Яшины пришли.

«Скоты мы все-таки», — подумал Генка.

Они усаживались, молчаливые, подавленные, хотя мать Яшки казалась вовсе не печальной, даже веселой.

— Садитесь, Гена, Шурочка... И ты, мальчик. Ты уж извини, я что-то не припомню тебя.

— Это Владик, — сказал Илька.

— Ох, Владик. Яшенька-то говорил. Вылечился, значит?

— Наполовину. Один глаз, — сдержанно

к чему он, подарить бы кому-нибудь, а жалко.

— Я думал, альбом вместе с сумкой потерялся, — осторожно заметил Генка. — Он ведь все время в сумке лежал. Мы в школе сколько раз смотрели.

— Так ведь и сумка у меня. Ничего не потерялось.

— Отдали в милиции?

— Все отдали, до последней бумажечки. Только ремешок порван. Я им говорю: не могли уж поосторожнее, чтобы не порвать? А они говорят: так и было.

— А можно посмотреть? — спросил Илька. Видимо, он меньше всех смущался. Он торопился узнать главное.

Яшкина мать не удивилась просьбе. Вышла и вернулась с сумкой, шлепнув на ходу подвернувшегося Саньку.

Вот она, сумка. Яшки нет, а она есть. Все такая же. Старая, много раз битая ногами. С учебниками и тетрадями, которые Яшка нес из школы в последний день...

Ремешок был засунут внутрь, под книжки. Генке пришлось вытащить все учебники, чтобы достать его. Посыпались огрызки карандашей, мятые бумажки, резинка. И, наконец, брезентовая спираль ремня развернулась, открыв чернильные буквы.

Слово было написано крупно и четко. Будто Яшка оставил пароль, чтобы ребята разгадали, как он погиб.

Яшкина мать плакала. Не очень сильно, просто слезы текли по щекам, и она вытирала их Санькиным тряпичным картоником.

— Посмотреть бы на мальчиков этих...

— Мы попросим. Они придут, наверно, — пообещал Генка.

— Отца-то нет. Он к брату в деревню уехал. Он ведь не работает сейчас, не может пока. Когда беда-то случилась, у него руки отнялись. Два месяца двигать не мог.

Шурик аккуратно укладывал в сумку учебники. Генка смотрел и думал: «Он старается так, будто завтра с этой сумкой кто-то пойдет в школу».

Они вышли из Яшкиного дома. В этом доме не было завешенных окон и никто не говорил приглушенным голосом, а горе все равно не уходило оттуда, и люди жили с ним вместе.

Генка шагал впереди и глядел себе под ноги. Не оборачиваясь, он пообещал:

— Илька, образина рогатая! Если еще будешь на обрыве акробатничать, шею измочалю. Так, что охнуть не сможешь.

— Хочу и буду, — сказал Илька ровным голосом.

Генка взорвался и заорал:

— Я тебе покажу «буду»! Ты грохнешься, и наплевать тебе на все! А у других руки будут отниматься, как у Яшкиного отца!

Илька сказал со спокойным вызовом:

— У меня нет отца. Он умер.

Может быть, Илька ожидал, что эти слова смутят Генку. Но Генка был слишком злой сейчас.

— Мать-то ты еще не свел в могилу? Вот и подумай о ней. Яшка хоть двух человек спас, не зря убили. А если ты грохнешься, твоей матери и вспомнить нечего будет!

Илька не ответил, потому что захотелось заплакать.

Владик вдруг нагнал его и пошел рядом, словно захотел молча утешить.

Генка оглянулся на них. Шли они, ка-

саясь друг друга плечами, оба тонкие, темноволосые, похожие. Как два брата — старший и младший. Но они не были братьями. И, остывая, Генка сказал:

— У Яшкиной матери хотя бы Санька имеется. А если ты трахнешься, кто у твоей матери останется?

— Тебе-то что? — неохотно огрызнулся Илья.

— Козел, — вздохнул Генка.

Владик тихонько засмеялся.

И, наверно, чтобы совсем загладить размовку, вмешался Шурик:

— Я и не знал, что у Яшки брат есть.

— Санька? — откликнулся Генка. — Это двоюродный брат его. Яшкина тетка с мужем развелась, а Саньку ни ей, ни мужу не надо. Мне Яшка зимой говорил. Вот они и взяли.

Дальше шли молча. К Илькиному дому. Был уже настоящий вечер. Ушло солнце, и в воздухе стоял запах реки и теплого асфальта.

Шурик вдруг спросил:

— Что с этой бумагой делать? — Он вертел в пальцах мятый листок. — Забыл в сумку положить. Смотрите-ка, сочинение.

— Прочитай, — потребовал Илья.

— А можно? Не наше...

— Да читай ты, — досадливо сказал Генка.

Они остановились посреди тротуара. Илья встал на цыпочки, чтобы заглянуть в бумагу, которую Шурик держал у близоруких глаз.

— Сочинение, — прочитал Шурик. — На тему «Какую погоду я люблю».

— Ну, — нетерпеливо дернулся Генка.

— «Начинается ветер, — сказал Шурик, — и большие деревья шумно встряхивают плечами...»

— Какой ветер? — разозлился опять Генка. — Его читать просят, а он...

— Он читает, — сказал Владик.

— Я читаю... «Начинается ветер, и большие деревья шумно встряхивают плечами, прогоняют последний сон... А простыни на веревках громко хлопают и полощут, кажется им, что они паруса...»

— Это сочинение? — с веселым удивлением спросил Илья.

— Это стихи, — сказал Владик.

— Что за стихи? — не поверил Генка. — Никакого склада.

— Бывают стихи без рифмы, — объяснил Шурик. — Но здесь написано, что это сочинение. Подождите, тут еще... «Я поду-

мал, что хорошо бы сделать парус из этих простынь и поставить его на лодку. Только мне не дадут. Взрослые думают, что без паруса жить можно, а без простынь нельзя никак...» Это, наверно, все-таки стихи, ребята.

— А отметка есть? — спросил Илья.

— Нет отметки. Это, наверно, черновик.

Странное было сочинение. Не похоже, что Яшкино. Однако почерк его... Хотя почему не похоже? В ветрах-то Яшка разбирался.

— Почитай еще раз, — попросил Генка. — У тебя как-то интересно это выходит.

Шурик прочитал снова, размеренно подчеркивая ударения и отбивая строчки.

Да, это были все-таки стихи. Но едва ли сам Яшка знал об этом, когда писал...

— Какой из него поэт, — с сомнением произнес Генка.

Шурик аккуратно складывал листок. Он с Генкой не согласился:

— А что такого? Фантазия у него работала. Помнишь про поезд?

Генка вспомнил. Смешная история. Яшка пришел расстроенный и рассказал, что на вокзале стоит поезд с желтыми и оранжевыми вагонами, на которых нарисованы черные верблюды и зеленые попугаи. В переднем вагоне играет оркестр, а на платформе веселый дядька с усами продает билеты всем, кто хочет отправиться на экскурсию в жаркие страны. Взрослый билет стоит рубль сорок шесть копеек, а детский — семьдесят три копейки. У Яшки денег хватает, но мать спрятала свидетельство о рождении, а без документов за границу, конечно, не пускают.

Над Яшкой тогда посмеялись, а он так и ушел грустный. А потом все забыли про желто-оранжевый поезд со зверями на стенах вагонов...

— Это он из-за марок выдумал, — сказал Генка.

— Он тогда еще не собирал марки, — возразил Илья. Но спорить ему больше не хотелось, и он скорее заговорил о другом: — Гулять еще будем или домой?

— Давайте домой, — попросил Владик. — Я своего дома еще и не видел.

И только сейчас все вспомнили, что он приехал лишь сегодня и дома у себя еще не был.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

МАЛЕНЬКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ. Четыре года назад Центральный Музей Вооруженных Сил СССР передал журналу «Пионер» несколько любопытных снимков времени Великой Отечественной войны.

Один из них познакомил наших читателей со смелым разведчиком, тринадцатилетним парнишкой Тимошей Гилем.

В ушанке, в большом не по росту ватнике идет мальчишка по оккупированной немцами опустевшей деревне — он в разведке.

А совсем недавно мы еще раз услышали о юном партизанском разведчике. К нам в редакцию пришла Ольга Николаевна Московская, научный сотрудник Центрального Музея Вооруженных Сил СССР.

— Помните Тимошу Гиля! — спросила она. — Вот еще один снимок.

Посмотрели мы на фотографию: смелый мальчишка расклеивает листовки на стенах домов оккупированной немцами деревни.

— По всему видно, — сказала Ольга Николаевна, — немало подвигов совершил Тимоша Гиль, но мы не обо всех знаем. И в каком партизанском отряде он был, не знаем. Даже жив ли Тимоша, не знаем. А хотелось бы знать. Может быть, ребята нам помогут!

Мы посоветовались и решили: снимок напечатаем в журнале и попросим ребят начать поиск материалов о юном герое, о его судьбе.

Но осуществить наш план мы не успели. В этот же день почтальон принес в редакцию рукопись, которая называлась «Пароль «Затвор»». Ее авторы Леонид Петрович Рассказов и Павел Иосифович Горский рассказывали как раз о том, что нас всех интересовало.

ПАРОЛЬ «ЗАТВОР»

Л. РАССКАЗОВ,
П. ГОРСКИЙ

В дни сражений за Москву, под Звенигородом, в партизанском отряде Сергея Андреевича Абакумова действовал юный разведчик Тимоша Гиль. Водил по глухим тропам в немецкие тылы партизан и солдат расположенной неподалеку воинской части, случалось, добывал для отряда продукты, ходил в разведку.

С. А. Абакумов вспоминал, как ходил Тимоша в деревню, чтобы поджечь стога сена, в которых спрятаны были немецкие орудия. Учитель А. П. Черменинов говорил, как Тимоша разыскал его, раненого, в лесу и вместе с другим пареньком из отряда донес до медсанбата.

Многое помнят партизаны.

Однажды, было это в конце 1941 года, на подмосковные поля лег уже снег, Тимошу вызвали в штаб к командиру партизанского

отряда. Рядом с командиром сидел майор-артиллерист. Сергей Андреевич сказал:

— Мы с майором решили дать тебе серьезное задание: пойдешь в разведку один.

Предстояло Тимоше пройти в занятую немцами деревню Улитино, узнать, где стоит немецкий гарнизон, велик ли он, сколько орудийных расчетов, где они расположены, где штаб. Возвращаться в отряд разведчик должен был через посты нашей воинской части по берегу Москвы-реки. Постовых предупредили, что мимо них пройдет советский разведчик, назовет пароль «Затвор».

С котомкой за плечами, в которой лежали кусок хлеба да пара луковиц, Тимоша пошел выполнять задание. Миновав немецкие дозоры, благополучно добрался до

Улитина. Деревня опустела, всех жителей немцы угнали в лес. На улице, во дворах, в огородах зеленые немецкие шинели.

У одной избы Тимоша приметил замаскированное артиллерийское орудие. Посмотрел повнимательнее — насчитал три таких. Пригляделся: у некоторых сараев крыш нету, значит, в этих сараях тоже орудия установлены.

И вдруг окрик немецкого часового:

ца ружье и ударить по голове? Нельзя. Штаб близко, уйти не удастся.

Время движется медленно. Часовые сменились. Видит Тимоша сквозь щель: двое стали взбираться по лестнице на крышу, а оттуда двое спустились вниз.

Значит, наверху фашистский наблюдательный пункт.

Солдат, который привел Тимошу, передал его своему сменщику. Тот взял ружье и

Вот вторая фотография. Предполагалось, что это тоже Тимоша Гиль. Но сам Тимофей Васильевич сказал, что тут снят другой юный разведчик. Кто же он?

— Zurück! Обратно!

Как быть? Идти к часовому или сделать вид, будто не расслышал окрика, двигаться дальше? Раздумывать некогда. Тимоша продолжал идти.

Часовой окрикнул его еще раз. Пришлось вернуться. Солдат схватил Тимошу за воротник, потащил по улице, толкнул в большой сарай, что стоял неподалеку.

Сидит Тимоша в сарае, а часовой около сарая ходит — караулит, руками хлопает: замерз, видно.

А что, если выбежать, выхватить у нем-

приказал следовать за ним. Вышли на улицу, перешли на другую сторону, остановились возле большой избы с красивыми наличниками на окнах. По всему видно, штаб: мотоциклы стоят, и людей много.

Вошли в сени. Конвоир отправился в горницу, а Тимошу оставил под присмотром одного из солдат. Из избы доносились звуки музыки, полупьяные голоса.

Конвоир скоро вернулся, впихнул Тимошу в горницу. Там за столом сидели немецкие офицеры. Тимоша пересчитал — восемнадцать. Стол был уставлен бутылками, та-

релками с закуской. Один из офицеров вплотную подошел к Тимоше.

— Откуда идешь?

Тимоша молчал. От усталости, от голода, от волнения он едва стоял на ногах.

— Зачем приходил в деревню?

Тимоша знал, что немцы разрешали иногда деревенским приходить в свои избы, взять оставшуюся там мерзлую картошку, отрубей, овса.

— Кушать,— жалобно протянул Тимоша. И жестом показал, что он голоден.

Офицер ударил мальчика. Тимофей упал. Кровь хлынула из носа, из рассеченной губы. изо рта.

— Партизан! Партизан! — кричал офицер.

Потом он что-то сказал солдату. Тот ткнул Тимошу ружьем в спину и приказал идти.

Тимоша встал. Сейчас раздастся выстрел — и все...

Но немец не выстрелил. Тимоша шел медленно.

— Хру-хру-хру, хру-хру,— скрипели по снегу ботинки немецкого солдата. Вдруг два сильных удара свалили Тимошу с ног.

— Schnell! — крикнул конвоир.

Тимоша с трудом поднялся. Навстречу по дороге ехал немецкий обоз. В крестьянских розвальнях везли зерно. Лошадьми управляли пожилые солдаты, видно, из хозяйственной команды.

Обоз остановился, и конвоир остановился у обоза. Тимоша отошел от немцев метров на пятьдесят. Шагов конвоира не было слышно. Тимоша оглянулся, конвоир указал ему в сторону леса. Что это значит? Он свободен? А вдруг провокация? Тимоша пошел к лесу, словно нехотя, будто выполнял приказ немца. Немец не стрелял.

Что произошло? Почему конвоир отпустил его? Может быть, мальчик пробудил жалость в сердце старика, что ехал с обозом? Может быть, конвоир вспомнил о своих детях или внуках?

Остался жив, надо пробираться к Москва-реке, к нашим дозорам. Вот идет из ельника тропа.

Тропа вывела Тимошу в лощину. Москва-река совсем близко. Можно проползти через лощину, справа от ельника. Но черный пиджак Тимоши так хорошо заметен на белом поле. Вот если бы был маскировочный халат!.. А что, если вывалиться в снег? Эта мысль понравилась Тимоше, и он начал кататься по снегу, переваливаясь с боку на бок. Влажный снег налипал на его одежду,

и скоро Тимоша превратился в снежный ком. Пополз, не заметили его немецкие солдаты.

Но вот в кустарнике немецкий минометный расчет. Минометчики наблюдают за тем берегом, там наши дозоры. Собирая последние силы, Тимоша прополз вдоль берега еще метров сорок—пятьдесят, спустился на реку. И вдруг сильный треск, страшный холод обжег тело. Тимоша оказался по пояс в воде. С трудом удалось ему выбраться на лед. И он полз и полз, потеряв счет времени.

— Стой! Кто идет? — Часовой говорит по-русски.— Пароль?

Тимофей Васильевич Гиль.

— Затвор! — прошептал Тимоша.

Солдат доставил разведчика в штаб. В штабе Тимошу растерли спиртом, чтоб не простудился, не заболел, накормили горячими щами. Абакумову сообщили, что Тимоша из разведки вернулся.

Вскоре деревню Улитино, куда ходил в разведку Тимоша, освободили от фашистов. Наши орудия били метко, все было известно: где вражеские орудия, где наблюдательный пункт, где штаб.

С тех пор прошло двадцать пять лет. Тимофею Васильевичу Гилью уже под сорок. Он живет под Москвой.

Дорогая редакция! Обращаюсь к вам впервые. На нашей улице мальчишки хулиганят, грубят, бьют кошек и собак. Фамилии их я называть а может у них нет

Дорогая редакция! Обращаюсь к вам впервые. На нашей улице мальчишки хулиганят, грубят, бьют кошек и собак. Фамилии их я называть не стану, не потому, что боюсь, а может, они сами догадаются и поймут. У них нет никаких других игр, кроме какой-то войны.

Посоветуйте, что делать. Как их увлечь в другой мир, мир доброго дела и веселых игр?

МАЛЬЧИШКИ ГОВОРЯТ: «ПОДУМАЕШЬ!»

Отвечает народный артист СССР,
главный режиссер Центрального театра кукол
**Сергей Владимирович
ОБРАЗЦОВ**

Редакция журнала «Пионер» прислала мне это письмо и просила ответить девочке, которая его написала.

Фамилию и имя девочки я не называю сознательно, так же как и сама девочка не называет фамилий мальчиков, о которых пишет. Не называю потому, что мне не хочется, чтобы кто-то узнал про эту девочку, что она написала неверное письмо. Она сама это поймет по моему ответу. Уверен, что она писала искренне. И все-таки письмо неверное.

Мальчишки играют в войну. Ну что же! А девочки играют в няни, в мамы. В этом нет ничего дурного. Все дети играют в то, что делают взрослые. Война — это плохо, когда люди хотят завоевать другое государство. Кого-то поработить. Ну, а когда люди защищают свое государство, свой народ? Разве это плохо? У нас есть армия, есть солдаты и офицеры. Мы же их уважаем. Считаем героями. Так что сама по себе игра в войну еще не значит — плохая игра.

В детстве мой сын вместе с другими мальчишками играл в Чапаевскую дивизию, а потом всем им пришлось идти на фронт и по-настоящему воевать. Защищать свой народ.

Вот если мальчишки хулиганят, грубят,

бьют кошек и собак, — это действительно очень скверно. Это гораздо хуже, чем играть в войну, потому что, когда играют в войну, никого не бьют по-настоящему. Это игра. А бить кошек и собак — это значит делать больно тому, кто слабей тебя. Это стыдно. Стыдно бить слабого. Это уже не игра. Это — проявление собственной злобы.

Не всякий мальчик, который бьет кошек и собак, непременно сделается потом хулиганом и бандитом, но каждый бандит и каждый хулиган начал с этого. Никто сразу не становится плохим. Все начинается с маленького.

Поэтому я считаю, что девочка, написавшая письмо, права, что осуждает мальчиков, которые бьют кошек и собак. Только я не понимаю, почему она спрашивает о том, как увлечь этих мальчиков «в другой мир, в мир доброго дела и веселых игр?»

Мне кажется, что не сама она придумала эти слова. Что это за «мир доброго дела»? Я не знаю такого мира. Что это за «мир веселых игр»? Я такого мира не знаю.

Мне интересно, чем эта девочка сама занимается. В какие игры она играет и какое доброе дело делает?

Нельзя увлечь мальчика или девочку просто одним названием — «мир доброго дела». А вот увлечь устройством радиоприемника можно. Это, во-первых, доброе дело,

а во-вторых, страшно интересно. Можно увлечь аквариумными рыбами. Тоже очень интересно. Из такого увлечения может вырасти будущая профессия. Сейчас биология — одна из самых передовых наук. Такая же, как математика, физика, химия. Если мальчик увлекается голубями — тоже неплохо! Нельзя относиться к этому как к чему-то скверному. Я все детство водил голубей, и если бы я этого не делал, может быть, и не занимался бы искусством. Ведь искусство начинается с умения видеть, а умение видеть — это значит любить все живое вокруг себя: голубей, лягушек, кошек, собак, деревья, цветы. Но не просто любить — «Ах, ах, я люблю цветочки...», — а по-настоящему знать природу и животных. Все мое детство прошло с птицами, рыбами, собаками, кошками, голубями. И до сих пор я все это очень люблю. Только я никогда не называл это «миром доброго дела» или «миром веселых игр». Мне было просто очень интересно.

Если девочка, которая написала письмо, сама по-настоящему чем-то увлекается, то почему бы ей не позвать в эту свою веселую игру или свое доброе дело соседских мальчишек? Если это действительно интересно, то они пойдут, а если только красивые слова, то, конечно, не пойдут. Мальчишки красивых слов не любят, они на это говорят: «Подумаешь!..» Нет никакого смысла разговаривать с ними

красивыми словами. Им нужно говорить: «Смотри, какая рыба! Смотри, как она кладет икру! Смотри, как она выводит детей! Смотри, как интересно собирать марки! Смотри, как интересно выращивать из луковиц гиацинты! Смотри, как интересно делать археологические раскопки! Смотри, как интересно изучать историю своей улицы!..»

По-настоящему интересных дел очень много, и в эти интересные дела совсем не так трудно завлечь мальчиков или девочек, если сам действительно этим увлечен.

Мне показали еще одно письмо, пришедшее в редакцию «Пионера». В этом письме две подписи, и написано в нем, что «наш класс очень хороший и дружный. Все учатся на «хорошо» и «отлично», а один мальчик учится плохо. Не слушается учительницы и позорит весь класс».

Ребята пишут в письме имя и фамилию мальчика и спрашивают, как поступить с этим мальчиком. Что надо сделать, чтобы он исправился и стал хорошим?

Так вот я скажу, что ничего нельзя было сделать хуже того, что сделали те, которые написали это письмо. Вы думаете, что мальчик прочтет в журнале свою фамилию и ему станет совестно? Нет. Он просто разозлится на тех, кто писал, да и все. Что он про них подумает? Ябеды. Разве он преступник, что его можно позорить на весь Советский Союз?

*Смотри, как интересно собирать марки!
Смотри, как интересно выращивать кактусы,
строить корабли, лепить...*

Фото С. КАРАСЕВА.

Если бы не была написана его фамилия, то, может быть, и можно было дать совет, как перевоспитать такого мальчика.

Только имейте в виду, что для этого нужно очень хорошо знать, как этот мальчик живет. Как прошло его раннее детство? Все ли благополучно в его семье? Во всем разобраться и все понять.

Много лет тому назад я был преподавателем рисования в одном детском доме. Там жили сироты. Дети, у которых не было ни отца, ни матери. Воспитатели остались в этом детском доме еще с дореволюционного времени. Некоторые из них были хорошие, а некоторые были плохие, очень плохие. Они иногда даже били детей.

Был там один мальчик. Его очень не любила учительница и всегда его в чем-нибудь обвиняла. И вот когда что-то происходило, кто-то разбил окно или исцарапал парту, учительница спрашивала: «Кто это сделал?» Мальчик вставал и говорил: «Это я». И она

его наказывала. Опять что-то происходило, опять она спрашивала: «Кто это сделал?» Мальчик вставал и говорил: «Я». И опять она его наказывала. Наказывали тогда очень плохо: оставляли без обеда, или заставляли стоять несколько часов в углу, или ставили на колени.

А потом я узнал, что ни разу мальчик ни в чем не был виноват. Но он ненавидел учительницу, которая его не любила, и ему доставляло удовольствие все время говорить «я» и не бояться ее. Показывать ей, что не боится, раз все время принимает на себя наказание за поступки других.

Я рассказал это для того, чтобы вы поняли, что очень трудно проникнуть в душу маленького человека — девочки или мальчика. Иногда этот маленький человек может замкнуться. Вы всем классом будете ругать его, всем классом говорить ему, что он плохой, а он закусит губу и все-таки не подчинится вашему решению, потому что каждый человек за себя самого как-то горд, он не может сра-

зу раскаться перед всем классом. Это не всегда легко.

Перевоспитывать и воспитывать своих товарищей — дело сложное, и нельзя делать это сплеча. Нельзя думать о себе, что сам ты хороший — очень честный, очень благородный, а вот этот мальчик плохой! А может, ты просто зазнайка?

Не каждый имеет право учить.

Чтобы повлиять на человека в хорошую сторону, надо заслужить его доверие. Иначе ничего не выйдет. И лучше всего подумать о том, как втянуть в какое-нибудь интересное дело. А в интересном деле даже самые плохо воспитанные ребята могут быстро перевоспитаться. Прочитайте «Флаги на башнях», и вы увидите, как один из самых замечательных воспитателей, какие были не только в нашей стране, но, может быть, и во всем мире, умел воспитывать и перевоспитывать ребят делами. По-настоящему интересными делами. Никаких других методов перевоспитания не бывает.

ПОСМОТРИТЕ НАШУ ВЫСТАВКУ

ВТОРОЙ ПАПА

Второй папа с трубкой
во рту огромной,
и над ней дым густой,
как куст багровый.

Под портретом внизу
надпись стоит:
«Я тоже, как вырасту,
буду трубку курить».

ВТОРАЯ МАМА

Вторая мама совсем другая:
у нее и глаза, и рот, и нос,
бровь учительницы строгой
и роскошная шапка волос;
есть и руки — целых две,
и на каждой руке
по семь-восемь пальцев,
разных сортов и мастей.
Только ног нет у ней!
С ногами просто беда:
то ли их размыва вода,
то ли мама на колени стала,
когда дочь портрет с нее писала.

**Десанка
МАКСИМОВИЧ**

Ребята любят рисовать. И те, что постарше, и совсем маленькие. А рассматривать детские рисунки любят все, независимо от возраста. Недаром каждый год в разных странах устраиваются выставки детских рисунков, и приходят на эти выставки многие тысячи людей!

Мы тоже решили сделать выставку рисунков на цветных листах журнала. Начинаем ее страничкой из книги, которая так и называется: «Посмотрите нашу выставку».

Книга пришла в редакцию из Белграда. Авторы — известный поэт Югославии Десанка Максимович и художник Живоин Ковачевич — посвящают ее рисункам малышей. Малыши охотно изображают тех, кого любят: папу и маму. Оттого и оказалось в книжке такое множество пап и мам, что автору, Десанке Максимович, пришлось их перенумеровать.

Итак, приглашаем вас на выставку. Она почти бесплатная.

— За вход, нужно вам сказать, —
Всего лишь три улыбки
Или, может быть, пять...

Посмотрите, полюбуитесь! Вот сверкающая самоцветами волшебная птица, прилетевшая к нам из Франции. А стоит только перевернуть страницу — и вы попадете в рыцарский замок из старинной сказки. Приведут вас рисунки и во Вьетнам, и на Кубу, и за тридцать морей, за синие горы — в далекое Чили.

ТРЕТЬЯ МАМА

Третья мама ведет мохнатого,
белолопного и усатого,
возможно, кота,
а может быть, даже и льва,
потому что у зверя
большая голова
и грива длинная,
совсем как львиная.

Художник неопытный мог
по оплошке
нарисовать льва вместо кошки,
или просто это собака была.

Проще говоря,
мама ведет на прогулку
какого-то зверя.

Перевел с сербскохорватского
С. КАЛУЖАНИН.

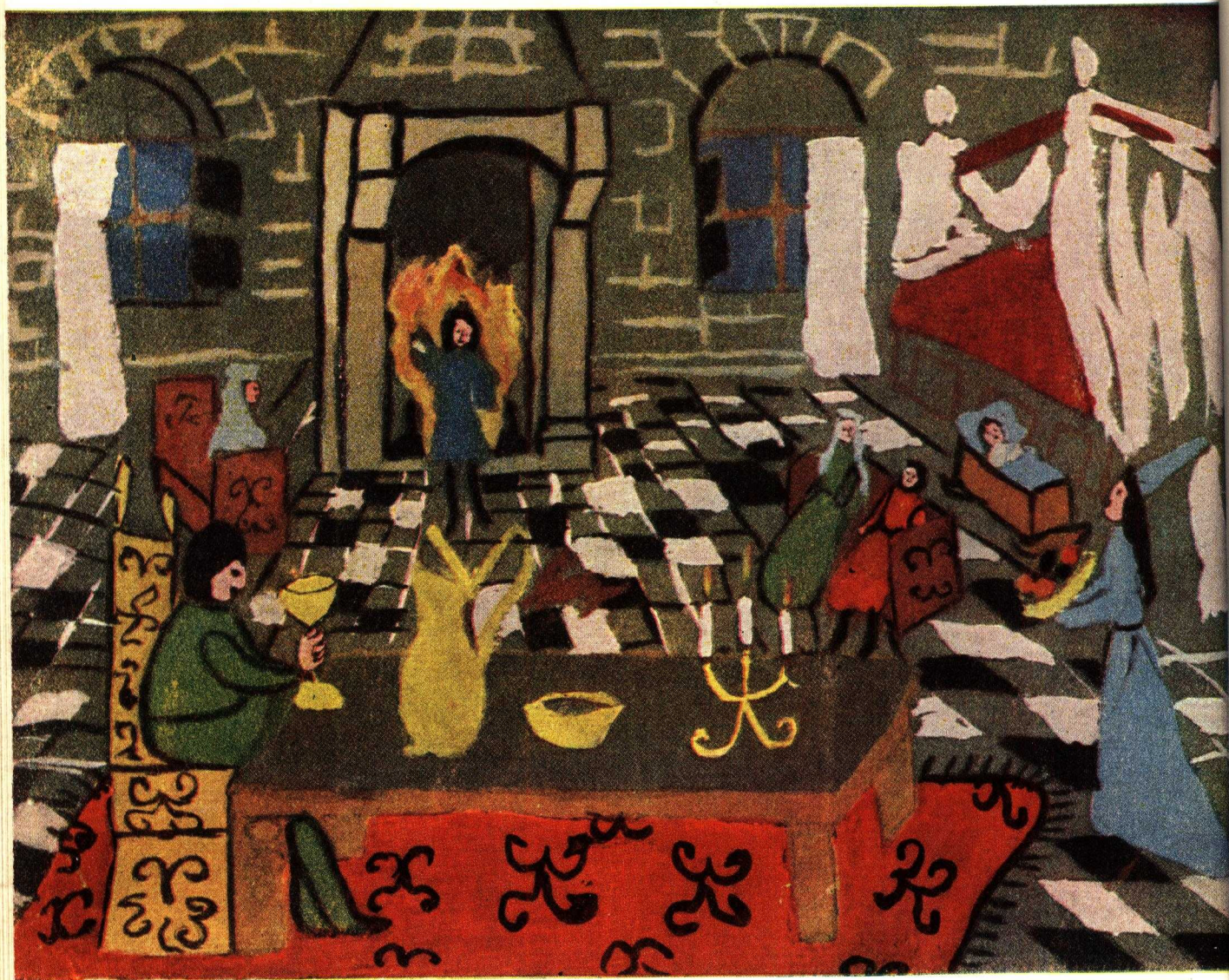

СТРАНИЦЫ ИЗ КНИГИ ДЕСАНКИ МАКСИМОВИЧ
«ПРИГЛАШЕНИЕ НА ВЫСТАВКУ».

ПТИЦА

Жан Нгуен. Франция.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ СКАЗКА

*Рисунок
французской школьницы.*

ЗМЕЙ

*Рисунок мальчика из Ханоя.
Вьетнам.*

КЛОУН

Марта Касерес Масиас. Куба.

СОВЕТСКО-КУБИНСКАЯ ДРУЖБА

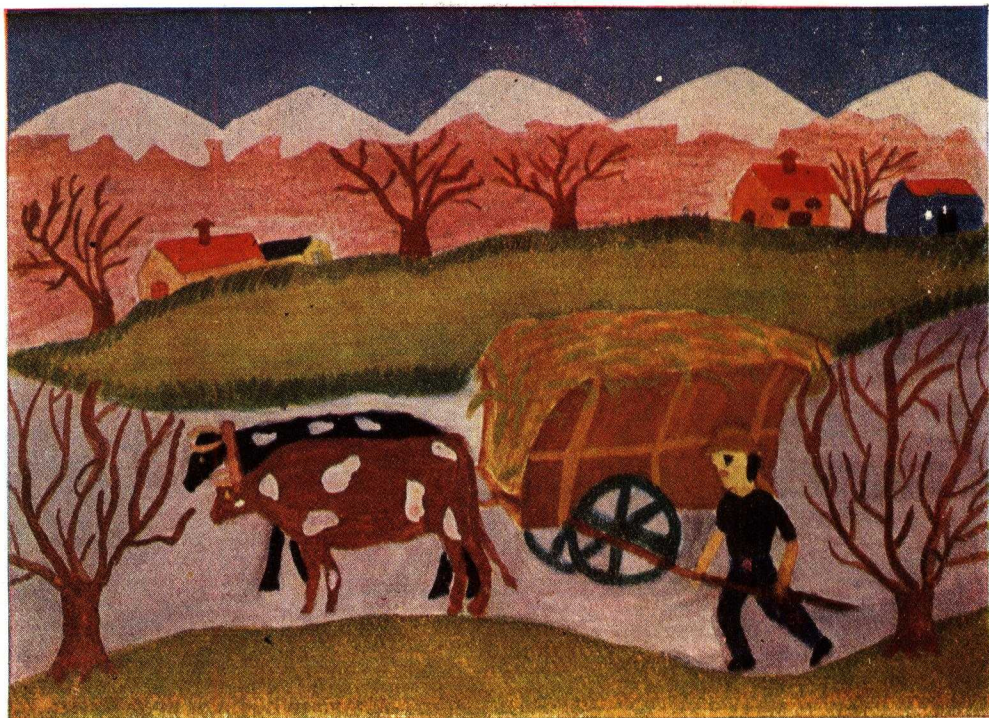
Исмаэль Зуазнабар. Куба.

РЫБАКИ
В ЗАЛИВЕ

Родольфо Леранте. Чили.

УРОЖАЙ

Бетти Курте. Чили.

КОМАРИНЫЙ МЕСЯЦ

В. СТЕПАНЕНКО

Рисунки Н. БОРИСОВОЙ.

Рано утром стойбище проснулось от крика диких гусей. Непуганые птицы летели низко над землей. Махали неторопливо тяжелыми крыльями.

Саварка стоял рядом с отцом, откинув капюшон малицы. Провожал долгим взглядом тающий в небе серый треугольник. Вожаки менялись. Перестраивали стаю.

Отец вздохнул. Неторопливо сказал, по-пыхивая короткой трубкой:

— Молодые крылья пробуют. Скоро улетят от нас!

— Да, — согласился Саварка. — В стаи табунятся. Скоро и солнце уйдет от нас спать в горы!

Саварка хорошо помнил все месяцы года. Когда начинал перечислять, загибал палец за пальцем. Сначала собирал кулак, потом второй. Пальцев не хватало, и он еще раз загибал по мизинцу. А сколько получалось — не мог сосчитать.

— Саварка, тебе учиться надо! — часто говорил отец.

— Не хочу учиться, — отмахивался Саварка. — Ты знаешь, я умею все хорошо делать. Ты говорил, что я хороший охотник. Ты говорил, что я хороший пастух. Ты говорил, что я хороший ясовей!

— Говорил. Ты храбрый, Саварка. Но хороший охотник должен еще уметь считать пойманных песцов, а хороший пастух — оленей и важенок. Хороший ясовей должен находить по компасу дорогу в тундре. Надо тебе учиться.

Саварка знал: каждый месяц приносил оленеводам свои заботы. Но больше всего — месяц Отела. Морозными ночами пастухи охраняли стадо. Отгоняли от важенок голодных волков. Укрывали только что родившихся, слабых телят.

Не было для пастухов легкого месяца. Трудные — месяц Большой темноты и ме-

сяц Большого обмана. Не приносит облегчения и Комариный месяц.

...В тундру пришел Комариный месяц. К озеру Ямбо-то стали съезжаться оленеводы на осенний праздник. Рядом со стойбищем появилось много новых чумов.

Саваркины сестры Мирнэ и Окся бежали встречать каждую упряжку оленей. Знакомились с новыми ребятами.

Саварка держался солидно. Ни с кем не знакомился. Он помогал отцу во время дежурства в стаде раскладывать дымные костры. Надо было спасать олешек от комаров и оводов.

В стаде Саварка все приглядывался к ездовым оленям. Выбирал себе для упряжки. Первый раз он будет участвовать на этом празднике в оленьих бегах. Так сказал отец. Пусть пастухи привозят больше мальчишек. Будет хороший праздник, будет большая гонка!

Не хочет Саварка пока ни о чем больше думать. Особенно о том, что после праздника на озеро Ямбо-то прилетит за ребятами самолет. Летчик повезет их в интернат учиться. Саварка все же надеялся, что отец забудет отправить его в школу.

До праздника осталось три дня. Саварка был недоволен. В стойбище привезли одних девчонок. Не будет же он состязаться с ними.

Озабоченный Саварка медленно бродил около незнакомых чумов. Приглядывался.

Чумы приезжих оленеводов ему не нравились. Лайки казались плохими. Нарты — грубыми и тяжелыми. Олешки — худыми.

Мирнэ и Окся ходили следом за братом. Знакомили его со своими новыми подругами. Но Саварка не запоминал их имена.

— Это Нябинэ. — Окся показала Саварке на высокую девочку.

— Нябинэ учится в третьем классе, — сказала Мирнэ, — у нее много книжек.

Высокая девочка в красивой панице, отделанной зеленым сукном, стояла, выставив вперед ногу. Тоборки на ней были новые, с красными завязками. Она смотрела на Саварку в упор, не мигая.

— Ан-дорова-те!

— Я в куклы не играю! — сказал Саварка и не поздоровался.

— Посмотрим, чьи олешки лучше, — сказала Нябинэ. — В интернате меня никто не обгонял!

Саварка не хотел слышать об интернате. Он крепко сжал кулаки и зашагал прочь.

На другой день Саварка разозлился на новую девчонку еще больше. Она пришла

с куклами к их чуму. Не обращала на него никакого внимания.

— Мирнэ, я пришла! Окся, я принесла куклу!

Сестры выбежали из чума. Стали обнимать Нябинэ.

Саварка не мог больше выдержать. Взял свой тынзей и направился к стаду.

Олени сбились около костров. Белый едкий дым от сучьев яры и мокрых березок низко полз над животными.

Важенки потряхивали головами. Хоркали. Сдували с распухших губ комаров.

Саварка увидел дежурного пастуха Хосея. Хосей обрадовался. Наконец-то есть с кем поболтать!

— Худой комар прилетел! — сказал он.

— Худой, — согласился Саварка. — Надо больше дымокуров разжечь.

— Правильно, — сказал Хосей и лениво зевнул. — Хороший ты пастух, Саварка. Все знаешь, что надо делать.

Саварка направился к кустам. Принялся рубить острым ножом маленькие березки и ивки для костров.

Хосей удобно уселся на нарты. Подогнул ноги. Громко говорил сам с собой.

— Жалко Хосею олешков! Беда, какие худые стали! Приедет председатель колхоза на праздник. Будет ругать Хосея. А за что ругать Хосея? Комара надо ругать! Овода надо ругать!

Саварка работал. Не давал себе ни минуты отдыха. Принес одну охапку хвороста, вторую.

Хосей смотрел на Саварку и хвалил:

— Вырастешь, Саварка, — бригадиром будешь. А пойдешь учиться — доктором станешь. Олешек будешь лечить.

— Не хочу я учиться!

— Тогда бригадиром будешь. Председатель колхоза тебя назначит!

Саварка разжег костры. Широкогрудые, с белинами на боках, олени медленно уходили от него, величественно неся тяжелые рога.

Наметил Саварка себе для упряжки белого быка и двух пелеев. Зашагал к чуму.

Нябинэ играла с черноухой лайкой Тарей. Саварка свистнул.

— Сиди, Таря! — сказала Нябинэ и погладила собаку.

Саварка подскочил. Вытянул лайку тынзем, а потом замахнулся на Нябинэ.

— Уходи. Не порти мою собаку!

Сзади кто-то дернул за тынзей. Саварка обернулся. Перед ним стоял круглолицый

мальчишка в школьной фуражке с козырьком.

— Ты, мужик, чего разорался? — спросил он Саварку. — Чего к Нябинэ пристаешь? Шалабан хочешь?

Саварка никогда не слышал такого слова. Он с интересом смотрел, как круглолицый мальчишка отгибал палец, оттягивал его, как курок двустолки.

Не успел Саварка понять, что должно произойти, как мальчишка щелкнул его по лбу.

Щелчок был сильный. У Саварки из глаз полетели искры. Он сжал кулаки и бросился на мальчишку. Круглолицый мальчишка был сильнее Саварки. Он схватил его за руку и засмеялся.

— Тихо, мужик! Жалко мне тебя. Если убью, не с кем будет состязаться.

Саварка затих. Угрюмо посмотрел на незнакомого круглолицего мальчишку.

— Тепка, — сказала Нябинэ. — Ты выиграешь гонку. Олешки мои худые.

— Почему я знаю! Ты тоже так говорила в интернате, а обогнала меня.

— Говорю тебе, худые олешки. Беда, какие худые!

Саварка не поверил своим ушам. Тепка и высокая Нябинэ не считались с ним. Как будто он не существовал.

Председатель колхоза приехал на праздник с подарками.

На другой день пять нарт стояли недалеко от стойбища. Важный Тепка сидел в своей школьной фуражке с блестящим козырьком. Рядом с ним стояли нарты Нябинэ. Девочка перетянула свою паницу красным шарфом. Саварка стоял на самом краю.

Председатель колхоза обошел все упряжки. Остановился около Саварки.

— Маленький мужик-то. Не удержать ему хорея!

— Мужик хороший! — сказал отец и посмотрел на Саварку.

— Ну, смотри! — Председатель громко хлопнул в ладоши.

— Хей! Хыть! — закричал Тепка и первый умчался вперед.

— Хей! Хыть! — Нябинэ толкнула нарты и побежала рядом с ними, чтобы олени набрали скорость. Вскочила в нарты на ходу.

Саварка замешкался. Он поздно услышал хлопок председателя колхоза. На быков крикнул тихо, вполголоса.

— Давай шибко! — закричали, взвизгивая, Мирнэ и Окся.

Все упряжки уже унеслись вперед, когда Саварка разогнал своих быков.

— Хей! Хыть!

Не догнать уже ему убегающих оленей. Они скрылись в серой дымке и брызгах воды. Не догнать ни Тепку, ни Нябинэ!

— Хей! Хыть! — Размахивая хореем,

Саварка вспомнил: в Комариный месяц оленей донимают оводы. Он стиснул зубы. Загудел. Не раз пугал он сестер, подражая летящему оводу.

— Жжж-жж-жи-ии!

Быки рванули из всех сил. Саварка чуть не вылетел из нарт. Вовремя удержался. Скоро он догнал первые нарты. В лицо полетели комки грязи и брызги.

— Хей! Хыть! — Саварка размахивал тяжелым хореем. И снова загудел. Будто кружились где-то рядом готовые броситься оводы.

— Ж-жж-ии-жж-ии!

Саварка увидел красный шарф на панице Нябинэ. Напрасно она колотила своих оленей, кричала. Саварка обогнал ее, обернулся и помахал рукой.

Проскочил еще одни нарты. Саварка видел перед собой только убегающих оленей Тепки.

Тепка подлетел к озеру Ямбо-то. Стал разворачиваться. Полозья саней загремели на камнях.

Саварка проскочил дальше. На мягких моховых кочках нарты развернул сразу, на одном месте.

— Хей! Хыть!

Снова над оленями будто бы повисла стая оводов.

— Ж-ии-жж-иии!

Взмахивая рогами, быки старались убежать от оводов. Саварка не видел, как обогнал Тепку. Быки вырвались вперед и летели, как птицы.

— Хей! Хыть! — кричал обрадованный Саварка. Он привстал на нартах и размахивал хореом.

Проехав чумы, он с трудом остановил запыхавшихся оленей. Погладил их рукой. Направился к председателю колхоза за подарком. Ноги болели. Ныла рука от тяжелого хорея.

Мирнэ и Окся догнали брата. Весело загалдели:

— Молодец! Шибко гнал олешек!

— Тепку обогнал, Нябинэ обогнал!

Оленеводы возбужденно приветствовали Саварку. Председатель колхоза крепко

обнял его. Поднял и показал пастухам. Потом протянул премию — большой охотничий нож.

— Держи, ясовей!

Саварка с радостью взял нож. Посмотрел на улыбающегося отца.

Потом Саварка увидел Тепку. Во время гонки он где-то потерял фуражку с блестящим козырьком.

Рядом с Тепкой стояла Нябинэ. Она удивленно разглядывала Саварку. Как будто видела его первый раз.

Саварка подошел к Тепке.

— Шалабан хочешь? — И, не дожидаясь ответа, щелкнул его по лбу. Стиснул зубы и загудел: — Жи-ии-жж-иии!

Тепка испуганно дернулся. Взмахнул рукой, отпугивая овода.

Саварка посмотрел на Тепку и хитро засмеялся.

ДЕСЯТЬ РАЗ ПО ДЕСЯТЬ

Прошла неделя, как Саварка приехал в интернат.

Первого сентября выпал снег. Утром Саварка выбежал во двор.

Нябинэ с Тепкой играли в снежки и громко смеялись.

С трудом Саварка узнал под наметенными сугробами маленькие бревенчатые

домики, побелевшую тундру и высокий берег Оби.

Наступило лучшее время для охоты. По глубокой пороше легко разбираться в путаных петлях и скидках зайцев, в следах лисиц и песцов.

Саварка вспомнил об этом с радостью. Вот сейчас он возьмет свою одностволку, патроны и...

На крыльце стояла воспитательница тети Маша. Размахивала большим медным звонком.

— На урок, ребята! Нябинэ! В школу, Тепа! Явтысов, в школу! Забыли, что сегодня первое сентября?

В коридоре он хотел улизнуть. Но молодая светловолосая учительница Раиса Ивановна остановила его:

— Явтысов, становись в строй! Мы тебя ждем!

Саварка тяжело вздохнул. С сожалением посмотрел через замерзшее окно в сторону тундры.

Учительница ввела учеников в класс. Принялась рассаживать. Саварку она посадила перед собой за вторую парту.

Саварка захотел пересест на другое место, но учительница строго сказала:

— Явтысов, не вертись! Будем учиться здороваться. Когда я войду в класс, вы должны встать и поздороваться. Давайте попробуем!

Раиса Ивановна вышла из класса. Закрыла дверь.

Саварка уставился в окно. Жалко, что он сидит далеко от окна.

Учительница медленно вошла в класс.

— Здравствуйте! — вразнобой закричали ребята.

— Ан-дорова-те, — буркнул недовольный Саварка. Громко ударил крышкой парты, чтобы выразить свое недовольство. Нельзя держать дома охотника в хорошую погоду! За один день можно настрелять больше, чем другой раз за неделю! Ничего не понимает Раиса Ивановна, а еще учительница.

...Прошел месяц. Ночи стали черные. Давно замерзла широкая Обь. Пурга замела снегом высокий берег, ручьи и болота.

Саварка знал уже много букв. Однажды произошло на уроке Раисы Ивановны важное событие. Саварка научился считать до десяти. Он не сразу понял, как это произошло. А когда понял, радостно улыбнулся и собрал рассыпанные по крышке парты палочки для счета. Крепко перетянул их сыромятным ремешком и

стал разглядывать класс. Слева — большие окна. Он быстро пересчитал их — одно, два, три. Три окна. Справа — книжные шкафы. Один, два.

С этого момента для Саварки открылся удивительный мир. Все, оказывается, имеет счет. Саварка засунул палочки в парту. Они больше не нужны!

В коридоре раздался звонок. Тетя Маша шла мимо класса. Звонок нарастал и гремел во всю силу.

Саварка в радостном возбуждении выбежал из класса. Прошелся по коридору. Сосчитал все окна и двери. Но этого показалось мало. Ему надо было точно знать, сколько в поселке рубленых домов, сколько антенн для радиоприемников, сколько собак, сколько лыж в интернате.

Он вышел с куском хлеба на крыльцо. Стая лохматых собак лежала перед дверью кухни. Принюхивалась к вкусным запахам обеда.

Саварка громко свистнул. Собаки бросились к нему. Нетерпеливо стали лаять, выпрашивая подачку. Он высоко держал руку с хлебом. Медленно считал собак.

— Одна, две, три... пять, шесть, девять, десять!

Ему надо было выбрать себе для упряжки десять ездовых собак. Самых крепких и сильных! Давно он присматривался к рыжему псу с широкой грудью. Его он поставит вожаком.

— Рыжий! Рыжий! — закричал Тепка, подзывая к себе собаку.

Саварка видел, как рыжий пес охотно отозвался на кличку. Подбежал к Тепке, помахивая хвостом.

— Рыжий, Рыжий! — поманил Саварка. Показал кусок хлеба.

Собака огромными прыжками понеслась к нему.

— Рыжего не переманивай! — угрожающе сказал Тепка. — А то я тебя отлуплю. Так и знай! Я его всегда запрягаю в упряжку.

— Бери, большая беда! — безразлично сказал Саварка и не стал спорить. Он не узнавал самого себя. Впервые уступил Тепке. Радость делала его щедрым и великодушным. — Я умею считать. Научился до десяти.

Тепка высокомерно посмотрел на маленького Саварку. Третьеклассник задумался. Наморщил лоб.

— Сколько будет... если прибавить к двадцати... тридцать пять?

Саварка растерянно пожал плечами. Оглянулся.

— Пятьдесят пять! Понял? — Тепка посмотрел с превосходством на Саварку. — Много тебе еще учиться надо! Поедем кататься на лыжах. Посмотришь, как я спущусь с горы! С самого верха.

— Явтысов — трус, — сказала Нябинэ. — Я знаю. Не скатиться ему с горы!

— Я не трус! — сказал с обидой Саварка. — Мне некогда.

Не мог же он говорить, что ему надо еще сосчитать все дома в поселке совхоза, а потом антенны.

— Какой занятой! — засмеялась Нябинэ. — Прямо директор совхоза. Тепка, ты видел нового директора?

Тепка насмешливо смотрел на стоящего перед ним первоклассника.

Саварке вдруг показалось, что он забыл, как надо считать. Никогда будто даже и не умел. Он повернулся и убежал от ребят.

— Директор! Директор!

В парте Саварка достал палочки для счета. Развязал ремешок. Палочки рассыпались по крышке парты.

Саварка собирал их одна к другой и шептал:

— Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять! Вот здорово: не разучился считать!

Он зашел в чулан, где стояли лыжи. Тепка и Нябинэ, наверное, взяли самые лучшие. Придирчиво стал отбирать. Лыжи с сучками отодвигал в сторону. Потом так же деловито разглядывал бамбуковые палки. Не удержался и сосчитал стоящие у стены лыжи. Сосчитал и палки. Лыж и палок было много. Хватало на всех ребят в интернате. Даже смогли бы кататься повариха, воспитательница тетя Маша и учительница Раиса Ивановна.

Лыжня Саварки направилась в поселок. Он медленно объезжал дома. На первой улице стояло девять домов. На второй — шесть. Это он хорошо запомнил. Потом он не спеша принялся считать антенны над заснеженными крышами домов. Их вышло больше. На первой улице десять антенн и еще три. На второй — ровно восемь. Он вспомнил, что забыл сосчитать еще высокий шест их интерната. В интернате хороший приемник. Вече-

ром зажигается зеленый глазок. Повернул ручку — музыка из Москвы, покрутил — говорят разные станции.

Под горой громко кричали ребята. Слышался смех Нябинэ.

Саварка подъехал к обрывистому берегу. Внизу, перед отлогим бугром, стояли ребята. Сверху они казались маленькими жуками.

— Давай дорогу! — закричал Тепка, размахивая палками. — До-ро-гу-уу!

«Раскричался, как сорока, — подумал с обидой Саварка. — А сам боится с кручи съехать. Меня трусом обозвал!»

Посмотрел он вниз, и стало страшно. Засыпанный снегом склон горы обрывался отвесно.

Наоравшись вдоволь, Тепка помчался с отлогого бугра, подымая снежную пыль.

— Ура, Тепка! — закричала Нябинэ, когда темная малица мальчика замелькала на льду.

«Саварка не трус. Никогда не был трусом!» — сказал себе мальчик и оттолкнулся палками.

Лыжи стремительно понеслись вперед, все ускоряя стремительный бег. Саварка чуть пригнулся, чтобы крепче стоять на ногах. Свистел ветер, обжигая лицо.

Впереди вырос большой сугроб. Надо было повернуть в сторону, но у Саварки не хватило сил. Он подлетел и зарылся с головой.

Позади кричали восторженные ребята.

Саварка выбрался из снега, отыскал лыжи. Оглянулся, посмотрел на высокий обрывистый берег, разрезанный лыжным следом.

Надо спешить. У него есть дела поважнее, чем выслушивать удивленные возгласы Нябинэ.

Саварка направился в тундру. Много времени отнял подъем. Но вот гора осталась за спиной.

Показались кусты яры. Потом рыжий камыш около болота. На снегу Саварка заметил узкую цепочку следов. Бежал горностаи. Он часто нырял под снег и искал

полевок. Саварка научился сегодня считать! Надо знать, сколько в тундре куропаток, лисиц и песцов. Есть один горноста́й!

Около камышей он нашел след лисицы. В снегу были глубокие ямки. В одном месте лисица долго лежала. Под ней подтаял снег. Потом она чего-то испугалась и прыгнула в сторону.

«Охотилась!» — подумал Саварка. Присмотревшись внимательно к следам, заметил, что правая лапа у лисицы была короче: побывала в капкане.

Скоро след лисицы пересекся. Вторая лисица была крупнее. Шла сытая, без охоты. Ставила осторожно задние лапы в след передних.

Мальчик повернул к дальнему озеру. По дороге спугнул стаю белых куропаток. За сугробом они раскопали березки. Клевали почки. Пока стая перелетала, Саварка сосчитал птиц.

Первый раз Саварка не жалел, что вышел в тундру без ружья. Считать зверей и птиц было интересно.

Легко скользили лыжи. Свистел холодный ветер. Глубокий снег перемел ручьи, ложбины, кусты. Высокий рыжий камыш смерзся на морозе. Гремел на ветру.

Саварка наткнулся на следы песца. Следы были меньше лисьих. Песец раскапывал снег. Ловил леммингов.

— Один горноста́й, две лисицы, шесть куропаток, один песец! — сосчитал Саварка и улыбнулся. Он направился прямо через озеро.

Снег теплым одеялом укрыл озеро. Но за камышом сильный ветер сдул снег, и там темнела узкая полоска льда. На темном льду чернела лысуха.

Саварка не мог понять, почему лысуха не улетела. Он подъехал ближе. Наверное, она спала, когда мороз ударил, и вмерзла в лед.

На Севере выживают только самые сильные и крепкие звери и птицы.

Лисицы или песцы отыщут лысуху. Выгрызут изо льда.

Долго еще ходил Саварка на лыжах. Отыскивал следы разных зверей. Стало темнеть. Снег сделался синим. Саварка повернул к поселку.

Он шел и повторял про себя, чтобы не забыть:

— Шесть лисиц, три песца, шесть куропаток, один горноста́й. Лысуха одна.

Возвращаться назад было легко. Старая лыжня хотя и запорошилась снегом, но крепко занастилась.

Тепка первый встретил Саварку. Стал кричать, чтобы сорвать свою злость:

— Не убил, не убил! Плохой охотник, плохой охотник!

— Худая у тебя башка, — сказал спокойной Саварка. — Беда, какая худая. Олешков сначала считают, а потом забывают. — Он почувствовал себя настоящим хозяином. — Учет знаешь? Я тоже считал. Большая тундра. Десять раз по десять там лисиц! Десять раз по десять там песцов! Учет надо! Ты угадай:

Ног нет, а хожу,

Рта нет, а скажу:

Когда спать,

Когда вставать,

Когда работу начинать.

— Не знает он, — сказала Нябинэ. — Тупой Тепка. Учиться ему надо. Побоялся съехать с крутой горы!

Тепка зло посмотрел на Нябинэ. Низко натянул фуражку на лоб и убежал.

ПОД ШАПКОЙ- НЕВИДИМКОЙ

Н. СЛАДКОВ

ХОЧЕШЬ УВИДЕТЬ — СТАНЬ НЕВИДИМ

Лесные жители — особые жители.

Можно жить с ними бок о бок и даже не догадываться об этом. Можно сталкиваться нос в нос и ничего о них не узнать.

С ними не побудешь с глазу на глаз. И не поговоришь по душам. Они не любят выставлять себя напоказ и не любят чужого глаза. С ними так: хочешь увидеть — сам стань невидим.

Раздобудь себе ШАПКУ-НЕВИДИМКУ.

ШАПКУ-НЕВИДИМКУ я сделал из четырех палок и куска плотной материи. Не так-то уж это оказалось и трудно! Правда, вышла ШАПКА не сказочной красоты, но зато сказочного свойства — настоящая НЕВИДИМКА.

Вот посмотрите: я тут, а меня и не видно! Это и есть как раз то, что и требуется от ШАПКИ. Тебя не видно, а ты видишь все!

В ШАПКЕ четыре окошка: вперед, назад, вправо и влево. Стоит приподнять клапаны-занавески — и смотри на четыре стороны: хочешь — на юг, хочешь — на север, на запад или восток!

Звери и птицы тебя не видят и вытворяют что только в головушку им придет! Играют, дурачатся и дерутся. Поют, танцуют, работают. Моются, чистятся, загорают. Да мало ли что! Они ничего не боятся. Они ведь не видят, что там под ШАПКОЙ!

ЧТО ТАМ ПОД ШАПКОЙ!

Под ШАПКОЙ, конечно, ты — ты ведь не голову прикрываешь ею, а сразу всего себя.

Должен быть под ШАПКОЙ-НЕВИДИМКОЙ и пенек-оборотень. Есть в лесу такие пеньки: с виду пенек пеньком, коряжка коряжкой, а повернешь его так и сядь, он и обернется тебе то стулом, то скамейкой, то креслицем. Это кстати: сидеть под ШАПКОЙ-НЕВИДИМКОЙ много удобнее, чем стоять.

Скатерть-самобранку бери из дому: чай в термосе, бутерброд. Конфетку кисленькую — пососать. Время под ШАПКОЙ тянется долго...

Но главное — не забудь фоторужье.

И все, что к нему полагается.

ЧТО ПОЛАГАЕТСЯ К ФОТОРУЖЬЮ!

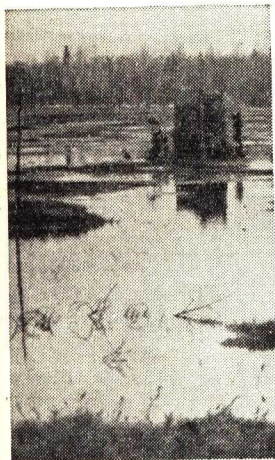
Запасные кассеты с заряженной пленкой (а вдруг повезет и от птиц и зверей отбоя не будет!).

Перезарядный мешок (а вдруг не повезет и пленку «заест»!).

Экспонетр (вдруг погода будет резко меняться: то темно, то светло!).

Упор для руки. И еще — записную книжку...

Вот она вдали, моя
ШАПКА-НЕВИДИМКА.

ЖАДНАЯ СОЙКА

Зимой самая добычливая охота с фоторужьем у жилья: «добыл» я тут и соороку, и ворону, и галку. Но никак не давалась мне сойка. И не потому, что очень уж осторожна, — осторожна и пуглива она в лесу. А у жилья она куда глупее ворон, сорок

и галок. Эти к человеку весь год приглядываются, доверяют только тем, кто внимания на них не обращает. А сойка — вольная птица. У жилья только зимой и потому не знает всех человеческих хитростей.

На прикормку сойка летит доверчиво и жадно. Но из-за этой-то жадности и трудно ее снять. Вдруг появится, стукнет коготками жесткими по деревянной доске, кинется к куску, взмахнет широкими крыльями — и уже в воздухе, спрячет кусок в лесу — за вторым летит. Опять стук коготков, быстрый взмах крыльев — в глазах рябит: рыжее, белое, черное! От леса к дому, от дома к лесу, кусок за куском, туда-сюда — ни навести не успеть, ни снять.

И вдруг — удача! Помогла та самая соечья жадность, которая до сих пор так мешала. Жадность и... три картошки.

Положил я на стол картошки, одна другой меньше. Сам полез под ШАПКУ. Вот стук коготков, быстрый взмах крыльев: сойка хватается крайнюю, маленькую картошку. Схватила, выпрямилась — сейчас улетит! Но — чудо! — сойка не улетела, сойка растерялась! Сойку одолела жадность: она бросила маленькую картошку, схватила побольше. А рядом-то лежит еще больше! Бросает среднюю и хватается самую большую. Теперь скорее в лес. Но жадность, жадность!.. Сойка склоняет шею, ерзает клювом по доскам, исхитряется прихватить к большой картошке еще маленькую. И я успеваю ее снять.

Теперь-то я знаю, что делать!

С помощью разных картошин я стану командовать жадной сойкой, как захочу. И даже не разных, а двух одинаковых — да, да, совсем одинаковых, только обязательно двух!

На столе две одинаковые картошки. Стук коготков — и сойка хватается одну. Но кажется завистливому глазу, что рядом больше кусок! Отброшена первая, в клюве вторая.

Нет, вторая вроде полегче. Брошена вторая, скорее за первую!

А я снимаю, снимаю, снимаю...

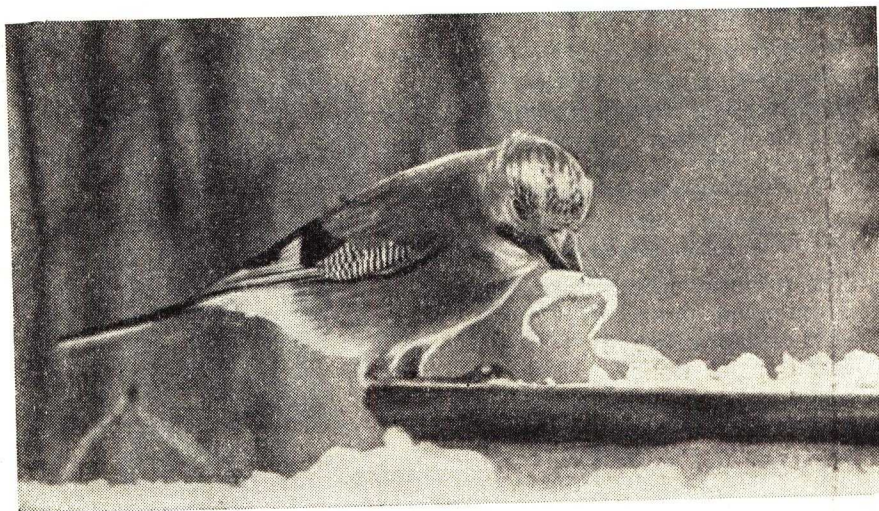
А соечий глаз горит, горит. То первая картошина в клюве, то снова вторая. То вторая, то снова первая.

А я снимаю, снимаю, снимаю...

Сойка мечется от одной к другой. Пора бы лететь, но жадность, жадность...

А я снимаю, снимаю, снимаю...

И глаза мои тоже горят, и жадность одолевает. Давно снята сойка, а я все снимаю, снимаю, снимаю...

Песня о ветре.

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.

Идет эта песня, ногам помогая,
Качая штыки, по следам Улагая,
То чешской, то польской, то русскою
речью —
За Волгу, за Дон, за Урал, в Семире-
чье.

По-чешски чешет, по-польски плачет,
Казачьим свистом по степи скачет
И строем бьет из московских дверей
От самой тайги до британских морей.

Тайга говорит,
Главари говорят,—
Сидит до поры
Молодой отряд.

Сидит до поры,
Стучат топоры,
Совет вершат...
А ночь хороша!

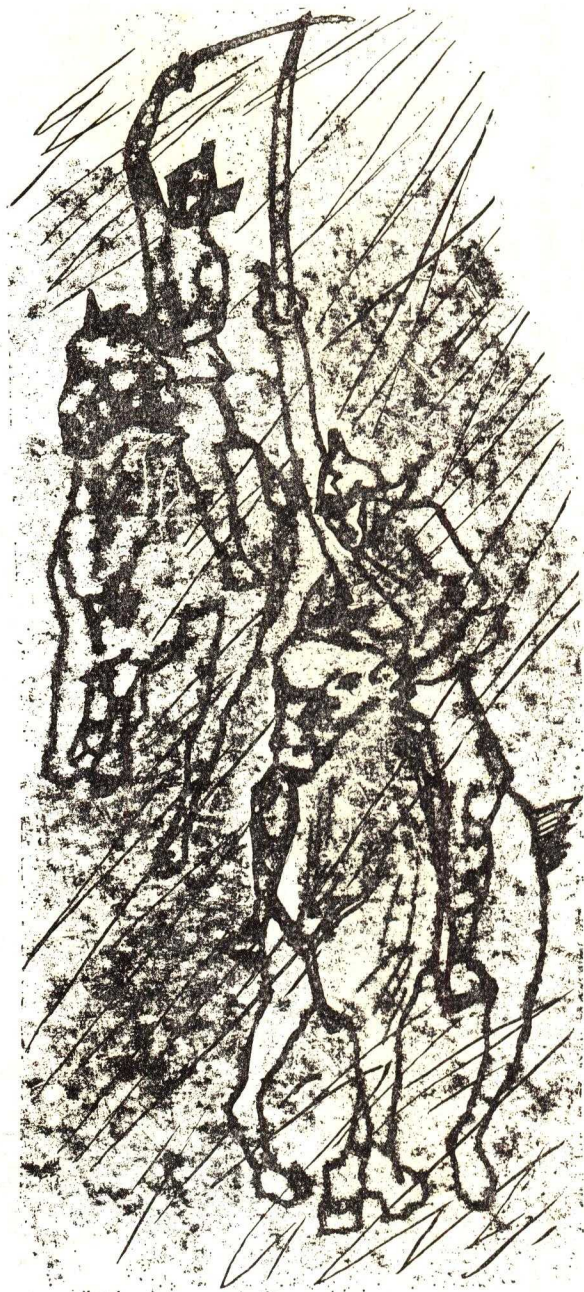
Широки просторы. Луна. Синь.
Тугими затворами патроны вдвинь!
Месяц комиссарит, обходя посты.
Железная дорога за полверсты.

Рельсы разворочены, мать честна!
Поперек дороги лежит сосна.
Дозоры — в норы, связь — за бугры,
То ли человек шуршит, то ли рысь.

Эх, зашумела, загремела,
зашурганила,
Из винтовки, из нарезка меня ранила!

Ты прости, прости, прощай!
Прощевай пока,
А куда обещаю
Не беречь бока.
Не ныть, не болеть,
Никого не жалеть.

Пулеметные дорожки расстеливать,
Беяков у сосны расстреливать.

Паровоз начеку, ругает вагоны,
Волокет Колчаку

тысячу погонов.

Он идет впереди,
атаман удалый,

У него на груди
фонари-медали.

Командир-паровоз
мучает одышка,

Впереди откос —
Паровозу крышка!

1926 г.

Над необъятной
Русью
С озерами на дне
Заготовали гуси
В зеленой вышине.

Заря огнем холодным
Позолотила их,
Летят они свободно,
Как старый русский
стих.

До сосен Заонежья
Река небес тиха.
Так трепетно и нежно
Внизу цветет ольха.

Вожак разносит
крылья,
Спешит на брачный
пир.
То сказкою, то былью
Становится весь мир.

Под крыльями тугими
Земля ясным-ясна,
Мильоны лет за ними
Стремилась к нам
весна.

Иных из них рассеют
Разлука, смерть, беда,
Но путь весны — на
север!
На север, как всегда.

1956 г.

Чудо Луговского

С. АРТАМОНОВ

Владимир Луговской родился в первом году нашего века в Москве, в одном из старинных переулков на Арбате. Он рос в семье, близкой к искусству: мать его была певицей. В доме бывали музыканты, художники, отец был знаком с Львом Николаевичем Толстым. Казалось бы, лучшей обстановки для талантливого мальчика, а потом юноши и нарочно не выдумать.

Мировая война застала Луговского гимназистом, много, жадно, взахлеб читающим мальчиком. Потом грянула революция, и все в огромной России, как на корабле в бурю, сдвинулось, сорвалось с привычного места... И студент Первого московского университета Владимир Луговской ушел в армию. С 19-го он солдат революции, прямой участник ее трудных походов, тяжелых боев и побед.

В 25-м году Луговской начинает печатать свои стихи. И с этого года до самого конца жизни его взволнованный голос будет ясно слышен среди других голосов в поэзии.

«Звезда и шлем, звезда и ночь и слякоть, казачья шашка, церковь и Арбат», — так Луговской начал. И это насквозь романтическое, подчеркнуто нервное видение мира он пронес сквозь самые тяжелые годы до смерти.

Рисунки
В. НЕКЛЮДОВА.

Он умер в 57-м году, когда к нему, к старому уже человеку, вернулась изумительная, поистине юношеская сила, и одна за другой явились в свет прекрасные книги стихов: «Солнцеворот», «Синяя весна», «Середина века». В скобках замечу: тому, кто любит стихи, рано или поздно обязательно придется столкнуться с этими книгами, и ожидают его радость и удивление.

С радостью и удивлением перед поздней поэзией Луговского говорит о нем его друг поэт П. Антокольский. Вот его слова:

«Случай Владимира Луговского оказался особым случаем. Его уже не было в живых, а он продолжал на наших глазах изменяться и расти... После его смерти выходили новые книги Луговского. Каждая из них раскрывала его заново... И эта удивительная посмертная щедрость казалась нам чудом...»

Это верно, жизнь человека окончилась, он ушел туда, откуда никому нет возврата, но работа, но все сделанное остается среди людей, продолжает жить, действовать. Вот и мы с вами сейчас пришли к стихам Владимира Луговского, и вы здесь увидите два из лучших его творений.

Посмотрите, какие это разные стихи! Заметьте, что пролегло между ними целое тридцатилетие! И запомните, что оба стихотворения написаны в лучшие времена поэта, во времена удивительных взлетов его таланта, во времена «чудес», как уже было сказано.

Всю жизнь был поэт романтиком, мечтал и писал о «мире разума, конечного порядка, справедливости». Герои его стихов — люди стремительности и целеустремленности. А мир для них раскрыт и распахнут. Его солнце «взлетает, медью волос звеня». Даже эпоха, то есть само время, у него «рычит». Шторм у него — «стоградусный шторм», а ночь — «исполнская ночь».

Вот таким огромным и грандиозным всю его жизнь виделся поэту мир — сильный и красивый, полный тревоги и счастья. Жизнь — это ветер, вихрь. Вихрь и ветер революции, справедливости, радости.

Ветер вообще частый гость в стихах поэта, и вы это сами увидите, прочитав «Песню о ветре», всю летящую, звенящую и грозную. Второе здесь стихотворение — «Гуси» — одно из последних у поэта. Оно такое спокойное, величественное, но ведь и оно летит! И в нем из поднебесной вышины открывается взору поэта разом вся необъятная и по-весеннему новая Русь — Русь, горячо любимая и прекрасно воспетая им. Русь в романтическом голубом ореоле.

Рассказывают, что однажды в Туркмении Луговской присутствовал на представлении бродячего цирка Шапито. И когда его попросили удостоверить подлинность удава в халтурном номере с фактиром, Луговской, хотя и ясно понимал, что удав поддельный, не решился разрушить иллюзию.

Да, удав был резиновый, но что из этого? Ведь сказка важнее, чем дважды два — четыре, для того, кто может рассказать, как пошел под Новый год в лес плюшевый медвежонок... Что было дальше? Прочтите стихотворение «Медведь», и узнаете, а я расскажу вам немного о том, каким он был, поэт Владимир Луговской.

Те, кто знал его, встречался с ним, пишут, что это был сильный, рослый, широкоплечий человек с удивительным гордым лицом. Что-то орлиное было в его облике. Выправка, как у военного. Спокойная уверенность. Рокошущий сильный бас.

И при этом бескрайняя, бесконечная доброта.

И бесконечно много он знал — знал нередко самые неожиданные вещи. В. Огнев рассказывает, как был удивлен, узнав, что поэт помнит «цвета и рисунки флагов всех государств, гимны (однажды он не менее часа пел их на разных языках); он знал тайну светящихся облаков, форму разных полков, которую носили в разные времена в русской армии. Он был незаурядно образован, пытлив, жажд к культуре человечества... Он был по-настоящему интеллигентен».

Рассказывает В. Огнев и о страсти поэта к оружию. Его кабинет буквально заставлен и увешан шашками, пистолетами и кинжалами, «карабины, винтовки стоят, прислонившись к книжным шкафам... Но не пугайтесь: неизвестно, когда они кололи и стреляли... Божки и тотемы из разных стран. И Будда, и Шива, и Христос. И греческая амфора на столе. Гравюры. И главное — книги. Книги всех времен и народов. На многих языках. Книги с закладками по философии, военному делу, кораблестроению, спорту. Горка остро отточенных карандашей — страсть Луговского».

А его путешествия! Поездка в Туркмению в 30-м году, откуда он привез целую книгу новых стихов — «Большевикам пустыни и весны». Кстати, «Песня о ветре», отрывок из которой мы здесь печатаем, — из этой книги.

Бывал Луговской и в Европе и в Азии, плавал на кораблях боевого флота по Черному морю, жил жадно, размахисто и стремительно.

Такова и поэзия его, занявшая в нашей литературе свое особое место. Вздонованный, романтический разговор поэта не умолк с его смертью. Вот и вы теперь его собеседники.

Регенсбургские портные

Из немецкой народной
поэзии

В Регенсбурге портные —
Парни очень чудные,
И это не сказка, а быль:
Один раз их девяносто
И девятью девяносто
Влезли на острый шпиль.

И справили годовщину —
Поели на даровщину.
Был пир у них неплохой:
Там лакомились девяносто
И девятью девяносто
Жареною блохой.

Когда они так поели,
Бедняги пить захотели:
Наперсток, полный вина,
Пригубили девяносто
И девятью девяносто
И напились допьяна.

Пошла тут у них запарка,
Всем стало ужасно жарко,
Все были так веселы,
Что прыгали девяносто
И девятью девяносто
На острые иглы.

И так они танцевали,
Что встанут теперь едва ли.
Увидеть их нелегко:
Залезли спать девяносто
И девятью девяносто
В игольное ушко.

Я знал одного портного,
Даю вам честное слово,
Что весил он семь пудов!
Портные весят не меньше,
А если кто весит меньше —
Значит, он не здоров!

Перевел
Юрий Коринец.

О ЧЕРЕПАХЕ КОКА, О МУДРОМ ЗАЙЦЕ И ОБ ЭТИХ СКАЗКАХ

Анна ГАРФ
Рисунки О. ЗОТОВА.

Видали вы, как весной из-под снега встают зеленыя? Будто острой пикой, пробивает землю скрученный в трубочку нежный росток. Тронь его пальцем — сомнется, поникнет, а вот же нашел в себе силу! Пробился из-под земли, тянется вверх, к солнцу. Много тысяч лет назад человек, впервые уронивший зерно в почву, не знал, что будет дальше: умрет ли оно, встанет ли когда-нибудь могучим деревом с тяжелыми плодами, или взойдет здесь тонкий стебелек, на котором тут же созреют семена...

И со сказкой тоже бывает такое. Знал ли рассказчик из племени лунда, живущего в Тропической Африке, долго ли, коротко ли будет жить его сказка, когда однажды ночью, у костра, он произнес:

— Дайте мне рассказать о черепахе Кока. Один человек из деревни Лаба ла Суку поймал в зарослях черепаху и принес ее. Одни сказали: «Давайте убьем ее!» Другие спросили: «Как мы убьем ее?» Те сказали: «Топором, топором». А черепаха запела: «Я черепаха Кока, и топор зовут: о, Кока! Топор меня не убьет».

«Чем же мы убьем ее?» — подхватывают слушатели, а другие им отвечают: — «Камнем, камнем!» Третьи поют: «Я черепаха Кока, и камень зовут: о, Кока! Камень меня не убьет».

И рассказчику и слушателям по душе пришлась эта сказка, они пляшут и повторяют хором полюбившиеся слова:

«Чем, чем мы убьем ее?» «Ножом, ножом». «Я черепаха Кока, и нож зовут: о, Кока! Нож меня не убьет».

То же самое происходит, когда рассказчик предлагает убить черепаху копьем, палкой, огнем.

Это не только сказка, это танец, песня, это игра.

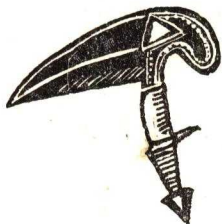
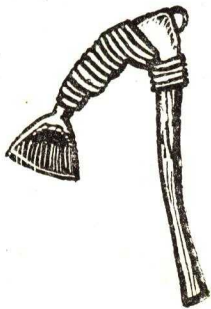
Внезапно рассказчик меняет ритм: «Люди! Давайте бросим ее в воду». «Ой, в воде я умру...»

Ее бросают, она ныряет, потом выставляет голову из воды и поет: «В воде, в воде мой дом! Буду жить в воде, в доме своем!»

— Гляди-ка, — смеются слушатели, — черепаха нас обманула!

— Вот почему черепаха живет в воде, — заключает рассказчик, — люди хотели убить ее, но она их перехитрила.

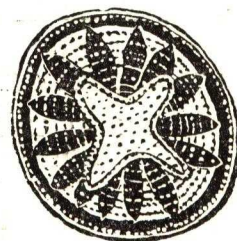
Прелесть этой игры-сказки в ее неожиданном конце: водяная черепаха умеет ходить по суше, дышит легкими, — почему она живет в воде? Да потому, что люди хотели убить ее, но она их перехитрила. Вот как славно все объяснила сказка.

В каждом племени знают самого меткого охотника, самого мудрого старика. Выделяется и самый меткий, самый мудрый, самый памятливей сказитель. Полюбившуюся сказку повторяют много раз, она идет от дедов к внукам, она путешествует от костра к костру, переходит от племени к племени. И постепенно все забывают, что сказку о черепахе принес «один человек из деревни Лаба ла Суку». Остается главное: черепаха не зря живет в воде — она перехитрила своих врагов, слабый оказался сильнее сильного.

Сказка не знает границ, она всегда свободная, всегда желанная и везде своя, потому что каждый рассказывает ее по-своему.

**ВОТ ПРИШЛА НАША СКАЗОЧКА
В СЕВЕРНУЮ НИГЕРИЮ
К НАРОДУ ХАУСА.
ПОСЛУШАЙТЕ, КАК ИЗМЕНИЛАСЬ ОНА.**

Однажды голодный ястреб прилетел к реке, весь день бродил по берегу, ничего съестного не нашел и вдруг наткнулся на черепаху.

— Что вам угодно? — вежливо спросила она.

— Мне угодно съест тебя! — ответил ястреб и давай долбить клювом черепаший панцирь.

Бежал мимо заяц, пожалел он черепаху и крикнул:

— Ее не пробьешь, пока в воде не размочишь!

Ястреб тут же бросил черепаху в реку, а сам ждет на берегу. Ждал-ждал и дождался: черепаха высунула из воды голову, чтобы вздохнуть. Ястреб схватил ее, кинул на берег и снова принялся долбить. Но мокрый панцирь сделался еще более упругим. В кровь разбил ястреб свой клюв, а все напрасно. Швырнул он опять черепаху в реку. Но теперь она стала осторожна и прятала голову, едва только ястреб взмахивал крыльями.

— Эй, сидящая в воде, — рассердился ястреб, — размокла ты наконец?

Черепаха выглянула из воды и молвила:

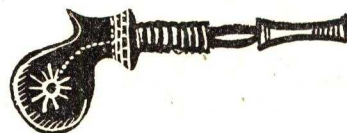
— Эй, притесняющий всех на берегу, ты глуп! Знай, в воде мой дом. В воде живу, в доме своем...

Ученые, слушая сказку, записывают ее дословно на том языке, на котором она рассказывается. В магнитофонных записях мы можем услышать и голос рассказчика. По своим записям ученые исследуют особенности языка, мышления, обычая и даже историю данной народности, племени.

У меня другая задача. Читая ноты, слышишь музыку. Читая сказку в самом точном переводе, не всегда слышишь ее музыку, не ощущаешь трепета жизни. Будто скованная словами чужого для нее языка, она остается чуждой. И какое счастье, если ее вдруг раскуеешь, освободишь, и она зазвенит, оживет, и мы услышим ее музыку на нашем родном языке!

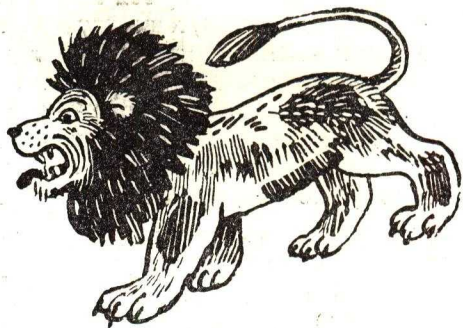
Помните, как рассказывали о водяной черепахе в племени лунда? А как звучит подобная сказка у хауса? У сказки не одно, а много обликов, и каждый рассказчик, каждый народ говорит ее по-своему.

Ну и я тоже расскажу вам по-своему несколько сказок народов Африки.

ЛЕВ и ПЕТУХ

ПО МОТИВАМ СКАЗОК
ПЛЕМЕНИ АКАМБА,
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АФРИКА.

Однажды ночью лев громко рычал. А петух пел еще громче. Услышав это громкое «Кукареку!», лев вырвал шерстинку на своей спине и сказал львенку:

— Отнеси, сынок, этот волос тому певцу. Пусть знает: если я говорю, другие должны молчать.

Когда петух получил волос, он выдернул перо на своей груди и крикнул:

— Пусть твой отец посмотрит, чей волос толще! Пусть знает: если я пою, нечего ему рычать.

Тогда лев выдернул и послал волос из своей длинной гривы, а петух послал перо со спины. Лев выдернул волос из кисти на своем хвосте, но тут петух послал роскошное перо из своего хвоста.

— Ох-ох-ох! — сказал лев. — Теперь я вижу: петух — могучий зверь. Поди к нему, сынок, скажи, что я хочу с ним драться. Кто победит, тот и будет молчать, заслышав другого.

Вот назначили время и место встречи. Лев привел с собой десять своих стариков, а петух привел своих.

Старики начали уговаривать противников:

— Не надо драки, так не годится. Можно друг с другом мирно поговорить.

Но лев только рычал в ответ, а петух кукарекал.

Старики мирили их с утра до самой ночи, но так и не помирили. На другое утро все снова собрались на том же месте.

И вот спорщики вышли и стали друг против друга.

— Ох-ох-ох! — сказал лев, увидав петуха. — Я-то думал, ты могучий зверь. А ты так мал, что тебя в траве и не увидишь...

Петух рассердился, подпрыгнул, царапнул льва и закричал своим старикам:

— Подберите львиные кишки, я ему живот распорол!

Лев даже присел от страха. А петух еще раз подскочил, клюнул льва и завопил:

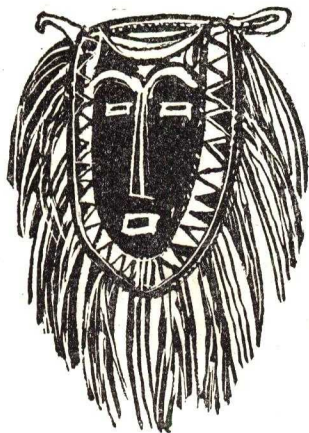
— Эй, ловите, берите, хватайте и ешьте львиную печень!..

— Отец, бежим! — сказал львенок и побежал.

— Бегом, бегом! — рявкнули старые львы. — У нас отнимают наши кишки и печень...

С тех пор как услышит лев: «Кукареку-у-у!!» — он бросает добычу и бежит спасать свою печень.

А теперь счастливых снов, кому пора почивать, а я могу и вовсе не спать. Вам могут присниться коровы, а мне — козы. Кому что нравится...

НЕПОБЕДИМЫЙ НГИЛЯ

ПО МОТИВАМ СКАЗОК ПЛЕМЕНИ АКАМБА, ЦЕНТРАЛЬНАЯ АФРИКА.

Расчищал человек поле, да не успел засветло кончить. Ночью пришел жук, все поле расчистил. На другой день стал человек собирать сухие стебли и листья, чтобы сжечь их. И опять не успел кончить. Ночью пришел жук, сжег весь мусор, а золу разбросал по всему полю. Утром человек принялся рыхлить и вскапывать землю. Работал усердно, а все же остался кусок земли невскопанный. Ночью жук доделал и эту работу.

Когда кукуруза созрела, жена человека обломала початки, но не все.

Прилетел жук и стал есть то, что она оставила.

Ночью хозяин вышел сторожить свое поле, услышал хруст и рассердился:

— Эй, кто тут шумит!

— Это я, Нгиля, тот самый, который может перепрыгнуть через семь лесов и размешивает кашу жердью!

Человек испугался. «О, это, должно быть, большой, очень большой зверь», — подумал он и поспешил домой.

Пошел сторожить поле старший сын. Он тоже услышал хруст, поднял копье и крикнул:

— Эй, кто ест нашу кукурузу?

— Это я, Нгиля, я могу перепрыгнуть через семь лесов и мешаю кашу жердью!

Старший сын большими шагами домой прибежал. От страха он все слова позабыл, он руками показывает: вот какой там, в поле, огромный зверь.

Вышел сторожить поле младший сын — маленький, совсем маленький мальчик. Он тоже услышал:

— Это я, Нгиля, я могу перепрыгнуть через семь лесов и мешаю кашу жердью!

Мальчик подкрался поближе, еще ближе, совсем близко и увидел... жука!

— Это ты поешь так громко?

— Да, это я, да, я, Нгиля, — запел жук, — я могу...

Но тут малыш схватил певца, зажал в кулак и принес домой.

— Вот он, страшный зверь.

Взял отец жука двумя пальцами.

— Ты тот самый Нгиля?

— Да, это я, Нгиля, я Нгиля, Нгиля-Нгиля-Нгиля-Нгиля-Нгиля...

Рассердился отец и швырнул жука в очаг. А жук об камень стук! Отскочил и ударил отца по лбу.

Подхватил жука старший сын, бросил в котел. А жук об стенку стук! Отскочил и ударил старшего сына в нос.

Поймала жука мать, кинула в огонь. А жук об полено стук! Отскочил и полетел. Сел на дерево и запел:

— Это я, Нгия, тот самый, который может перепрыгнуть через семь лесов и размешивает кашу жердью!

Спел и улетел.

КАК СЛОНЫ ПРО— УЧИЛИ ПАВИАНОВ

ПО МОТИВАМ СКАЗОК
БУШМЕНОВ-ХАДЗАПИ,
ТАНГАНЬИКА, ВОСТОЧНАЯ
АФРИКА.

Когда-то слоны выкопали глубокий колодец. Пришла из-под земли вода, прохладная, чистая. До края наполнился колодец, и слоны пили воду, пили, потом ушли, чтобы поесть листьев и веток.

Тут набежали к колодцу павианы. Сначала утолили жажду, а когда попили вдоволь, начали тут же, в колодце, обмывать своих младенцев. Вода замутилась, пошел от нее плохой запах, и павианы, рассердившись, закидали колодец нечистотами.

Вечером слоны вернулись к своему колодцу, но вода уже не годилась для питья.

— Пить, мы хотим пить... — захныкали слонята.

— Потерпите немного, — молвил слон-отец, — мы выроем новый колодец, а этот оставим павианам.

Так и сделали. Когда слонята допили воды, отец сказал:

— Дети, пора спать, идемте домой.

А ночью павианы опять прибежали к колодцам. Они не захотели пить там, где сами напачкали, кинулись к новому колодцу. Сначала они пили, потом начали там же мыть ноги. Помыв ноги, нашвыряли отбросов, а когда вода замутилась, наплевали в колодец и ушли.

Утром слонята снова плакали:

— Пить, мы хотим пить...

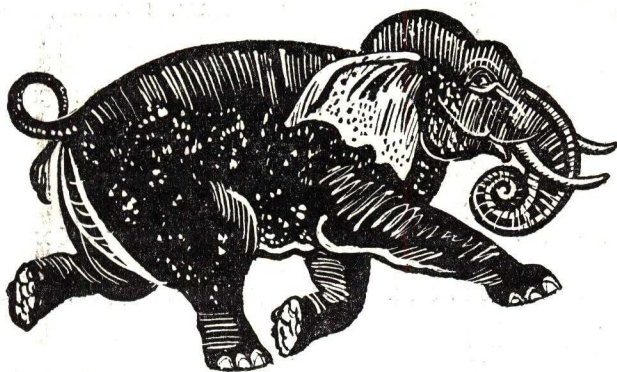
— Не плачьте, не надо плакать, — успокаивал детей слон-отец. — Я вырою новый колодец, вода в нем будет еще мягче, еще вкусней.

— Отец, — сказал старший слоненок, — надо поставить сторожа.

— Правильно! Вот ты и оставайся.

Слоны ушли. Слоненок остался один, совсем один. Вскоре он услышал шум. Это шли к колодцу павианы. Старшие шагали степенно, а дети обогнали стариков, выскочили далеко вперед и вдруг увидели слоненка. Испугались, вскарабкались на деревья и со страху так закричали, что у слоненка ноги подогнулись. Чуть жив вскочил он и кинулся домой звать отца на подмогу.

А старые павианы, услышав вопли своих детей, бросились к деревьям.

— Что случилось? Почему вы так кричите?
 — Здесь, у колодца, стоял великан, огромный, с гору.
 — Где же он?
 — Ушел.
 — Ну, довольно шуметь. Идите сюда и пейте свежую воду.
 В это время старый слон бранил своего слоненка:
 — Почему ты убежал? Ты сам сказал, что надо охранять воду.
 — О-о-о-о, отец! Туда пришел великан, огромный, с гору. От его крика небо чуть не лопнуло.

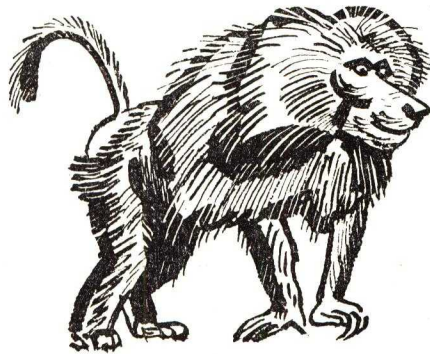
— Посмотрим, — сказал слон-отец и направился к колодцу. За ним шагал старший сын.

Увидав слона и слоненка, павианы от ужаса завопили, завизжали, залаяли. Слон едва не оглох, зашатался, повернулся и пустился наутек. За ним катился со всех ног слоненок. Еле-еле они домой прибежали — так сильно стучало сердце.

— Дети, братья, — сказал, немного отдышавшись, слон-отец, — давайте навсегда уйдем отсюда. Здесь поселился великан.

И слоны ушли.

А павианы остались. Начали они петь и плясать, пить воду и купаться. От великой своей радости они бегали, скакали и все колодцы затоптали. Вода опять под землю ушла, даже капли не осталось.

— Надо нам пойти по следам тех великанов, — сказали старики, — не то мы все погибнем от жажды.

И они пошли. Малышей, чтобы вперед не выскакивали, матери несли на руках, детей постарше заставили идти позади стариков. Но вот один мальчик-павиан зацепился за шип акации, закричал:

— А-а-а!!!

Слоны услышали, оглянулись и увидели павианов.

— А ведь мы напрасно от них убежали, — засмеялся слон-отец, — голос-то был великанский, а кричали, оказывается, обезьяны.

— Ну ничего, сейчас мы им покажем, как воду мутить, — сказал слон-дедушка, схватил вожда обезьян за руку и отшлепал его. И все слоны, шлепая павианов, приговаривали:

— Ройте сами для себя колодец!

— Мы не умеем...

— Ищите себе источник.

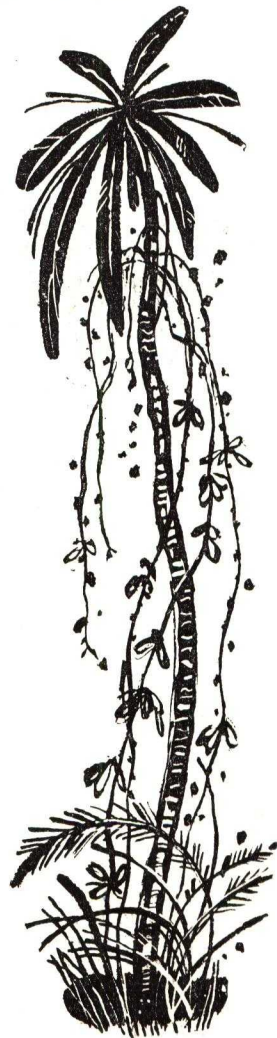
— Мы не знаем, где искать... Мы лучше будем ходить за вами, как младшие за старшими.

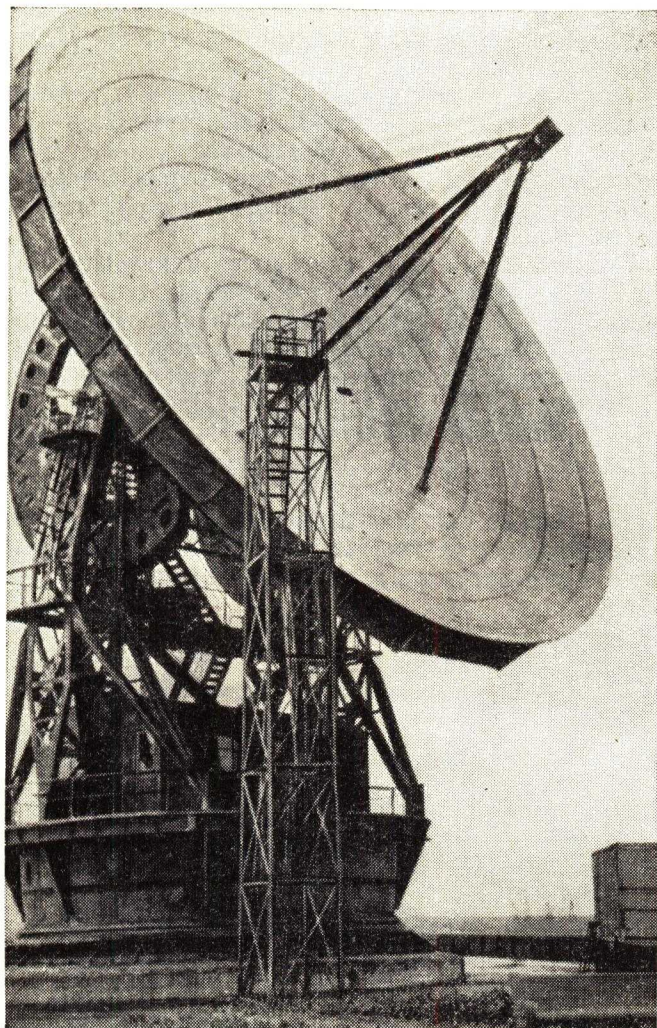
Тут слон-дедушка решил:

— Братья слоны, давайте отведем их к реке Яйде, и пусть они не ходят за нами.

Слоны отвели павианов к Яйде, и павианы там поселились.

С тех пор как слоны отшлепали их, остался у павианов красный зад. Благодаря этой отметине они не забывают, что нельзя плевать в источник и не следует мыть ноги в колодце.

РАДИОГОЛОСА ВСЕЛЕННОЙ

К. ПОРЦЕВСКИЙ

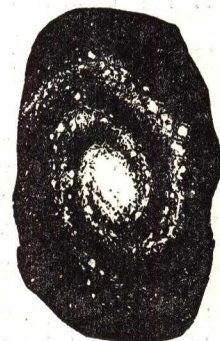
В течение тысячелетий люди знали о небе лишь то, что можно было увидеть: сначала — невооруженным глазом, потом, после Галилея, — в телескоп. Световые волны были единственными вестниками далеких миров. И только недавно, за последние десятилетия, выяснилось, что Вселенная шлет нам сведения о себе не только на волнах видимого света, но и радиоизлучением. Когда астрономы научились улавливать это излучение, с ними «заговорил» космос — наши родичи по солнечной системе: Луна, Венера, Марс, Юпитер... Было поймано неровное, как бы пульсирующее «радиодыхание» Солнца. Радиоволны позволили обнаружить и те небесные тела, о которых люди вообще ничего не знали. И если бы сейчас нам удалось вдруг увидеть все, что открыли радиоастрономы, на небе бы появились тысячи новых звезд и галактик...

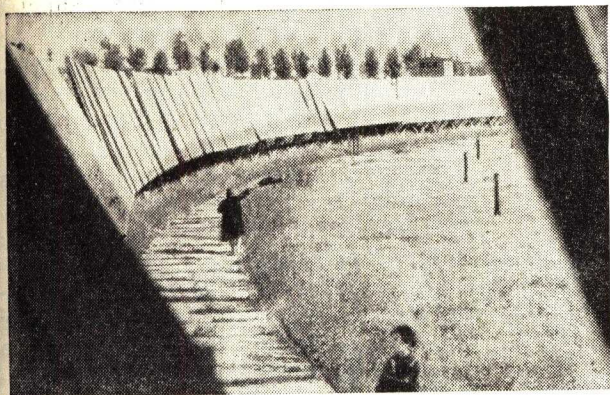
Ночью и днем (радионебо прекрасно наблюдается и днем и в любую погоду!) слушает Земля Вселенную. Чуткие уши радиотелескопов ловят еле слышный шепот звезд, планет, туманностей.

Вот они, наши радиотелескопы, оружие советских радиоастрономов. Познакомьтесь!

Крым и Подмосковье. Два новых советских радиотелескопа. Слева — подмосковный, точнее, находящийся под Серпуховом, радиотелескоп Физического института Академии наук СССР. Взгляните на его огромное зеркало. Оно и вправду кажется каким-то неземным, космическим сооружением. Двадцать два метра его диаметр.

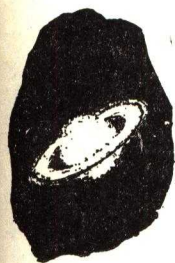
Чем больше зеркало радиотелескопа, тем больше радиоволн оно может уловить. Каждый сантиметр его отшлифованной металлической поверхности отразит лишь небольшую часть примчавшихся из космической дали радиоволн. Но все эти волны, отразившись, соберутся, сконцентрируются в одной точке, в фокусе радиозеркала, совсем так, как световые лучи собираются в зеркале оптического телескопа. А там, как в фокусе, помещена вторая, совсем маленькая приемная антенна. Она-то и передает собранные вместе радиоволны приемному устройству. Но уловить радиоволны — это еще полдела. Ученым нужно знать, откуда пришел радиосигнал, из какой точки неба. И для этого снова приходится увеличивать размер зеркала. Вот пример. Радиотелескоп настроен на волну в 21 сантиметр. Чтобы определить, откуда идет это радиоизлучение хотя бы с такой точностью, какую дает ма-

ленький, а значит, и слабый оптический телескоп, пришлось бы построить антенну диаметром в двадцать один километр! Такая громадина разрушила бы себя своим собственным весом!

Внизу на этой странице новый крымский радиотелескоп, младший брат серпуховского. У него такое же большое зеркало. Но в науке и технике часто бывает, что «младшие братья» превосходят старших. Крымский телескоп, построенный позже, совершеннее серпуховского. Среди телескопов такого класса это один из самых совершенных в мире. Им управляет электронный мозг.

Однако вернемся к вопросу увеличения зеркала. Что же, нельзя увеличивать площадь при-

ема? Можно. Свидетельство тому — большой радиотелескоп Пулковской обсерватории.

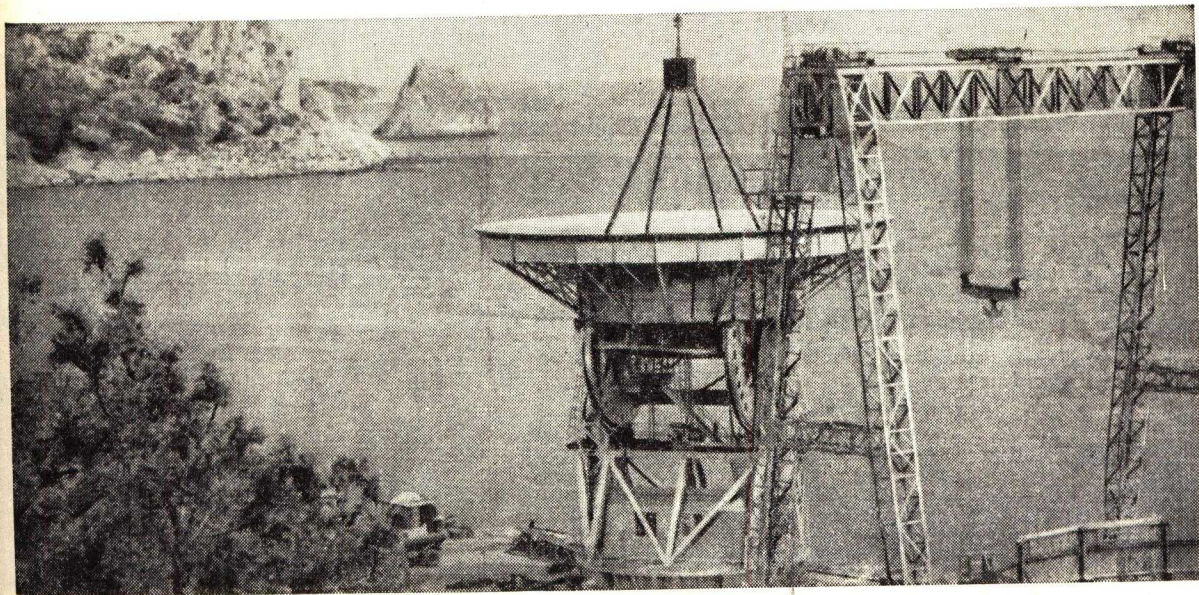
Представьте себе параболическую зеркальную чашу в сто двадцать метров диаметром.

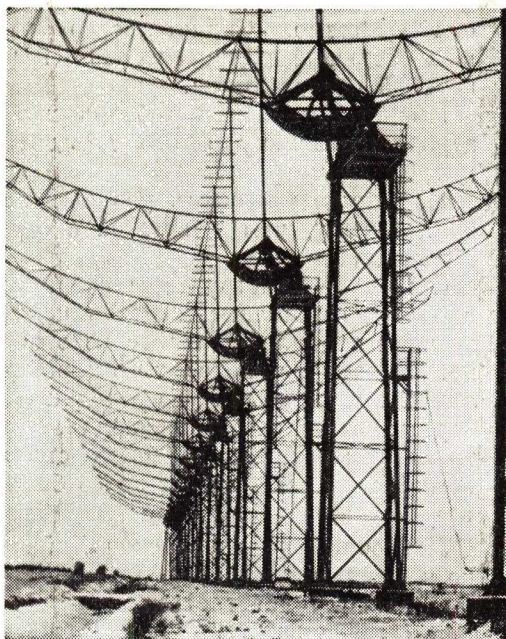
Параболоид в шесть раз больше по диаметру, чем крымский и серпуховский!

Советские конструкторы сказали: а зачем, собственно, строить целиком все зеркало? Давайте из этого воображаемого зеркального парабоида вырежем ленту, проходящую через центр. Расчеты показали, что такая лента будет работать столь же хорошо, как если бы здесь было все зеркало.

Ленточный радиотелескоп Хайкина и Кайдановского перед вами. Вереница опор несет зеркальные металлические щиты. Они имеют такую кривизну и так расположены, что вместе составляют ленту, «вырезанную» из воображаемого парабоида. Девяносто зеркал образуют огромную параболическую дугу.

Пулковский телескоп служит науке уже одиннадцатый год. Он принимает самые различные голоса безбрежной Вселенной. Голоса вулканов Сатурна и далеких звездных островов — галактик, голоса взорвавшихся тысячи лет назад «сверхновых» звезд и голос нагреваемой Солнцем Луны; голоса таинствен-

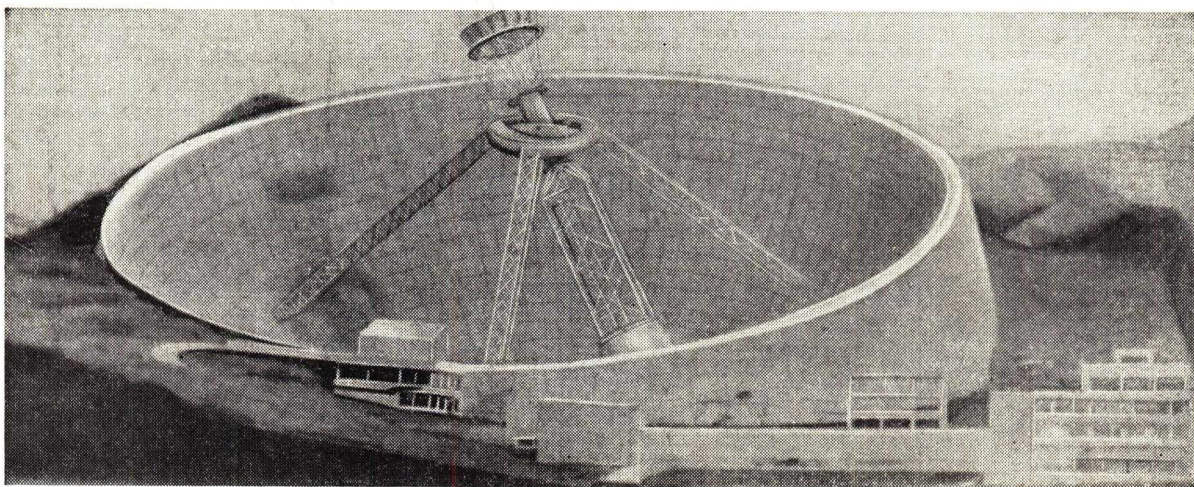
скопы-гиганты для приема длинных радиоволн. Перед вами уходящая к горизонту колонна исполинов. Это — плечо нового радиотелескопа Серпуховской станции Физического института Академии наук СССР. Тут уже не одна, а целая система согласованно работающих антенн. Второе плечо пересекается с первым, образуя крестообразную фигуру. Поперечник телескопа исчисляется здесь уже не метрами: длина каждого плеча — километр. Одно идет в направлении север — юг, другое — восток — запад. Крестообразное положение антенн позволяет с большой точностью определять координаты «подающих голос» небесных объектов, многие из которых невидимы. Серпуховский крестообразный радиотелескоп — один из крупнейших в мире — принимает радиоволны метрового диапазона.

ных квазаров и блуждающих в межзвездном мраке одиноких водородных атомов.

Давно было замечено, что неровности зеркала не влияют на прием радиоволн, если длина волны превышает размер этих неровностей. Такое зеркало останется для радиоволн гладким и сплошным, даже если на самом деле оно шероховатое, дырчатое или сетчатое. Так появились прекрасно работающие дырчатые и сетчатые антенны, и ученые начали строить радиотеле-

А внизу вы видите телескоп, которого еще нет. У него два зеркала, одно неподвижное — из бетона: огромная, в сто метров диаметром, чаша, покоящаяся прямо в выемке на земной поверхности. Второе — подвижное — зеркало с восьмиметровым диаметром на ажурной опоре приподнято в фокусе большого зеркала; собирая радиоволны, сфокусированные большим зеркалом, оно направляет их в приемное устройство, устранив искажения, вызванные менее совершенной формой большого зеркала.

ЭКИПАЖ „ЭЛГО“

фантастический рассказ

Таня ЧЕРКАСОВА

Рисунки Н. СТЕПАНОВА.

Я находилась в своем «подводном дворце», как в шутку называет Олл мою лабораторию на дне Серебряного пруда, когда вдруг тихонько прозвенел звонок.

— Что? — спросила я у Олла, порядком надоевшего мне своими непрерывными звонками.

Но на этот раз голос его был очень встревоженным:

— Неда, тонет девушка. Спаси ее!

Я быстро облачилась в гидрокостюм и выскользнула из люка наверх.

Было тихо. Я нажала в скафандре кнопку внутреннего переговорного устройства, попросила Олла дать направление. Он ответил мне очень тихо:

— Ты плывешь верно. Не меняй курса.

Я быстрее заработала ластами и ощутила упругость своих мускулов; это было прият-

ное чувство. Меня мало тревожило отчаянное положение земной девушки: я была оторвана от работы. Но, увидев впереди что-то смутно белеющее, я невольно ускорила движение и очень быстро очутилась возле пострадавшей. Обхватив ее руками за талию, я понеслась туда, где меня ждали приборы и очередной вызов Олла, находившегося в это время на берегу пруда с портативным передатчиком мысли, умещавшимся в спичечном коробке.

После того как я привела девушку в чувство при помощи искусственного дыхания и нескольких уколов, она уснула.

Я вздохнула и вызвала по передатчику командира.

— Олл, что делать с этой девушкой дальше? — стараясь говорить спокойно, спросила я.

— Вернуть ее на поверхность и освободить невозможно, — мягко ответил он.

— Почему? — изумилась я.

— Для всех она погибла, понимаешь, погибла!

— Олл, надо что-то придумать, — заводно-балась я. — Надо вернуть ее людям. Она ничего не будет помнить и знать.

— Неда, а почему ты не хочешь, чтобы она была с нами? — с нескрываемой насмешкой спросил Олл.

— Да ты понимаешь, что говоришь! — в ужасе закричала я. — Она чужая, мы не имеем права!

— Делай все, что приказано, — сухо ответил мой командир. — Немедленно покидай лабораторию. Я буду ждать тебя с девушкой на планетовете. Все.

Я резким движением выключила передатчик, подняла голову и... встретилась с тревожным взглядом девушки. Медленно встала и подошла к креслу, в котором она полужала.

Девушка молча смотрела на меня, взгляд ее жег, что-то требовал.

— Как тебя зовут? — мягко обратилась я к ней на ее родном языке.

Она разомкнула крепко сжатые губы и сказала:

— Лара.

— Чуждое имя, — тихонько сказала я.

— Кто вы? — внезапно встрепенувшись, быстро спросила она.

Я усмехнулась: в этом наивном вопросе прозвучали тревога, беспокойство и страх.

— Я человек, я такая же, как и ты, — четко произнесла я. — Отдыхай сейчас, милая.

Мне надо было возвращаться на плането-лет, где меня ждали Олл и Ант. Таков был

приказ Олла. Но я не могла найти в себе сил, чтобы рассказать обо всем дочери чужой планеты с красивым именем. «Ты должна», — твердила я себе, но не могла. И я решила доставить земную девушку на плането-лет в состоянии гипнотического сна.

На гидвелеходе с бесшумным двигателем я медленно двинулась вдоль берега пруда. Справа от меня в герметической кабине находилась Лара.

Я смотрела вперед, думала о странных обитателях Земли и, хотя дорога была прямая и видно было далеко вперед, не сразу заметила неподвижную человеческую фигуру, сидящую на берегу, обхватив руками колени и устремив взор на гладкую поверхность воды. Останавливаться и ждать ухода человека было поздно, потому что он уже что-то почувствовал и с легким вскриком обернулся. Быстрым движением выключив двигатель, я соскочила с подножки и, закусив губу, решительно подошла к вскочившему.

Это был юноша. Темноволосый, высокий, стройный юноша смотрел на меня с напряженным вниманием.

— Что вы тут делаете так поздно? — спросила я, с трудом подбирая слова. Он молчал. Это непонятное молчание меня смутило. — Как вас зовут? — спросила я.

— Сергей, — глухо, но отчетливо произнес он.

Я не знала, о чем еще спросить, и молчала. Первым задал вопрос он:

— Кто вы?

— Человек, — спокойно и с достоинством ответила я.

Он недобро усмехнулся одними губами (глаза же его горели мрачным блеском), окинул меня глазами с ног до головы, задержав на мгновение взгляд на шлеме с антенной переговорного устройства, на гидвелеходе, с настойчивостью повторил вопрос: «Кто вы?» — и, не дожидаясь ответа, шагнул в мою сторону.

Я успела отметить в сознании мрачный взгляд из-под густых, сросшихся на переносье бровей и в ту же минуту, не отдавая себе отчета в том, что делаю, стремительно направила на него узкий луч «лучемета», применяемый для борьбы с хищниками на этой планете. По лицу юноши скользнуло мимолетное недоумение, и он бесшумно рухнул наземь, беспомощно раскинув руки.

Торопливо подбежав к гидвелеходу, я вскочила в кабину, дрожащими руками включила двигатель и... уронила голову на приборную доску: человек никогда не придет в себя, ес-

Я стремительно направила на него луч «лучемета»...

ли я сама не приведу его в чувство. Что же делать?

И все же я решилась. Поместив Сергея рядом, резко потянула на себя ручку управления и гидвелеход взлетел.

— Кто вы? — задумчиво устремив взор куда-то в сторону, спросил он.

— Люди, — мягко ответила я. — С планеты Элго. Этим же именем назван и наш звездолет.

— Мы на звездолете? — удивился Сергей.

— Нет, звездолет на Луне, а мы еще на Земле.

— Еще на Земле? — с ужасом переспросил он. — Значит, я пленник?

Я молча кивнула головой. Сергей с минуту оставался недвижим, потом рванулся ко мне, закричал:

— Я должен найти Лару! Она утонула!..

— Ее не надо искать, она тоже здесь, на корабле.

— Живая? — с тоской прошептал он.

— Конечно.

Он устало откинулся на спинку кресла.

— Как вас зовут?

— Неда.

— Вы ее спасли?

— Да.

— Хотите знать, как все случилось?

...Но я не успела выслушать Сергея, потому что в это время, когда я приготовилась слушать, металлические створки двери отодвинулись в сторону и в каюте очутился Ант, рослый голубоглазый пилот. Мы были уже на планетолете.

— Неда, — сказал он, отводя глаза в сторону, — командир приказал оставить Сергея в покое.

Не сказав ни слова в ответ, я стремительно обошла широкоплечего гиганта, стоявшего на пути к выходу, и кинулась к Оллу.

Этот человек спокойно посмотрел на меня сверху вниз и повторил то, что я уже слышала от пилота.

— Но почему? — вырвалось у меня.

Он невозмутимо пожал плечами и ответил:

— Приказ командира надо выполнять.

Я — командир...

Он не договорил, потому что в следующее мгновение в командирскую каюту ворвался взбешенный Сергей. Олл побледнел и чуть подался назад.

— Что? — угрожающе спросил Сергей. — Что случилось?

Командир взял себя в руки и твердым, леденящим душу голосом сказал:

— Я прошу оставить помещение, в которое вы ворвались.

Сергей кинул на него взгляд исподлобья и шагнул вперед.

...Олл не ожидал нападения, но он был гораздо сильнее семнадцатилетнего юноши: вскоре Сергей находился в бессознательном состоянии и был отнесен пилотом в каюту, где находился прежде.

Ант ушел, сказав, что командир приказал приготовиться к старту, а я вспомнила о существовании Сергея и захотела увидеть его. Взявшись рукой за дверную ручку, я уже хотела войти, как вдруг на мое плечо опустилась чья-то рука. Я оглянулась — Олл. Глаза его смотрели строго и холодно.

— Неда, он отдыхает, — предупредил он мой вопрос.

Я склонила голову и спросила:

— Когда старт?

— Через четверть часа, — ответил Олл и ушел в рубку.

Постояв у двери, я медленно направилась в свою каюту.

Командир не хотел задерживаться на Луне, и вскоре огромный звездолет, ведомый опытной рукой пилота, взял направление на далекую голубую планету.

Я сидела за небольшим рабочим столиком и невесело размышляла о судьбах двух, находящихся на борту «Элго». Вдруг почувствовала чье-то присутствие в каюте и оглянулась — в дверях стоял Олл.

— Что? — вяло сказала я.

— Ты очень устала? — вымолвил он.

Я усмехнулась.

— Устала от всех непонятных действий. Я не могу смотреть в глаза Сергею! — с укором сказала я.

Олл вздрогнул и тихо попросил:

— Не надо так, Неда. Ты же понимаешь, что мы ничем не должны были выдавать свое присутствие.

— Трудно, — прошептала я.

Тяжело дыша, в каюту вбежал Ант.

— Командир, — не переводя дыхания, заговорил он, — большое несчастье: мы попали под метеоритный дождь. Если пробьет обшивку...

Пилот не договорил и махнул рукой.

— Все по местам! — приказал Олл.

— Сергей! — вспомнила я и бросилась бежать к нему.

...Я не дошла до каюты Сергея: страшный грохот оглушил меня, а последующий за ним удар сбил с ног.

Я очнулась. О, это было похоже на какой-то страшный сон: прямо надо мной угрожаю-

ще чернело небо с огромными звездами... «Где остальные?» — с тревогой подумала я. Собрав последние силы, встала, держась руками за стену, осторожно вошла в рубку и вздрогнула от тихого голоса, прозвучавшего за моей спиной:

— Неда.

— Что? — так же, как и тогда, спросила я, стараясь сквозь стекло скафандра рассмотреть выражение лица командира.

— Ант погиб, — не глядя на меня, глухо ответил он.

— Неда, — тихо заговорил он после скорбного молчания, — я знаю: ты мужественная девушка, и поэтому ты должна знать: мы обречены.

— Знаю, — горько вымолвила я. — А как же Лара и Сергей?

Олл молчал. Молчала и я. Молчала Вселенная...

Эти строки я пишу в небытие, а может, — кто знает? — в бессмертие. Я посылаю прощальный привет экипажа «Элго» всем. Нас было трое: Олл — командир, Ант — пилот, я — лаборантка. Лара и Сергей еще живы, но они тоже обречены. Мне больно: неужели мы погибнем?..

Звездолет «Ветер» возвращался домой на Землю. Командир его, усталый, пожилой человек, отдыхал. При нем находилась его двадцатилетняя дочь Тамара, о которой друзья в шутку говорили, что она и во сне не расстается с наушниками.

— Папа, — осторожно тронула девушка отца за руку, — я слышу сигналы о помощи.

Командир недоверчиво отмахнулся.

— Нет же, нет, папа! — горячо продолжала настаивать на своем радистка.

Неожиданно командир отложил наушники и выбежал из рубки, успев кинуть дочери:

— На этот раз ты права!

Газеты мира тогда писали: «...на борту чужого корабля находились двое чужих астронавтов и двое с нашей планеты... Они чувствуют себя превосходно. Благодарная инопланетная девушка передала Совету Всемирной Астронавигации (СВА) вместе с другими записями и пленками интереснейший документ, повествующий о жизни пришельцев на Земле и о катастрофе в космосе...

Передо мной тетрадь в сиреневой обложке. На титульном листе четко выведено: «Дневник Неды с «Элго». И дата: «14 августа, 1975 года».

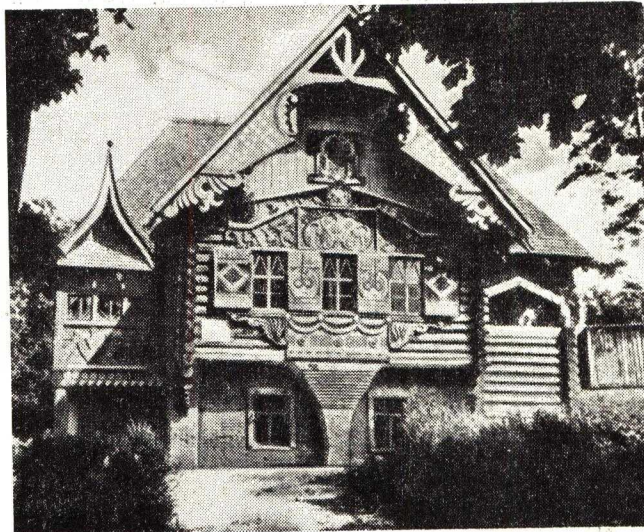
Приглашаем в Смоленск

Сегодня наше фотопутешествие ведут ребята из Смоленска: Ирина Посредникова и Миша Харитонов. Они прислали любопытные снимки.

Смоленску в позапрошлом году исполнилось тысяча сто лет. Представляете, сколько там разных достопримечательностей! Не раз на Смоленской дороге народ наш достойно встречал и провожал хвастливых чужеземных захватчиков: и шляхетскую рать, и войска Наполеона (недаром фельдмаршалу Кутузову присвоили звание Смоленский!), и бронированные гитлеровские полчища.

В городе почти целиком сохранилась толстая крепостная стена (фото внизу) со множеством боевых башен. А в Кутузовском сквере стоит памятник героям 1812 года (фото справа). Каменная скала — символ неприступности России, орлы — это ее армии. Несмотря на все усилия, французы не только не одолели русских у Смоленска, но и были по всем правилам разбиты здесь 5—6 августа 1812 года.

Теперь взгляните на «Теремок» (верхний снимок). В этом домике под Смоленском часто бывали знаменитые художники, поэты, композиторы: Васнецов, Репин, Рерих, Врубель, Поленов, Серов, Блок, Балакирев... Жаль, что вы не видите, как ярко расписан «Теремок» и до чего хорош он изнутри. Построил его в 1901 году художник Малютин, большой знаток русской старины. Раньше в «Теремке» были мастерские народных художественных промыслов. Теперь — музей прикладного искусства.

П.Л.ТРАВЕРС **МЭРИ ПОППИНС**

Перевод с английского
Бориса ЗАХОДЕРА.

Рисунки Ю. ВЛАДИМИРОВА
и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО.

Тяжелый день

М

аятник стенных часов в детской раскачивался взад и вперед, как качели. Тик-так! Тик-так!

И вдруг часы перестали тикать и начали жужжать и стонать, все громче и громче, словно от невыносимой боли. Потом они так затряслись, что вместе с ними запрыгала вся каминная полка. Пустая банка из-под варенья подскочила, зазвенев; забытая Джейн щетка для волос пустилась в пляс на своих щетинках, Королевское фарфоровое блюдо, подаренное миссис Бэнкс на крестины ее двоюродной бабушкой Кэролайн, перевернулось, и нарисованные на нем три мальчика, игравшие в лошадки, встали на свои нарисованные головы.

И после всего этого, когда уже казалось, что часы вот-вот взорвутся, они начали бить:

— Бамм! Бамм! Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь! С последним ударом Джейн проснулась.

Продолжение. См. «Пионер» № 3, 4.

Солнце потоком лилось в щель между занавесками и золотыми полосами лежало на постели.

Джейн села и осмотрелась.

С кровати Майка не слышалось ни звука. Близнецы в своих колыбельках посапывали, продолжая во сне сосать пальцы.

«Только я одна не сплю! — подумала она, очень довольная. — Могу полежать одна и подумать обо всем-всем на свете».

Она прижала коленки к подбородку, свернувшись калачиком, и ей стало уютно-уютно, как в гнездышке.

«Вот теперь я птичка, — сказала она про себя. — Я только что снесла семь хорошеньких яичек и высиживаю птенцов. Клох-клох! Ко-ко!» — Она тихонечко заклохотала.

Когда-нибудь потом — ну, например, через полчаса — кто-то тихонько скажет: «Пип!», стукнет клювиком: «Тюк!» — и скорлупа треснет. И на свет появятся семеро птенцов — два желтеньких, два темненьких и два...

— ПОРА ВСТАВАТЬ!

Неизвестно откуда взявшаяся Мэри Поппинс сдержала с плеч Джейн одеяло.

— Ой, нет-нет! — заворчала Джейн, снова натягивая на себя одеяло.

Она очень рассердилась на Мэри Поппинс. Все испортила!

— Я не хочу вставать! — сказала она, уткнувшись носом в подушку.

— Правда? — сказала Мэри Поппинс спокойно.

На этот раз она сдернула одеяло совсем, и Джейн волей-неволей выпрыгнула из постели.

— Ой, мама! — вздохнула она. — Ну почему я всегда должна вставать первая?

— Ты самая старшая — вот почему, — сказала Мэри Поппинс, подталкивая Джейн в сторону ванной.

— А я не хочу быть старшей! Почему Майк никогда не бывает старшим? Мог бы хоть разок!

— Потому что ты родилась раньше. Понятно?

— А я об этом не просила! Надоело мне быть старшей! Я хочу подумать!

— Можешь думать, пока будешь чистить зубы.

— Это будет совсем не одно и то же!

— А разве ты хочешь все время думать одно и то же?

— Да, хочу!

Мэри Поппинс бросила на нее быстрый, суровый взгляд.

— Достаточно, благодарю вас! — сказала она.

И по ее тону Джейн поняла, что она говорит серьезно.

Джейн было начала чистить зубы, но вдруг положила зубную щетку и уселась на край ванны.

— Это несправедливо! — ворчала она, лягая линолеум носком ноги. — Заставляют меня делать всякие ужасные вещи, и все потому, что я старшая! Не буду чистить зубы!

Сказала — и сама удивилась. Она всегда радовалась, что она старше Майка и Близнецов. Она чувствовала, что она главнее их. Почему же сегодня ее это только сердит и огорчает?

«Да-а, если бы Майк родился раньше, у меня было бы время высидеть своих птенчиков», — объяснила она самой себе.

День явно начался плохо.

К сожалению, дальше дела вместо того, чтобы исправиться, пошли еще хуже.

За завтраком Мэри Поппинс обнаружила, что риса на всех не хватит.

— Что ж, для Джейн придется сварить овсянку, — сказала она, расставляя тарелки, и сердито засопела, потому что она терпеть не могла варить овсянку — в ней всегда получалось много комочков.

— Почему-у? — капризничала Джейн. — Я хочу рису! Рису!

Мэри Поппинс нахмурилась.

— Потому что ты старшая!

Опять то же противное слово! Джейн лягнула под столом ножку своего стула, надеясь, что ей удалось ободрать лак. Она ела овсяную кашу как можно медленнее. Если бы у нее хватило смелости, она бы ее выплюнула. Но и так она бесконечно долго размазывала ее ложкой по тарелке, стараясь почти ничего не глотать. Хорошо бы, она умерла с голоду! Так им и надо! Тогда пожалеют!

— Какой сегодня день? — спросил Майк весело, выскребывая остатки риса.

— Среда! — сказала Мэри Поппинс. — Не процарапай, пожалуйста, тарелку насквозь!

— Тогда, значит, мы сегодня пойдем в гости к мисс Ларк!

— Если вы будете себя хорошо вести, — хмуро сказала Мэри Поппинс, словно не верила, чтобы это было возможно.

Но Майк был в радужном настроении и ничего не заметил.

— Среда! — крикнул он, барабанив ложкой по столу.

— День рождения — среда,

Значит, ждет тебя беда! — пропел он известный стишок. — Вот почему Джейн досталась овсянка вместо риса — ведь она родилась в среду, — поддразнил он.

Джейн, насупившись, толкнула его под столом ногой. Но он успел увернуться и только засмеялся.

— Кто родился в понедельник,

Будет форменный бездельник!

Кто родился в воскресенье,

Будет просто загляденье! — продолжал он декламировать. — Это тоже правильно? Близнецы родились в понедельник, и поэтому они ничего не делают. А я как раз родился в воскресенье, и поэтому я просто загляденье! — объявил он.

Джейн ядовито засмеялась.

— Да, я загляденье! — настаивал он. — Я сам слы-

шал, миссис Брилл так говорила. Она сказала Элен, что я просто куколка.

— Вот именно! — проворчала Джейн. — И нос у тебя курносый.

Майк поглядел на нее с обидой.

И опять Джейн удивилась самой себе. В любой другой день она бы с ним согласилась. Она всегда считала, что Майк — очень хорошенький мальчик. Но сегодня она сказала со злобой:

— И ты косолапишь! Кривоножка! Кривоножка!

Майк кинулся на нее.

— Прекратите! — скомандовала Мэри Поппинс, сердито глядя на Джейн. — И если кто-нибудь в этом доме отличается красотой, то это... — Она сделала паузу и удовлетворенно посмотрела в зеркало.

— Кто? — хором спросили Джейн с Майком.

— Не тот, кто носит фамилию Бэнкс! — отрезала Мэри Поппинс. — Вот так!

Майк искоса взглянул на Джейн, как он делал всегда, когда Мэри Поппинс говорила что-нибудь странное. Но хотя Джейн почувствовала, что он на нее смотрит, она сделала вид, что ничего не замечает. Отвернувшись, она сняла с полки свою коробку с красками.

— А ты не хочешь поиграть в железную дорогу? — спросил Майк, стараясь помириться.

— Нет! Я хочу играть одна!

— Ну, мои дорогие, как у вас дела сегодня?

Миссис Бэнкс бегом вбежала в детскую и спешно перецеловала ребят. Она всегда была так занята, что ходить ей было некогда.

— Майк, — сказала она, — тебе нужны новые сандалии — у тебя уже все пальцы наружу. Мэри Поппинс, мне кажется, Джону давно пора подстричься. Барби, крошка моя, не сноси пальчик! Джейн, сбегай вниз и скажи миссис Брилл, чтобы она делала торт без глазури. Мне хочется простого.

«Ну, вот опять, — подумала Джейн. — Опять не дают житья!» Стоит ей чем-нибудь заняться, как для нее придумывают дело!

— Мама, ну почему я? Как будто Майк не может!

— А я думала, ты будешь рада мне помочь! Ведь Майк обязательно по дороге забудет, зачем его послали! Кроме того, ты старшая! Сбегай, доченька!

Джейн спускалась по лестнице черепашным шагом, втайне надеясь, что пока она доберется до кухни, миссис Брилл успеет покрыть торт глазурью.

И все время она сама удивлялась своему поведению. Словно в ней поселился кто-то другой — кто-то некрасивый и с очень плохим характером — и заставляет ее злиться...

Она передала распоряжение мамы миссис Брилл и очень огорчилась, узнав, что успела вовремя.

— Ну что ж, баба с возу — кобыле легче, — заметила миссис Брилл. — И кстати, золотко, — продолжала она, — сбегай, пожалуйста, в сад и напомни этому Робертсону, чтобы он наточил ножи. У тебя ножки молодые, а у меня уже старенькие...

— Не могу. Я занята.

Пришла очередь удивляться миссис Брилл.

— Ну будь хорошей девочкой! Я и стою-то с трудом, где мне бегать.

Джейн вздохнула: «Ну, почему ее не оставят в покое?»

Она пинком закрыла дверь кухни и поплелась в сад.

Робертсон Эй спал на садовой дорожке, положив голову на лейку. Он так храпел, что его тонкие волосы то и дело взлетали и опадали.

У Робертсона Эй был необычайный дар — спать когда угодно и где угодно. Честно говоря, он предпочитал сон бодрствованию. И обычно ребята жалели его и никогда не выдавали старшим.

Но сегодня все было по-другому. Злобное существо, вселившееся в Джейн, совершенно не посочувствовало Робертсону Эй.

— Все противные! — сказала Джейн и изо всех сил рванула лейку.

Робертсон Эй так и подскочил.

— Помогите! Караул! Пожар! — закричал он, дико размахивая руками.

Потом он протер глаза и заметил Джейн.

— А-а, это ты, — протянул он разочарованно, как будто надеялся найти что-нибудь поинтереснее.

— Иди и наточи ножи. Немедленно! — приказала она.

Робертсон Эй медленно поднялся на ноги и потянулся.

— Всегда найдут дело, — сказал он грустно. — Не одно, так другое. Ни минуты покоя. А ведь надо же человеку отдохнуть!

— Ты только и делаешь, что отдыхаешь! — сказала бессердечная Джейн. — Вечно спишь!

Робертсон Эй посмотрел на нее с обидой и укором, и в любой другой день ей стало бы очень стыдно. Но сегодня она ничуть не смущалась.

— Сказать такую вещь! — грустно промолвил он. — И ты ведь старшая и все такое! Никогда не ожидал, никогда!

И, еще раз печально посмотрев на нее, он поплелся в кухню.

Простит ли он ей когда-нибудь, подумала Джейн. Но вселившееся в нее злобное создание ответило: «А мне-то что! Пусть не прощает!»

Она вздернула голову и немедленно пошла обратно в детскую, по дороге вытирая свои липкие руки о чистые, только что побеленные стены именно потому, что это было категорически запрещено.

Мэри Поппинс смахивала метелкой из перьев пыль с мебели.

— На похороны или с похорон? — спросила она, когда Джейн появилась.

Джейн посмотрела еще мрачнее и ничего не ответила.

— Знаю я кого-то, кто ищет неприятностей. А тот, кто ищет, всегда найдет, — предостерегающе сказала Мэри Поппинс.

— Ну и ладно!

— С «ну и ладно» вышло неладно! Говорят, его повесили! — поддразнила Мэри Поппинс, отложив метелку. — А теперь, — она строго посмотрела на Джейн, — я собираюсь пойти поесть. А ты присмотри за малышами, и если я услышу Хоть Одно Слово...

Она не закончила фразу, но зато продолжительно, угрожающе засопела, выходя из комнаты.

Джон и Барби подбежали к Джейн и схватили ее за руки. Но она высвободилась и сердито оттолкнула малышей.

— Почему я не единственный ребенок! — сказала она с горечью.

Баба с возу — кобыле легче, — заметила м-с Брилл.

— А ты убеги из дому! — предложил Майк. — Может, тебя кто-нибудь усыновит!

Джейн удивленно обернулась. Предложение Майка ее ошеломило.

— Ты будешь скучать без меня!

— Не буду! — успокоил ее Майк. — Раз ты собираешься всегда злиться!.. Зато я тогда возьму твою акварель!

— Нет, не возьмешь! — сказала она. — Я ее с собой заберу!

И просто, чтобы показать ему, кто хозяин красок, она достала кисточки и разложила на полу альбом.

— Нарисуй часы, — дружески посоветовал Майк.

— Нет!

— Ну, тогда Королевское фарфоровое блюдо!

Джейн взглянула.

Три мальчика по-прежнему бежали по круглому зеленому лугу. Конечно, она с удовольствием стала бы их рисовать, но сегодня ей хотелось все делать назло.

— Не буду! Я сама знаю, что мне рисовать!

И она начала рисовать свой портрет: как она одна-одинешенька сидит на яйцах.

Майк, Джон и Барби заглядывали ей через плечо. Вскоре Джейн так увлеклась рисованием, что почти забыла о своем плохом настроении.

Майк наклонился к рисунку.

— А тут надо нарисовать курицу — вот тут!

Показывая где, он нечаянно толкнул Джона. Тот немедленно повалился и ногой перевернул стакан с водой. Окрашенная акварелью вода залила всю картину.

Вскрикнув, Джейн вскочила.

— Ах ты медведь! Ты все испортил! Вот тебе!

Она с такой яростью толкнула Майка, что он тоже полетел — как раз на Джона. Близнецы завопили от боли и страха, а громче всех кричал Майк:

— Ой, ты мне голову сломала! Ой-ой-ой! Голова разбилась!

— Ну и пусть! Так тебе и надо! Так и надо! — кричала Джейн. — Сам приставал и испортил мою картинку! Противный, противный, противный!

Дверь распахнулась.

Мэри Поппинс суровым взглядом озидала поле сражения.

— Что я тебе сказала? — спросила она Джейн ужасающе спокойным голосом. — Я сказала: если я услышу Хотя Одно Слово — и вот что я вижу! Ни о каких гостях не может быть и речи! Шагу не ступишь из комнаты — или назови меня китайцем!

— Ну и пожалуйста!

Джейн сложила руки за спиной и отпрыгнула в сторону.

Ей было ни капельки не жалко.

— Очень хорошо.

Мэри Поппинс говорила сладким голосом, но было в нем что-то очень страшное.

Джейн молча наблюдала, как она одевает ребят. Когда все принарядились, Мэри Поппинс достала из картонки свою лучшую шляпку и надела ее чуть-чуть набекрень. На шею она повесила золотую цепочку с медальоном и небрежно повязала шарф в красно-белую клетку, который ей подарила миссис Бэнкс. На одном его конце была белая метка с большими буквами М. П., и Мэри Поппинс, убирая ее под воротник, удовлетворенно улыбнулась своему отражению в зеркале.

Потом она достала из шкафа зонтик с ручкой в виде головы попугая, взяла его под мышку и заторопила ребят.

— Теперь у тебя будет время подумать! — обернулась она на прощание к Джейн и, громко фыркнув, закрыла за собой дверь.

Джейн долго сидела, глядя в одну точку. Она пыталась думать про свои сестры, но, как ни странно, они ее почему-то перестали интересовать.

«Интересно, что они сейчас делают в

гостях у мисс Ларк? Наверное, играют с собаками, и мисс Ларк рассказывает им, какая у Эдуарда замечательная родословная, а Варфоломей — наполовину зрдель, наполовину легавая, и обе половины худшие... А потом всем, даже собакам, дадут к чаю Шоколадное печенье и торт...»

— Ой-ой-ой!

Мысль о том, что она лишилась всего этого, да еще по своей вине, болезненно уколола Джейн. И она разозлилась еще больше.

— Тик-так! Тик-так! — громко сказали часы.

— Да тише вы! — яростно крикнула Джейн и изо всех сил швырнула в них коробкой с акварелью. Коробка ударилась о стекло и, отскочив, налетела на Фарфоровое блюдо.

Дзззиннь! Трррррах! Блюдо перевернулось и упало.

Ой! Ой! Что она натворила!

Джейн зажмурилась.
— Слушай, больно! — пожаловался чей-то звонкий голосок.

Она не смела открыть глаза.
— Джейн! — снова прозвучал голос. — Ты мне коленку разбила!

Джейн быстро повернула голову. В комнате никого не было.

Она подбежала к двери и открыла ее.

Тоже никого.

Тут кто-то рассмеялся.

— Куда ты смотришь, глупышка! Посмотри сюда! Выше!

Джейн взглянула на каминную полку.

Возле часов лежало опрокинутое Фарфоровое блюдо. Большая трещина шла как раз посередине. И, к своему удивлению, Джейн обнаружила, что один из нарисованных мальчиков бросил вожжи и стоял, согнувшись и держась обеими руками за колено. Остальные двое смотрели на него с состраданием.

— Н-ничего н-н-не понимаю, — сказала Джейн то ли себе самой, то ли неизвестному голосу. — Н-ничего.

Мальчик на Блюде поднял голову и улыбнулся Джейн.

— Не понимаешь? Вполне возможно. Я не раз замечал, что вы с Майком не понимаете самых простейших вещей. Правда?

Он, смеясь, обернулся к своим братьям.

— Да, — сказал один из них. — Они даже не умеют успокоить Близнецов!

— Пойдем! Вильям и Эверард будут твоими лошадками, если хочешь. А я возьму кнут и побегу сбоку. Меня зовут Валентин, очень рад познакомиться. Мы Тройняшки. И еще у нас есть Кристина.

— Где же Кристина? — Джейн внимательно рассмотрела Блюдо. Но там был только зеленый лужок и заросли ольхи. Никого, кроме Валентина, Вильяма и Эверарда, там больше не было.

— Пойдем — и увидишь! — настойчиво уговаривал Валентин, протягивая ей руку. — Остальные-то ушли в гости! А ты иди в гости к нам!

Это ее убедило. Вот она покажет Майку и Близнецам, что не только они могут ходить в гости! Они ей еще позавидуют и пожалеют, что так плохо с ней поступили!

— Ладно, — сказала она, протягивая руку. — Я иду!

Валентин крепко схватил ее за руку и потащил.

И вдруг она оказалась на широкой солнечной лужайке, и под ногами вместо истрепанного ковра у нее была упругая, мягкая травка, вся поросшая маргаритками.

— Ура! — кричали Валентин, Вильям и Эверард, танцуя вокруг нее.

Джейн заметила, что Валентин хромает.

— Ой! — сказала она. — Я забыла! У тебя болит нога!

Он улыбнулся.

— Ничего! Я знаю, ты не нарочно.

Джейн достала носовой платок и завязала ему коленку.

— Даже не умеют правильно нарисовать птичьейца, — сказал второй. — Глядите, они все у нее угловатые!

— А откуда вы знаете про Близнецов и про яйца? — спросила Джейн, покраснев.

— Здравствуйте! — сказал первый мальчик. — Что же, ты думаешь, мы тут на вас все время смотрим и ничего не видим, так, что ли? Конечно, в другие комнаты — там в спальню или в ванную — мы заглянуть не можем. Кстати, какого цвета там кафель?

— Розовый, — отвечала Джейн.

— А в нашей — белый с голубым. Ты хотела бы посмотреть?

Джейн колебалась. Она была так ошарашена, что просто не знала, что сказать.

— Сразу стало лучше! — сказал он вежливо и передал ей вожжи с бубенчиками.

Вильям и Эверард, встряхнув головой и зафыркая, как настоящие лошадки, побежали по лугу, и Джейн, позванивая вожжами, помчалась за ними.

Валентин бежал рядом с ней, прихрамывая, и напевал:

— Ах, Дженни — радость, Дженни — свет,

Ах, Дженни — розовый букет!

Тебя на грудь я приколю —

Так крепко я тебя люблю!

— Та-а-к кре-ее-е-пко я тебя лю-ю-ю-блю! — подхватили Вильям с Эверардом.

Джейн подумала, что песня эта довольно старомодная. Да и странные костюмы Тройняшек, их приче-

ски и их манера говорить — все было очень старомодное.

«Очень странно!» — подумала Джейн.

Но тут же она подумала, что тут гораздо интереснее, чем у мисс Ларк, и что Майк сильно позабудет ей, когда она ему обо всем расскажет.

А лошади бежали и бежали, увлекая Джейн за собой, унося ее все дальше от детской.

На минуту она придержала вожжи, запыхавшись, и оглянулась. Где-то далеко, за лугом, еле-еле маячил тот край Блюда.

И вдруг Джейн почувствовала тревогу. Ей захотелось вернуться.

— Ну, мне пора, — сказала она, бросив звенящие вожжи.

— Нет, нет, нет! — закричали Тройняшки, окружив ее кольцом.

— Меня там будут искать. Мне надо домой!

— Да еще совсем рано, — возразил Валентин. — Они все еще в гостях у мисс Ларк. Идем! Я покажу тебе свои краски.

Это было соблазнительно.

— Хе! Хе! Хе! Что там такое?
— спросил кто-то тоненьким
надтреснутым голосом.

— А у тебя есть берлинская лазурь? — спросила она (в ее наборе как раз не хватало берлинской лазури).

— Есть! В серебряном тюбике! Идем!

Почти против своей воли Джейн пошла вперед.

«Я только взгляну на краски — и скорей обратно», — думала она. — Даже не попрошу дать покрасить!»

— А где же ваш дом? — спросила она. — Его нет на Блюда!

— Да что ты! Конечно, он тут. Тебе просто не видно — ведь он там, за лесом. Идем!

Они незаметно зашли под темные своды старого леса. Опавшие листья шуршали у них под ногами; порой голубь, хлопая крыльями, срывался с ветки...

Вильям показал Джейн гнездо малиновки под грудой хвороста; Эверард сделал и надел ей на голову венок из листьев...

Но, несмотря на всю их приветливость, Джейн нервничала и трусила и вздохнула с облегчением, когда они вышли из леса.

— Вот и наш дом! — махнул рукой Валентин.

И она увидела громадный каменный дом, обросший плющом. С виду он был старше всех домов, какие она только видела в жизни; и ей показалось, что он угрожающе наклонился к ней. По обеим сторонам каменной лестницы сидели, подобрившись, словно для прыжка, каменные львы.

Джейн вздрогнула, когда тень дома упала на нее.

— Я ненадолго, — тревожно сказала она. — Уже поздно.

— Только на пять минут! — просительно сказал Валентин, втаскивая ее в прихожую.

Шаги их гулко отдавались на каменном полу. Дом казался совершенно пустым. Кроме нее и Тройняшек, в нем словно никого не было. Холодный сквозняк свистел в коридоре.

— Кристина! Кристина! — позвал Валентин, увлекая Джейн на лестницу. — Она тут!

Послышались чьи-то быстрые шаги, и дверь распахнулась. Девочка чуть повыше Тройняшек ростом и одетая в старомодное, в оборках, платье, вбежала и бросилась обнимать Джейн.

— Наконец, наконец! — торжествующе кричала она. — Мальчики так давно за тобой следили! Но им никак не удавалось тебя поймать — ты была такая счастливая!

— Поймать меня? — переспросила Джейн. — Я... я не понимаю...

Ей стало совсем не по себе. Она горько жалела, что приняла приглашение Валентина.

— Прадедущка тебе объяснит, — со смешком сказала Кристина и потащила Джейн в комнату.

— Хе! Хе! Хе! Что там такое? — спросил кто-то тоненьким, надтреснутым голосом.

Джейн, вздрогнув, отпрянула назад к Кристине.

В дальнем конце комнаты, в кресле у камина, сидела человеческая фигура, при виде которой ей стало совсем жутко. Отблески пламени освещали старого престарелого старика, такого древнего, что он казался скорее тенью, чем живым существом. Редкая седая борода не скрывала его запавшего, тонкогубого рта, и хотя на нем была темная шапочка, заметно было, что он совершенно лысый. Одет он был в длинный старинный халат из выцветшего шелка, а на его тощих ногах болтались вышитые туфли.

— Так-так, — сказал старикашка, вынимая изо рта длинную изогнутую трубку. — Значит, Джейн наконец прибыла!

Он поднялся и заковылял к ней, усмехаясь жуткой усмешкой. Впалые глаза горели недобрый огнем.

— Мальчики изловили ее за лесом, Прадедущка, — сказала Кристина.

— А? Как они ее поймали?

— Ей не захотелось быть старшей. Она разозлилась, раскапризничалась, запустила в Блюда коробку с красками и разбила Валентину коленку.

— Так-так, — прошамкал старикашка. — Капризы, так? Хорошо, хорошо... — Он пискливо захихикал. — Ну что ж, у нас ты будешь самой младшей, крошка. Моей младшей праправнучкой! Но у нас тут капризничать не разрешается! Хе! Хе! Хе! Никаких капризов! Ну что ж, садись к огоньку, посиди с нами! Выпьешь чаю или наливочки?

— Нет! Нет! — вырвалось у Джейн. — Вы ошиблись! Мне пора домой! Я живу в Доме Номер Семнадцать, в Вишневом переулке!

— Жила, ты хочешь сказать,— радостно поприветствовал ее Валентин.— Теперь ты живешь здесь!

— Я не хочу жить здесь! — в отчаянии кричала Джейн.— Разве ты не понимаешь? Я хочу домой!

— Глупости! — закаркал Прадедушка.— Тебе там было плохо, хе-хе! Я-то знаю, каково быть старшим,— ты делай всю работу, а младшие забавляются! Хе-хе-хе! А у нас,— он помахал трубкой,— тут у нас ты будешь нашим баловнем, нашей дорогой крошкой, нашим золотком! Ты никогда не вернешься домой!

— Никогда! — как эхо, подхватили Вильям и Эверард, танцуя вокруг нее.

Слезы брызнули из глаз Джейн.

— Хочу домой! Мне нужно домой!

Прадедушка улыбнулся своей страшкой беззубой улыбкой.

— Ты думаешь, мы тебя так и отпустим? — сказал он.— Ты разбила наше Блюдо! И коленку Валентину! За это придется отвечать, дорогая! Где твой выкуп?

— Я... я отдам ему свои краски.

— У него есть краски!

— Обруч!

— Хе-хе! Он уж слишком большой!

— Тогда... — Джейн запнулась.— Тогда я выйду за него замуж, когда вырасту.

Прадедушка снова захихикал.

Джейн умоляюще посмотрела на Валентина.

Он покачал головой.

— Боюсь, что будет поздно,— грустно сказал он.— Я ведь уже давно-давно вырос...

— А как же тогда... Почему... Ох, я ничего не понимаю. Где же я? — плакала Джейн.

— Ты далеко-далеко, деточка, далеко-далеко от своего дома! — шамкал Прадедушка.— Ты попала в Прошлое — в далекое Прошлое, в те дни, когда Кристина и мальчики были детьми!

Даже сквозь слезы Джейн видела, как яростно горят старческие глазки.

— А как же... как же мне попасть домой? — прошептала Джейн.

— Никак! Ты останешься здесь! Выхода нет! Вспомни: ты в далеком Прошлом. Близнецы и Майк, да что там — твой отец и мать еще не родились на свет! Дом Номер Семнадцать еще не построен! Нет, тебе некуда идти!

— Нет, нет! — рыдала Джейн.— Это неправда! Не может так быть!

Сердце у нее застучало. Никогда не увидит Майка, и папу, и маму, и Близнецов, и Мэри Поппинс!

И вдруг она закричала что было мочи:

— Мэри Поппинс! Я больше не буду! Помогите! Помогите! Мэри Поппинс!

— Живей! Держите ее! Не выпускайте! — скомандовал старик.

И вся четверка детей окружила ее тесным кольцом.

Джейн изо всех сил зажмурилась.

— Мэри Поппинс! — закричала она.

Голос ее эхом раздавался в каменных коридорах.

— Мэри Поппинс!

Чья-то рука схватила ее и потащила. Но Валентин, Вильям, Эверард и Кристина держали крепко...

— Хе-хе-хе! — каркал Прадедушка.— Хе-хе-хе!

И вдруг она почувствовала, что руки ее врагов разжались.

Она ощутила, что ее куда-то тащат... по ступенькам... по коридору... по сырой, покрытой чем-то шуршащим земле...

Голоса Прадедушки, Кристины и мальчиков замерли в отдалении...

Вот она ощутила на щеках солнечное тепло. Острые травинки резали ее ноги...

И тут чьи-то руки стиснули ее железным кольцом, подхватили и понесли по воздуху.

— Помогите! — кричала Джейн, яростно извиваясь.

Она всеми силами старалась вырваться. Она не сдастся! Она будет лягать, и лягать, и лягать, пока...

— Буду тебе очень признательна, если ты вспомнишь,— сказал хорошо знакомый голос над самым ее ухом,— что это моя лучшая юбка и я собираюсь носить ее до летнего сезона.

Джейн открыла глаза — и встретила с суровым взглядом знакомых синих глаз.

Да, это руки Мэри Поппинс держали ее так крепко, и ноги, которые Джейн так яростно лягала, тоже принадлежали Мэри Поппинс...

— Ой, это вы! — пролепетала Джейн.— А я думала, вы меня не слышали! Я думала, мне придется там навсегда остаться! Я думала...

— Некоторые люди,— сказала Мэри Поппинс, нежно опуская ее на пол,— думают слишком много. В этом я уверена. Вытри лицо, пожалуйста.

Она подала Джейн свой носовой платок и начала накрывать к ужину.

Джейн наблюдала за ней, отирая слезы большим голубым платком. Все в комнате было так знакомо и привычно! И ободранный ковер, и шкафчик с игрушками, и кресло Мэри Поппинс... И от этих знакомых вещей веяло таким уютом, теплом и покоем...

Мэри Поппинс хлопотала у стола; Джейн прислушивалась к знакомым звукам — и пережитой ужас уходил куда-то далеко-далеко!

Волна счастья нахлынула на нее.

«Не может быть, чтобы я была такая плохая,— сказала она про себя.— Это, конечно, был кто-то другой!»

И она стала размышлять, кто бы это мог быть.

— Да ведь этого не могло быть вправду! — недоверчиво усмехнулся Майк, когда немного спустя Джейн рассказала ему о своих приключениях.— Ты чересчур большая! Разве ты поместишься на Блюде! Она на минутку задумалась. По совести сказать, она уже сама не очень верила в то, что рассказывала.

— Да, ты, наверно, прав,— сказала она.— Но тогда мне казалось, что все это так и было.

— Ты просто все придумала. Ты всегда думаешь, думаешь и все выдумываешь из головы!

Майк чувствовал свое превосходство: он-то вообщем никогда не думал.

— Отойдите-ка, мыслители!.. — отодвинула их в сторону Мэри Поппинс, растаскивая Близнецов по кроваткам.

— А теперь,— сердито сказала она, когда Джон и Барби были как следует уложены,— теперь, может быть, у меня будет минутка свободного времени!

Она отколола свою новую шляпку и швырнула ее в картонку. Расстегнула цепочку и заботливо уложила в ящик медальон. Затем она сняла пальто, встряхнула его и повесила на крючок за дверь.

— Ой, а где же ваш новый шарф? — спросила Джейн.— Вы его потеряли?

— Что ты говоришь! — сказал Майк.— Он был на ней, когда мы вернулись. Я видел.

Мэри Поппинс обернулась к ним.

— Будьте любезны заниматься своими делами,— сказала она раздраженно,— а со своими я как-нибудь сама справлюсь!

— Я ведь только хотела помочь... — начала Джейн.

— Не нуждаюсь в помощи, спасибо! — фыркнула Мэри Поппинс.

Джейн сделала знак глазами Майку. Но на этот раз он ничего не заметил. Он с изумленным видом уставился на каминную полку.

— Что с тобой, Майк?

— Выходит, что ты не выдумала! — шепнул он и показал пальцем на Блюдо.

Джейн пригляделась. Да, Блюдо действительно треснуло как раз посередине. И все-таки луг был на месте, и трава, и опушка леса. И трое мальчиков продолжали играть в лошадки...

Но что же это?.. Нога одного из мальчиков была перевязана маленьким белым платочком. А на траве, словно оброненный кем-то в спешке, лежал шарф в красно-белую клетку. И на одном его конце виднелась метка, на которой большими буквами были вышиты инициалы: М. П.

— Значит, вот где она его потеряла! — сказал Майк, с умным видом кивая головой. — Сказать ей, что мы его нашли?

Джейн оглянулась. Мэри Поппинс застегивала свой

передник с таким лицом, как будто весь мир ее смертельно обидел.

— Лучше не стоит, — сказала Джейн тихо. — Она, наверно, знает.

С минуту она стояла, рассматривая разбитое Блюдо, платок, завязанный узелком, и шарф.

Внезапно она сорвалась с места и кинулась обнимать накрахмаленный белый передник.

— Мэри Поппинс! — кричала она. — Мэри Поппинс! Я больше никогда не буду капризничать! Никогда!

Чуть заметная скептическая усмешка тронула уголки рта Мэри Поппинс, разглаживавшей свой передник.

— Гм! — сказала она.

И это было все, что она сказала.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ.

Недавно в тридевятой школе ребята устроили сеанс одновременной игры. И, конечно, пригласили Пешкина. Всем хотелось помериться силами, сразиться с таким опытным противником.

Только чемпион школы, шахма-

тист тридесятой категории Володя Самохвалов долго не соглашался участвовать в турнире.

— Я и один на один Пешкину не уступлю, — доказывал он.

Еле-еле ребята уговорили его.

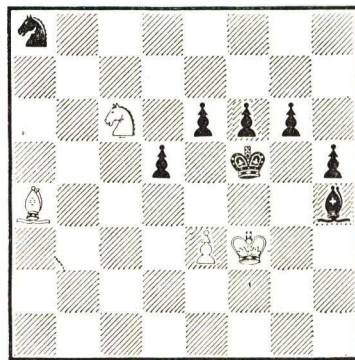
И вот началось сражение. Много партий Пешкин выиграл, три вничью закончились, а партия с Володей затянулась и пришла к положению, которое вы видите на диаграмме.

Володя гордо сказал:

— Видите, сколько пешек у меня, а у Пешкина всего одна... Не на того ты, Пешкин, напал... Не лучше ли тебе сдаться? — Володя даже забыл о том, что нельзя предлагать противнику сдаваться.

— В шахматы играть — не только пешки считать, — возразил ему спокойно Пешкин. — Я тебе, Володя, объявляю мат в три хода.

Как вы думаете, друзья, могут белые, начиная игру, так быстро

заматовать черного короля? Справедливо ли написал потом школьный поэт в спортивной стенгазете:

Король был пешкам всем своим
На этот раз не рад:

Так тесно, что того гляди
Получишь спертый мат.

А ЛАРЧИК ПРОСТО ОТКРЫВАЛСЯ

Сегодня из своего чудо-ларчика достал Пешкин вот такую позицию:

Белые: Kpd 1, Kd5, пешки a4, a5, c2, e4, f3, h2.

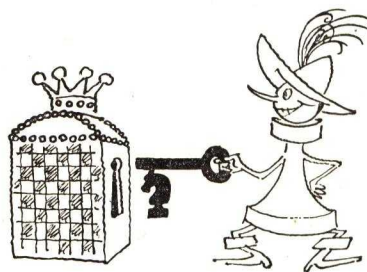
Черные: Kpc4, пешки a6, a7, c5, f4, h4, h5.

Перед ходом белых вдруг... на поле a1 села муха. На место улетевшей мухи игрок поставил белого слона и объявил противнику мат в четыре хода.

Вот как решается эта задача (первым ходом считаем «превращение мухи в слона»): 1. a1c h3 2. Kpc1! h4 3. Kpb2 Kpd4 4. Kpb3 мат.

Опять «индийская тема». На этот раз решающий удар наносит белый король.

Продолжение смотрите на странице 71.

Фехтовать? ПОЖАЛУЙСТА!

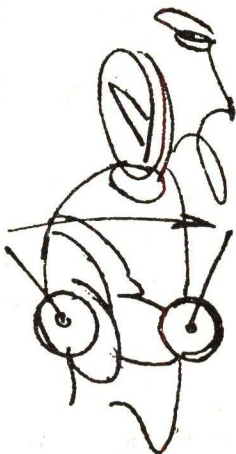
Пятикратный чемпион СССР, чемпион мира,
заслуженный мастер спорта
ГАЛИНА ГОРОХОВА

Урок третий

В прошлый раз мы с вами, ребята, учились атаковать. Теперь давайте займемся защитой. Нечего особенно объяснять, зачем. И без фехтования каждому ясно, что, если на тебя нападают, надо защищаться. Но защита в фехтовании отличается от защиты в простой мальчишеской драке тем, что она подчиняется строгой технике, требует точности движений и быстрой реакции, а значит, и настойчивой отработки движений и приемов.

Кроме того, помните, что я вам рассказывала о **тактической правоте**? Без отражения атаки противника ваша атака и ваш укол не в счет. В ходе поединка на рапирах, да и на шпагах тоже, атака с защитой тесно переплетаются и молниеносно переходят одна в другую. Ну, об этом мы еще поговорим в заключение.

Итак, защита! Есть девять приемов защиты. Мы познакомимся с самыми нужными.

Четвертая защита. Применяется, когда противник пытается нанести вам укол, направляя свою рапиру вовнутрь, то есть левее по отношению к вашей вооруженной руке.

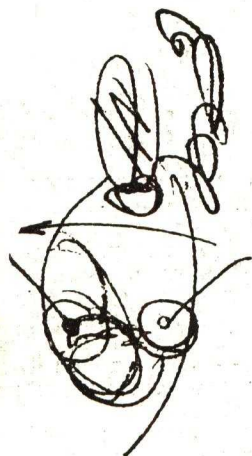
Художник нарисовал то короткое движение руки и главным образом кисти, с помощью которого вы осуществляете четвертую защиту. Стрелка показывает, в какую сторону перемещается ваша рапира, отклоняя рапиру атакующего.

Шестая защита. Она похожа на четвертую, только тут все наоборот: и направление, с которого противник хочет нанести укол (во внешнюю линию), и положение его рапиры (вправо по отношению к вашей вооруженной руке), и направление, в котором вы ее отво-

дите. Направление показывает стрелка на втором рисунке.

Шестая защита (так же, как и четвертая) служит для отражения уколов в верхнюю часть корпуса.

Ну, а если противник метит в низ поражаемой области? Тогда надо применять приемы круговой защиты. Вот перед

вами **четвертая круговая защита**. На рисунке — конечное положение рапиры. Если из положения **четвертой простой** защиты вы опустите немножко кончик рапиры и опишете им круг влево, до исходного по-

ложения, это и будет **четвертая круговая**. Стрелка показывает направление, в котором двигался кончик рапиры, но круг для наглядности несколько больший, чем на самом деле.

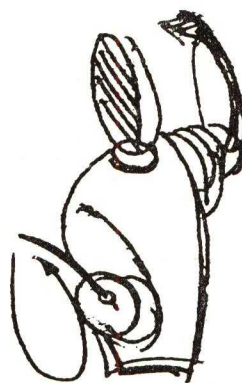
А здесь вы видите **шестую круговую защиту**, конечное положение рапиры.

Начальное положение — как в **шестой простой** защите. Круг описывается **вправо**. Так же, как и в четвертой круговой, круг гораздо меньше, чем на рисунке. Большой круг раскрывает вас противнику.

Комбинируя простую защиту четыре и шесть с соответственными круговыми, можно закрыться от укола, в каком бы направлении его ни старались нанести.

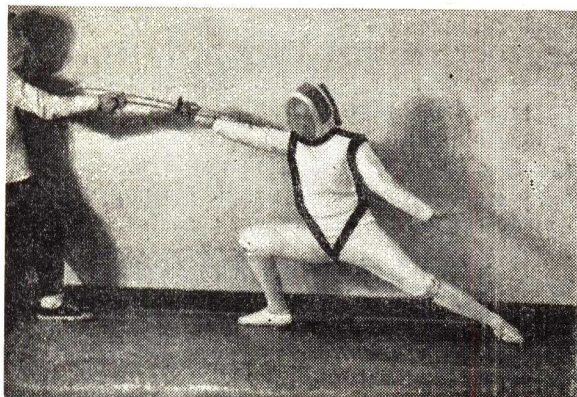
После каждой защиты следует перейти в атаку и нанести

ответный укол. В зависимости от положения оружия противника укол выполняется прямо, или с переводом, или с несколькими переводами (вспомните прошлый урок!). А в зависимости от дистанции до противника ответный укол может быть выполнен либо без перемещения из боевой стойки — только движением руки, либо с выпадом, либо с фехтовальным шагом.

Еще раз напоминаю: прежде, чем фехтовать с партнером, надо хорошо отработать все приемы, которые я показала вам на трех уроках. Но и с партнером первые тренировочные занятия не надо вести на большой скорости. Не надо поддаваться желанию как можно чаще и как можно быстрее наносить уколы. Чтобы добиться чистоты и точности, надо сначала делать все движения медленно, как танцоры в паре разучивают движения танца.

Да, да, не удивляйтесь, тут есть сходство. И в мирном искусстве танца, и в воинственном искусстве фехтования легкость, не-

Как я был рапирой

О, мои молодые друзья! Я намерен вновь положить главу моего повествования на подушку вашей любознательности. Послушайте же, что произошло дальше с нашей хоккейной площадкой. Когда апрельское солнце прогрело ее, подобно тому, как синяя лампочка прогревает ухо больного, площадка начала таять, и вскоре на ее месте красовалась только лужа, и мы направились в спортивный зал, расположенный неподалеку, чтобы повысить свою общую физическую подготовку.

Войдя в это обиталище ловкости и силы, мы увидели отроков, попарно сражающихся неким холодным оружием. Своим тонким клинком оно напоминало мне указку, коей пользовался учитель географии в школе рабочей молодежи, где я обучался недавно.

— Что здесь происходит, о возлюбленный Волька?

— Фехтование на рапирах, — отвечивал он. — Вот смотри: как только один из противников нанесет другому укол, на приборе загорается лампочка. Это электрофискатор срабатывает. Понимаешь?

— Рапирой своего разъярения ты зажег электрофиска-

тор моей заинтересованности, — сказал я, в задумчивости поглаживая бороду.

— Сейчас же отними руки от бороды, — прошептал Волька. — Знаю я твои фокусы: сейчас выдернешь волосок, и все фехтовальщики окажутся на верблюдах! Это ты задумал, да? Брось свои штучки. Не мешай ребятам тренироваться.

— Ну что ты, Воля! — Я заискивающе улыбнулся. — Мне просто очень нравится фехтование, и я подумал, не заняться ли и нам этим благородным видом спорта?

И не успел в нашем дворе день дважды смениться ночью, как мы приступили к тренировкам. В далекие дни своей юности я неплохо владел палашом. Однажды в турнире — (как в мое время назывались фехтовальные соревнования) — я даже победил любимого телохранителя царя Сулеймана (мир с ними обоими!). Освежив свои знания чтением современной литературы, я вскоре сам начал проводить тренировки с ребятами. Все они весьма старательно выполняли мои указания не только в спортзале, но и дома. И всеми я был очень доволен, кроме Вити Кошкина. Дома ему почему-то не удавалось отшлифовать приобретенное в спортзале. Тогда решил я посмотреть, как он занимается дома. Щелкнув себя левым мизинцем по правому уху, я превратился в рапиру. И когда кончились заня-

принужденность, свобода движения приходят тогда, когда вам уже не надо думать, куда ставить ногу и как повернуть руку. Когда руки и ноги **сами «знают»**, как им двигаться, вы можете свободно, легко и быстро осуществлять разнообразный каскад комбинаций, самых сложных и самых неожиданных для противника.

Успехов вам! От вашего желания, от вашей настойчивости зависит, будете ли вы когда-нибудь отстаивать своей рапирой спортивную славу нашей страны.

Витя взял эту рапиру и пошел домой.

О, мои внимательные собеседники! Мое превращение в рапиру — ничто в сравнении с тем, что я узрел, едва вежливый и прилежный Витя принес меня домой!

— Эй, — закричал он отцу, — как там мои задачи по арифметике?

— Решил, сынок, решил! — отвечивал сей почтенный человек так подобострастно, словно перед ним был сам Гарун-аль-Рашид, да будет мир его душе.

— А ты сделала упражнение по русскому языку? — столь же сурово спросил отрок у матери.

— Сделала, дитятко, — завила она.

— Тогда начинайте фехтование! Сегодня вы должны отработать новый прием!

— Сыночек, но ведь у нас еще много дел по хозяйству. Может быть, прием мы разучим завтра? — смиренно взмолились родители.

— А, так-то вы относитесь к единственному сыну?! — затопал ногами Витенька. — Ну и не надо! И не надо! Вот уйду от вас!

— Ну, хорошо, хорошо, мы только пошутили. Сию минутку приступим, — хлопотали родители.

С этими словами отец взял рапиру (а ведь это был я, который так неосмотрительно в нее превратился) и пошел на

Репортаж ведёт...
Холмабыч

улицу. Он сделал несколько выпадов, а потом, убедившись, что его никто не видит, принялся энергично выбивать мною ковер.

Затем он передал меня своей жене, и та, намотав на меня тряпку, приняла боевую стойку и стала снимать паутина с потолка.

К счастью, вскоре «домашние задания» были выполнены и меня засунули под кровать. Я мигом принял свой натуральный вид и сквозь стену просочился из комнаты. Когда же сей отрок вновь пришел на

ды, я сделал так, что этот двуликий перепутал, когда какую личину надевать. Дома он, к удивлению родителей, был вежлив и трудолюбив, а придя на тренировку, крикнул ребятам:

— Я единственный сын! Сейчас же тренируйтесь за меня, — и затопал ногами.

Но, конечно, никто из наших мальчишек и пальцем не двинул, и все засмеялись. И он затопал ногами еще сильнее, но ребята стали хохотать, как будто целое поле джинов щекотало им пятки. И тут

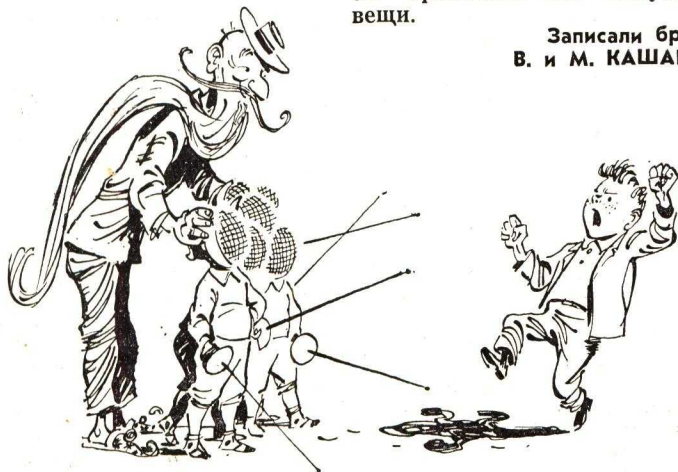
тренировку, он снова был скромен, тих и прилежен.

«Оказывается, у него два лица! — подумал я. — И он меняет их, как иные меняют шляпы».

Размышляя таким образом, я искал способ наказать сего неприятного отрока. И нашел! Пожертвовав еще один волосок из моей драгоценной боро-

ды, я сделал так, что этот двуликий перепутал, когда какую личину надевать. Дома он, к удивлению родителей, был вежлив и трудолюбив, а придя на тренировку, крикнул ребятам: — Я единственный сын! Сейчас же тренируйтесь за меня, — и затопал ногами. Но, конечно, никто из наших мальчишек и пальцем не двинул, и все засмеялись. И он затопал ногами еще сильнее, но ребята стали хохотать, как будто целое поле джинов щекотало им пятки. И тут же прозвали его «Единственным ребенком». И на него сбегались смотреть даже малыши. И через неделю у сего отрока осталось всего лишь одно лицо, как у всех порядочных людей. А куда он дел второе, безобразное, мне неизвестно. Полагаю, что он сдал его человеку по фамилии Утильсырье, о котором мне известно, что он принимает все ненужные вещи.

Записали братья
В. и М. КАШАЕВЫ.

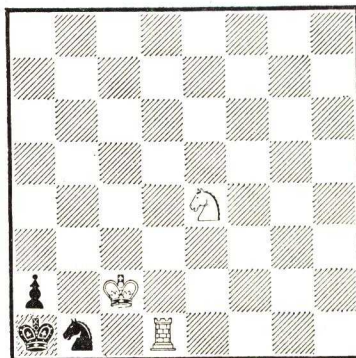

В стране Шаха

Начало смотрите
на странице 67

Многим ребятам кажется, что чем больше фигур на доске, тем труднее решить задачу. Но это вовсе не так. В шахматах воюют не числом, а умением. Часто, наоборот, нагромождение фигур делает задачу простой, а решение очевидным.

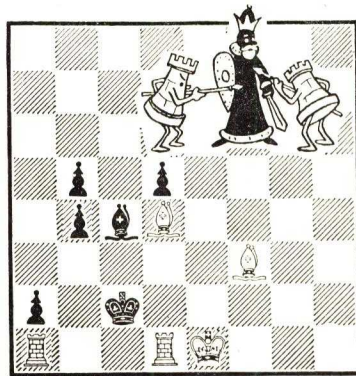
Красивые и хитрые задачи те, в которых при небольшом количе-

стве фигур осуществляются красивые комбинации.

Конечно, вам понравится эта позиция, в которой белые, начиная игру, дают мат в три хода черному королю. Может даже показаться, что у этой задачи нет решения, но поищите как следует, и вы найдете верный путь к победе.

В шахматах много тайн и красивых комбинаций. Вот в этом поло-

жении, казалось бы, невозможно заматовать в два хода черного короля. И все-таки мат есть.

Ждем ваших решений, ребята.

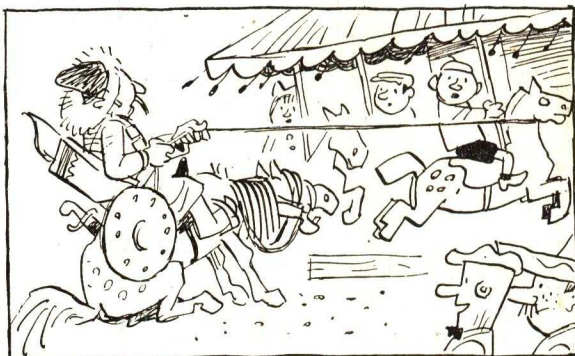
СМЕХОТРОН и ПОЛИГЛОТ ПОПАДАЮТ В ПЕРЕПЛЕТ...

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Продолжение

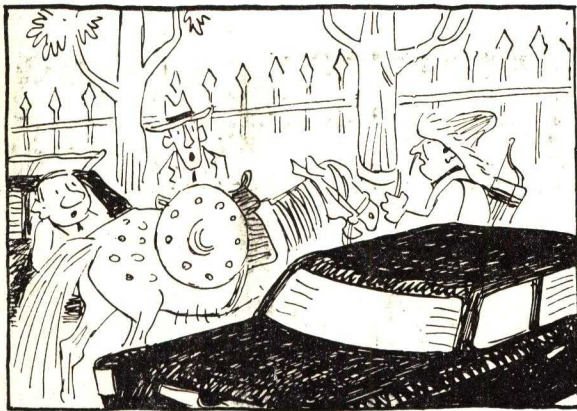
Нойон Бохадур скакал за голубой повозкой до тех пор, пока неожиданно не очутился в большой клетке. Клетка загудела и по-несла завоевателя вверх. Разве мог он подозревать, что попадет в лифт новой шахты метро, в котором строители спускались под землю?

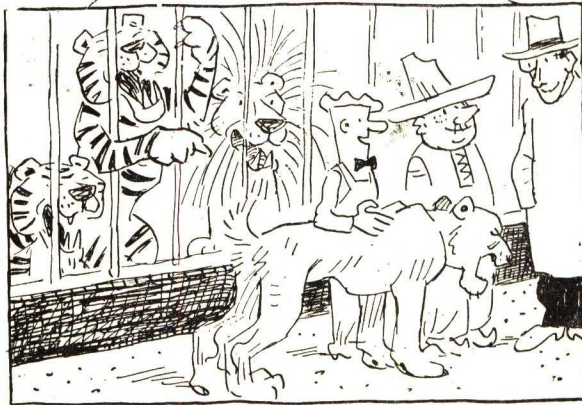
Бохадур, ослепленный солнцем, увидел вдруг бешено скачущих коней с отважными всадниками в седлах. «Ого-гей! — закричал воинственный Бохадур и прищиприл коня. — Догоню, в плен возьму! Ого-гей!» Он раскрутил аркан и... «Нечистая сила. Кони превратились в деревянных!» — заикаясь, прошептал он.

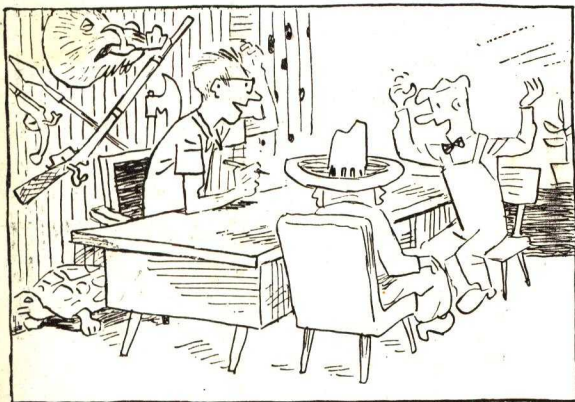
«Смотрите, наш Бохадурчик! — сказал Полиглот. — Еле дышит, и конь чуть жив. Надо спасать представителя древних веков!» «Пити Воды!» — хрипел завоеватель. Пришлось поить и всадника и коня газированной водой. А потом наши друзья решили накормить Бохадура. Уж очень он плохо выглядел.

Но коня в кафе почему-то не пустили. Бохадур привязал его на стоянке автомобилей, а сам вошел в зал и скомандовал: «Подать сюда самые лучшие заморские вина, самые дорогие кушанья на золотых блюдах, и пускай девушки в белых нарядах танцуют передо мной! А не то я вас всех завоюю!»

«Это, наверно, великий артист. Репетирует роль», — сказали друг другу веселые повара, когда Бохадур сдернул скатерть со стола. А в это время Полиглот и Смехотрон отвели саблебеззубого тигра в зоопарк. «Ничего, — сказал директор, — мы вставим ему пластмассовые зубы... Редкий экземпляр, ископаемый».

Смехотрон и Полиглот поспешили в редакцию «Пионера», чтобы рассказать о своих приключениях. Редакция дала им в награду мопед. Наши герои простились и поехали, но тут они увидели знакомого коня у входа в Исторический музей. А из музея раздавался шум. Опять завоеватель что-нибудь натворил!

Продолжение на стр. 79.

● Микролитражные автомобили-карты с маркой «ЭЛМА» отмечены почетными дипломами и медалями. В Америке, на родине картов, наша «ЭЛМА» так понравилась, что ей была посвящена специальная телепередача. За машину предлагали две тысячи долларов!

Американцы не верили, что такой прекрасный, легкий, надежный и красивый карт сконструировали ребята.

Но машины с маркой «ЭЛМА» действительно создают ребята в Курском Дворце пионеров. «ЭЛМА» — значит экспериментальная лаборатория микролитражных автомобилей. Как и на всяком солидном предприятии, здесь есть свои конструкторы, технологи, сварщики и даже испытатели.

Сейчас в производстве еще более совершенные машины, их готовят к юбилейной выставке ВДНХ.

● Забытую боевую песню дальневосточных партизан нашли ребята из Михайловской средней школы. Собирали материал о партизанском отряде «Красный орел», узнали, что комиссар отряда Иван Трофимович Воронцов живет сейчас в Москве, решили к нему поехать. Деньги на билеты

Н О В О Е

заработали в ученической производственной бригаде.

Партизанский комиссар рассказал ребятам, как охраняли государственную границу на Амуре, как вели жестокие бои за Волочаевку, а потом из кипы пожелтевших бумаг вынул маленький листочек с песней:

Из тайги, тайги дремучей
От Амуре, от реки
Молчаливой грозной тучей
Шли на бой большевики.

Краеведы привезли песню к себе в село, пионерский хор разучил ее и однажды исполнил в Михайловско-Амурском совхозном клубе. На концерт ребята пригласили своих земляков — амурских партизан. Партизаны, да и все жители села благодарили ребят за хороший подарок.

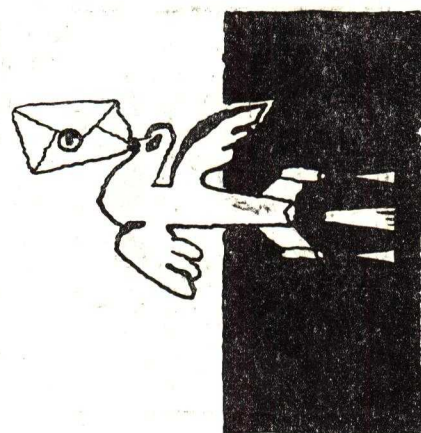
Н Е И З В Е С Т Н О Е

● «Морозик-2» — сложное контролирующее автоматическое устройство. Назван аппарат по имени автора — Володи Морозика, ученика 294-й школы города Ленинграда.

Отметки по физике ребятам этой школы ставит не учитель, а электронный аппарат «КАУ-3». Решают ребята физические задачи, перед каждым стоит ящичек, похожий на футляр от пишущей машинки.

Решил задачу, нажал кнопки: если все правильно, на ящичке зажигается светящийся глазок, а уж если решил неверно, не обессудь: глазок не зажжется.

Кончена работа — на «КАУ-3» засветилась оценка.

«КАУ» — значит контролирующее автоматическое устройство. По типу этого аппарата Володя Морозик создал свой, новой конструкции.

● Лесной «Эрмитаж» — так называется выставка самоделок из сучков, коры, желудей, косточек.

Тонконогий муравей поднимает штангу — это «Соперник Жаботинского».

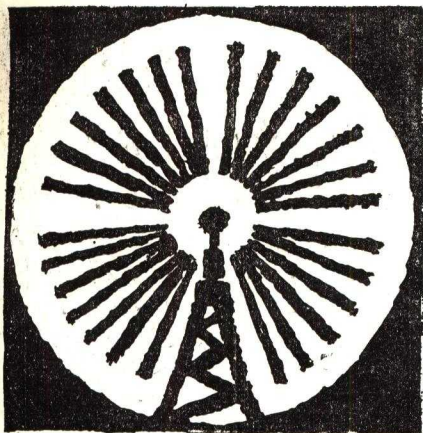
«Джаз пингинов», «Первый урок», «Человек на Марсе» — все экспонаты выставки сделаны руками искусных мастеров из 39-й школы г. Симферополя.

● Создадим зеленую зону вокруг школы к 50-летию Великого Октября — решили ребята 16-й школы г. Барановичи.

● Сервировать стол, готовить обеды, принимать гостей учатся на занятиях по домоводству девочки из 190-й школы г. Баку.

● Бригада «Отвага» — это двести юнармейцев, двести читинских мальчишек из девяти школ разных районов города.

У «Отваги» есть свое бригадное знамя и есть свой комбриг — свой генерал. Занятия в отрядах «танкистов» и «летчиков» ведут комиссары — воины читинского гарнизона. Они помогают ребятам проводить военные игры.

● Девяносто походов по пещерам Чиа-турского района и ущельям реки Квириада совершили краеведы детского дома из грузинского села Ргани.

В этом году в гостях у ребят побывало много ученых. Ученых заинтересовала одна из последних археологических находок ребят — бронзовая кисть руки с яблоком. Ученые считают, что бронзовая рука сделана в третьем веке до нашей эры.

● Шестнадцать короткометражных фильмов сняли ребята из кружка кинооператоров Екабпилсского Дома пионеров Латвийской ССР. Свои фильмы юные кинолюбители показывали во всех школах района, в городе Риге.

Фильм «Герои Вьетнама», рассказывающий о кавалере трех орденов Славы Янисе Розе, и цветной фильм «Сегодня у песни праздник» на смотре в Риге завоевали первые места.

Сейчас ребята заканчивают работу над цветным фильмом «Лаукзерс». Этот фильм расскажет о латвийском селе. Он снимается по заданию Министерства просвещения Латвийской республики.

Н У Ж Н О Е

● Кто лучше шьет, кроит, вяжет! Кто делает самые интересные игрушки!

Для того, чтобы это решить, а заодно и научить друг друга своему мастерству, собрались на слет юных домоводов ребята из сорока двух школ города Кишинева.

В гости к кишиневцам приехали домоводы из Одессы и Черновиц.

Жюри отметило работы, которые были сделаны не только с большим мастерством, но со вкусом и фантазией.

ТЕАТР

Всем театрам в школах, клубах и дворах! ФОНАРИК хочет знать, сколько у него друзей.

Как друзья живут, над чем работают, о чем мечтают.

ФОНАРИКУ интересно, что у друзей получается, а что не очень. Какие у друзей просьбы к нашему театру, какие советы.

Ведь ФОНАРИКУ уже пора подумать о втором театральном сезоне. Он начнется в августе. Советы друзей ему очень пригодятся.

Виктор Драгунский

Синяя птица

или когда мамы дома нет!

Рисунки Ю. УЗБЯКОВА

Действующие лица:

ДЕНИСКА.
ДЕНИСКИН ПАПА — вылитый Дениска.
ДЕНИСКИНА МАМА — очень милая молодая женщина.

Скромная комната Кораблевых. Круглый стол, книжные полки. Денис сидит за столом. Он рисует.

ДЕНИС. А здесь мы мазанем толстой кисточкой. Так-с! Прекрасно... Теперь прибавим голубенькой красочки. Отлично! Вот это плакатик будет! Наша вожагая Люська будет довольна! Вот так-с! Будет довольна наша приставучая Люсичка. Вот, скажет, что значит художник! Мастер своего дела. Прибавим-ка желтенькой... Красота! Да, скажет Люська, вот это да! Ну и Денис! Вот это молодец! Чудодей! Вот это художник!...

Бормочет что-то подобное себе под нос. В это время слышится громкий, пронзительный голос: «Этточить ножи, ножницы, бритвы править!»

ДЕНИС (кричит, не оборачиваясь). Не надо!

ГОЛОС (с вопросом). Старье бирром?

ДЕНИС. Не надо, не надо!

ГОЛОС. Чинить, паять, матрасы набивать!

ДЕНИС. Входи же, я тебя уже полчаса как узнал.

Входит ПАПА. Веселый, длинный, не очень складный. Они здороваются.

ПАПА. Есть хочу, помираю! А ты рисуешь?

ДЕНИС. Ага! А ты, па, как думаешь, кто лучший художник: Левитан или Рёпин?

ПАПА. Репин, а не Рёпин.

ДЕНИС. Репин. Кто же лучше: Репин или Левитан?

ПАПА. Так нельзя спрашивать! Ты в уме? Кто лучше? Они оба лучше! Какая, например, звезда лучше? Какой цветок лучше? Или какая река? Кто это знает? Это трудный, очень трудный вопрос. Тебе кто, например, нравится из художников больше всех?

ДЕНИС. Из реалистов?

ПАПА. Хоть из реалистов.

ДЕНИС. Да вот я, например, очень неплохо рисую... Репин — тоже ничего...

ПАПА. Ну и хвастунишка же у меня сын! Беда! И в кого только ты такой уродился? Но все-таки есть очень хочется. А где ма?

ДЕНИС. Она ушла в институт. Сказала, что за окном курица. Чтобы ты ее сварил, если будешь хотеть есть. А то ей одной не разорваться!

Папа вытаскивает голенастую курицу из-за окна.

ПАПА. Синяя какая!

ДЕНИС. Ноги, как у цапли! А почему у нее гребешок?

ПАПА. Кто ее знает!

ДЕНИС. Да все равно! Свари ее—и дело с концом!

Папа кладет курицу на стол, стоит в задумчивости.

ПАПА. Легко сказать: сварил! Сварить можно! Сварить — это ерунда! Вопрос, в каком бы виде нам ее

съесть? Жареную? Тушеную? Из курицы, милый друг, я могу приготовить больше сотни чудесных питательных блюд!

ДЕНИС. Ты, папа, свари ее попроще. Только чтобы быстро, есть-то хочется!..

ПАПА. Вот-вот! Ты ухватил самую суть! Что же можно сварить побыстрее? Ответ ясен — бульон!

ДЕНИС. А ты бульон умеешь?

ПАПА (глаза у него блестят, он радостно возбужден). Да лучше меня никто на свете не умеет варить бульон. Бульон — это проще пареной репы! Положи в воду и жди, когда сварится, вот и вся премудрость. Через 30 минут у нас будет обед из двух блюд. На первое бульон с хлебом, на второе — курица вареная. Горячая, дымящаяся! Ну-ка брось свою репинскую кисть! Давай помогай!

ДЕНИС. А что я должен делать?

ПАПА. А вот погляди: видишь, на курице какие-то волоски. Ты их остриги, потому что я не люблю, когда бульон лохматый. Ты состриги эти волоски, а я пойду на кухню, поставлю воду кипятить!

Папа выходит. Дениска берет ножницы.

ДЕНИС. Пожалуйте стричься! (Стрижет по-парикмахерски. Возвращается папа.)

ПАПА. С боков больше снимай. А то у тебя получится под бокс.

ДЕНИС. Не очень что-то выстригается. Волос-то, оказывается, много!

ПАПА (хлопнув себя по лбу). Господи! Ну и бесполовые же мы с тобой, Дениска! И как это я позабыл? Кончай стрижку! Ее нужно опалить на огне. Понимаешь? Так все делают! Мы ее на огне подпалим, и все волоски обгорят, и не надо будет ни стрижки, ни брижки! За мной!

И, схватив курицу, папа бежит на кухню. Денис за ним. И вот мы на кухне. На плите на одной из конфорок стоит кастрюлька. Папа зажигает вторую конфорку, он приговаривает.

ПАПА. Сейчас, сейчас! Ох, и хорошая курочка! Еще вчера кричала «кукареку»! А сейчас мы ее опалим! Сейчас она у нас вся обгорит и станет чистенькая и беленькая!

Но мы видим, как над горелкой клубится густой черный дым.

ДЕНИС. Что-то, папа, она у нас не очень-то беленькая получается. Она у нас, наоборот, какая-то черненькая. Вроде обугленная.

ПАПА. Да! Странно! (Гасит газ.) По-моему, она у нас как-то неожиданно прокоптилась. Ты любишь копченую курицу?

ДЕНИС. Нет. Это она не прокоптилась, просто она вся в саже. Давай-ка, папа, я ее вымою!

ПАПА (облегченно). Ты молодец! Ты сообразительный. Это у тебя хорошая наследственность! Ты весь в меня! На-ка, дружок, возьми эту трубочистовую курицу и вымой ее хорошенько под краном, а то я уже устал от этой возни!

Он садится на табурет, покачивается.

ДЕНИС. Сейчас я ее мигом! Ох, горячая!

Денис моет курицу под краном и вдруг становится весь чумазый.

ДЕНИС. Вот что ты, папа, с ней наделал. Совершенно не отстирывается! Сплошная сажа!

ПАПА. Ну уж и сплошная! Что ты это говоришь? Сажа только сверху. Не может же она вся состоять из сажи. Подожди-ка.

Он достает мыло из кухонного шкафчика, протягивает его Денису.

Земляничное. Мой как следует! Намыливай!

ДЕНИС (намыливает, трет). Несчастная какая-то курица. У нее стал совсем дохловатый вид! Вся размазывается! Вот! Полчаса ее мою, а она еще грязней! У, проклятый петух! Размазывается весь.

ПАПА. А щетка для чего? Ты потри ее хорошенько! Сначала спинку, а потом все остальное!

ДЕНИС (трет). Понимаешь, она вдруг словно оживела. Гляди, так и выпрыгивает из рук!

ПАПА. А ты ловчее! Ты держи ее за крылья!

ДЕНИС. Она выскакивает!

ПАПА. Э, да ты, я вижу, совсем не умеешь мыть курицу!

ДЕНИС (в сердцах). Знаешь что, папа? Ты попробуй сам!

ПАПА. Давай сюда!

Он хочет взять курицу. Денис дает ему ее, но курица, как живая, вдруг вырвалась у них из рук и усакала под самый дальний шкафчик.

ДЕНИС. Ах!

ПАПА (не растерявшись). Ничего страшного! Подай швабру! Куда она закатилась?

Денис подает ему швабру.

ПАПА (выгребает из-под шкафчика). Ага, есть!

ДЕНИС. Это не курица! Это старая мышеловка!

ПАПА (во второй раз). Вот она!

ДЕНИС. Нет, это моя позпрошлогодня калошка!

ПАПА (в третий раз). Есть! Клоует!

ДЕНИС. Подсекай!

ПАПА. Неужели это курица?

ДЕНИС. Это ужас!

ПАПА (бодро). Ну, теперь держись, Синяя птица!

Он тащит курицу под кран. Довольно ловко моет ее. Кладет в кастрюлю.

ДЕНИСКА. Окунул?

ПАПА. Окунул.

ДЕНИСКА. Посолил?

ПАПА. Потом, когда сварится.

ДЕНИС (снимает крышку. Принюхивается). Потрошил?

ПАПА. Потом. Когда сварится. Ну, следи! Когда вскипит,ними крышку. А я пойду отдохну от всех этих передряг. Кстати, ты бы посуду вымыл, ей-богу. Нельзя все на маму сваливать! Действуй.

ДЕНИС. Есть действовать!

Папа уходит. Дениска моет посуду. Делает это быстро, ему нравится ритм работы. Поет.

ДЕНИСКА. Вилочки и ложечки,
Тарелочки и ножички
Очень любят,
Очень любят,
Очень любят.
Мыться!
А чайнички и чашечки,
Блюдечки, стакашечки
Очень любят,
Очень любят,
Очень любят...
(Трах! Чашка на куски.)
Биться.

(Убирает, опасливо оглядываясь, допевает шепотом).

Дзинь-бум, тарарах!
Дзинь-бум, чебурах!
Очень любят,
Очень любят,
Слишком любят биться!

Вбегают мама. Видит это безобразие.

МАМА. Что у вас тут такое? Что случилось?

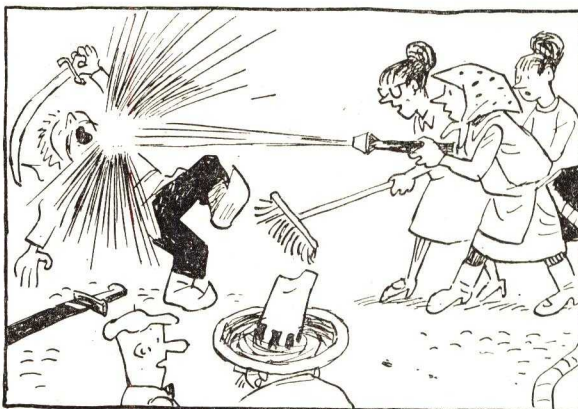
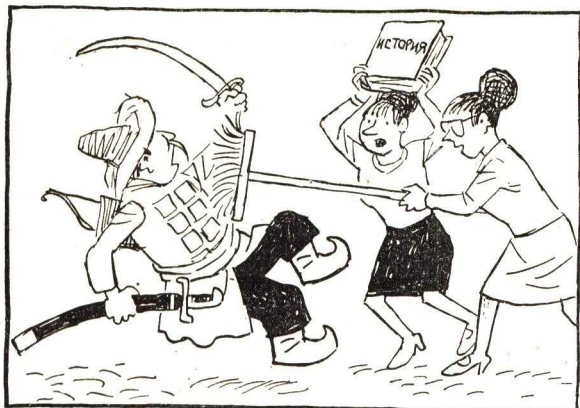
ДЕНИСКА. Ах, мама, это ты? А у нас ничего не случилось! Все в порядке. Тишь и благодать, порядок. Уют. Вот курицу варим!..

В эту минуту из кастрюли, где варится курица, начинается извержение. Дым! Пар! Фейерверк. Прибегает папа. Он тоже в ужасе. Мама заливает водой всю кастрюлю.

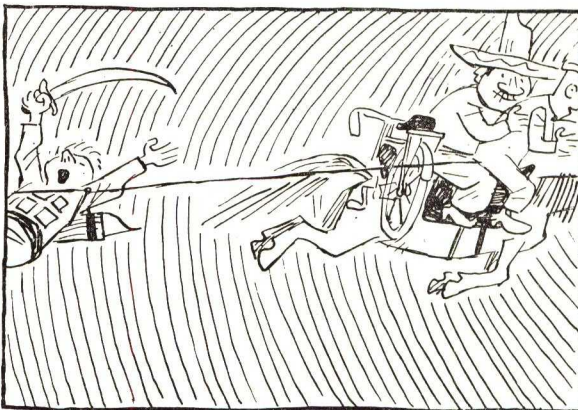
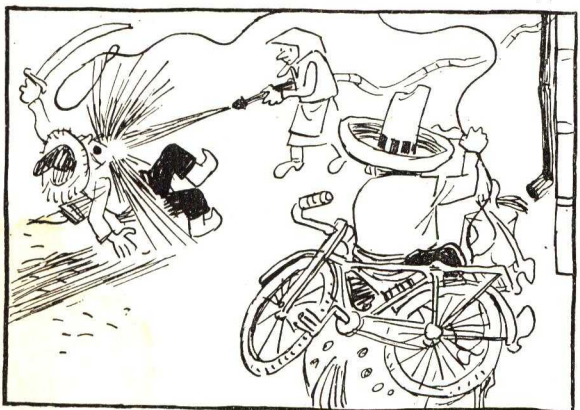
ДЕНИС. А как хорошо, что ты пришла, мама! Без тебя плоховато, теперь тишина, уют, полный порядок. И на душе как-то спокойнее!

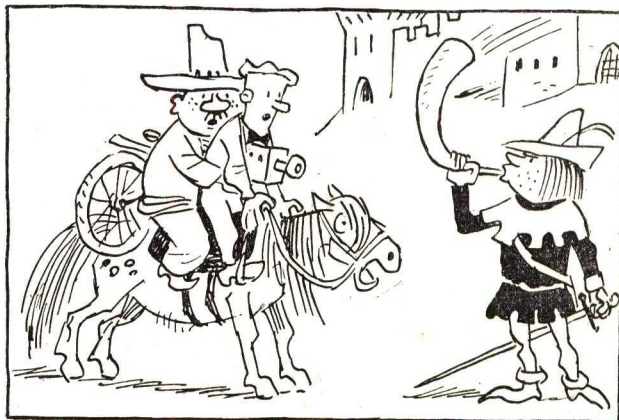
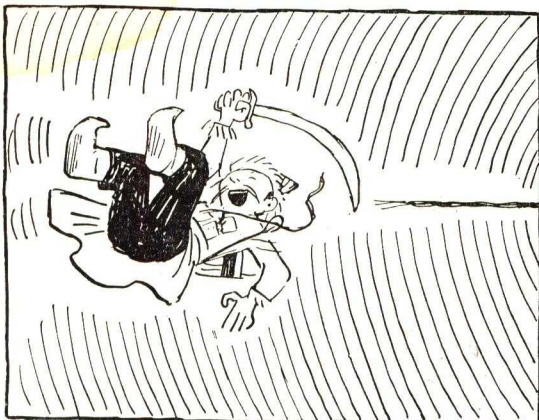
Заканес

И в самом деле. Бохадур увидел в окне музея старинный золотой меч и решил завладеть им. «Это мой! — вопил Бохадур, отбиваясь от служителей музея. — Мой меч! Как он к вам попал, ворюшки?! Я вас всех завоюю!» Но дворничиха тетя Даша не испугалась ни меча, ни самого свирепого Бохадура.

«Беда с этим завоевателем! — воскликнул Смехотрон. — Он обязательно что-нибудь натворит! Надо его отправить обратно, пока не поздно». «Правильно», — согласился Полиглот. Они бросили на Бохадура аркан, и Смехотрон включил свой прибор «УНИКУМ».

Они летели в межвременном пространстве. Бохадур взмахнул своим ятаганом и разрубил веревку. В ту же секунду он исчез, провалился неизвестно в какое время. А Смехотрон и Полиглот вдруг очутились в незнакомом месте перед человеком в ярком и странном костюме. Человек трубил в огромный рог...

Продолжение следует.

Марки революции

Такая встреча взволнует не только филателиста — собирателя почтовых марок. Марки, которые вы видите на четвертой странице обложки, — ровесники революционных событий, памятных давних лет. Ведь это первые марки Советского государства!

Уже через три месяца после победы Октября Народный комиссариат почты и телеграфа принял решение «О выпуске революционных почтовых марок». И вот появилась самая первая наша марка. Изображает она меч в руке, рассекающий цепи самодержавия.

В жестоких боях гражданской войны народ отстаивал свою власть, свою социалистическую революцию. В августе 1921 года вышла марка, которая известила мир о разгроме интервентов и белогвардейцев. На марке нарисован рабочий с мечом в руке. Он положил на обе лопатки дракона капитализма. Изображенное на марке восходящее солнце символизирует наступление нового дня. К нему с надеждой обратил свое лицо победитель-рабочий.

19 августа 1922 года был первый День филателии. Все деньги, собранные в этот день от продажи марок, пошли в фонд помощи детям. На выставке в московском почтамте было показано более трехсот рисунков юбилейной марки к пятой годовщине Октября. Победительницей этого конкурса стала марка художника И. Дубасова. Каменщик, выбивающий на мраморной плите юбилейные цифры «1917—1922», олицетворяет трудовой народ и как бы подводит итог напряженной работе в течение этих лет.

В те годы не раз собирались выпустить марки с портретом Владимира Ильича Ленина. В 1920 году такая марка была подготовлена к изданию. Но Ленин случайно об этом узнал и, будучи человеком скромным, ненавидящим почести, не разрешил ее выпустить. Даже клише этой марки было уничтожено.

Первая марка с изображением Владимира Ильича вышла лишь после его смерти, в январе 1924 года. Она была напечатана на простой бумаге, без зубцов, портрет окаймлен черной траурной рамкой и тонкой красной линией. На другой ленинской марке, изданной в 1925 году художниками Гознака, был искусно выгравирован портрет Владимира Ильича.

Марка «Красноармеец» выпущена в 1924 году. Рядом с ней тоже очень интересная марка. Ее напечатали в честь Первого всесоюзного пионерского слета в 1929 г.

В. ЖОГИН

Содержание

Законы твоей пионерской жизни	1
Первая кровь. — Рассказ М. Слуцкиса. Перевели с литовского Л. Миль и Д. Эпштейнштейн. Рисунки Е. Шукаева	2
До Прометея. — Стихи В. Шефнера. Рисунок В. Доли	6
Мальчик из До Линг. — Рассказ М. Варненской. Перевел с польского Ю. Сицко	7
По компасу Октября. Про мечты ребят и жизнь хорошую. — К. Маштакова. Фото А. Гостева, Д. Ухтомского, Дм. Бальтерманца, Я. Рюмкина	8
Люди с фрегата «Африка». — Повесть Вл. Крапивина. Продолжение. Рисунки Е. Медведева	12
Пароль «Затвор». — Л. Рассказов, П. Горский	25
Надо посоветоваться. Мальчишки говорят: «Подумаешь!» — С. Образцов. Фото С. Карасева	28
Посмотрите нашу выставку. — Стихи Десанки Максимович. Перевел с сербскохорватского С. Калужанин	32
Комаринный месяц. — В. Степаненко. Рисунки Н. Борисовой	33
Под шапкой-невидимкой. — Н. Сладков	40
Песня о ветре. Гуси. — Стихи Вл. Луговского. Рисунки В. Неклюдова	42
Чудо Луговского. — С. Артамонов	43
Регенсбургские портные. — Перевел с немецкого Ю. Коринец. Рисунки Н. Доброхотовой	45
Сказки народов Африки. — А. Гарф. Рисунки О. Зотова	46
В год пятидесятый, юбилейный. Радиоголоса Вселенной. — К. Порцевский. Фото В. Иванова и корреспондентов ТАСС	52
Конкурс фантастических рассказов. Экипаж «Элго». — Рассказ Тани Черкасовой. Рисунки Н. Степанова	55
Наше фотопутешествие	59
Мэри Поппинс. — Повесть П. Л. Траверс. Перевод Б. Заходера. Рисунки Ю. Владимировой и Ф. Терлецкого	60
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович	67
Спорт	
Фехтовать? Пожалуйста! — Г. Горохова. Фото С. Карасева. Рисунки В. Тогобицкого	68
Репортаж ведет Хоттабыч. — Братья В. и М. Кашаевы. Рисунки А. Елисеева и М. Скобелева	70
Смехотрон и Полиглот попадают в переплет. — Е. Ведерников, Ю. Постников	72
Агентство ННН	74
Фонарик	
Синяя птица, или когда мамы дома нет. — Пьеса В. Драгунского. Рисунки Ю. Узбякова	76
Марки революции. — В. Жогин	80
На наклейках:	
Рисунки ребят разных стран.	
На первой странице обложки	
На пионерском параде. Рисунок М. Вишофа.	
На четвертой странице обложки:	
Марки революции.	

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор С. Сахарова.

Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. Пархоменко.

А 00090.

Подписано к печати 12/V 1967 г.

Форм. бум. 84×108¹/₁₆.

Объем 5,25 физ. печ. л.

8,82 усл. п. л.

Тираж 855 700 экз.

Изд. № 978.

Заказ № 1108.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В Москве, на улице Горького, есть магазин,
в котором продаются книги,
изданные в социалистических странах.
Недаром и название у этого магазина
такое хорошее: «ДРУЖБА».

Магазин «Дружба» высылает наложенным платежом
следующие книги для школьников на русском языке:

Васильев И. ЧУДЕСНЫЙ РОДНИК. Цена 50 коп.

В книге рассказывается о необыкновенных приключениях
школьников, поселившихся на берегу озера в домике на сваях.

Марчевский М. МИТКО ПАЛАУЗОВ. Цена 40 коп.

Митко — школьник, бесстрашный партизан.

Его мужественной борьбе с фашистами посвящается эта книга.

Седерьери М. ТАЙНЫ ТРОПИКИ. Цена 75 коп.

Турчани Э. ВОСЬМИНОГИЕ ОХОТНИКИ. Цена 75 коп.

Эти две книги рассказывают о тайнах лесов и лугов,
о повадках зверей, птиц и насекомых. Книги богато иллюстрированы.

Пекара А. ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ О ВОЗДУХЕ.

Цена 88 коп.

В книге в занимательной форме рассказывается о воздухе,
даны описания физических и химических опытов.

Книга может быть использована в качестве практического
пособия для школьников.

Сенковская А., Сенковский С.

ШЕРЕНГА ВЕЛИКИХ ХИМИКОВ.

Цена 57 коп.

В кратких биографических очерках читатели познакомятся
с великими химиками от Аристотеля до Нильса Бора,
узнают о великих и малых открытиях в области химии.

КНИГИ МОЖНО ЗАКАЗАТЬ, НАПРАВЛИВ ПИСЬМО ПО АДРЕСУ:
МОСКВА, К-9, УЛ. ГОРЬКОГО, 15. МАГАЗИН «ДРУЖБА»,
ОТДЕЛ «КНИГА — ПОЧТОЙ».

Куп 18. Казышлы

Цена 25 коп. Индекс 70694

Марки
революции

